

МАША ТРАУБ

Второй раз в первый класс

От автора бестселлера «Дневник мамы первоклассника»

Annotation

С момента выхода «Дневника мамы первоклассника» прошло девять лет. И я снова пошла в школу – теперь с дочкой-первоклассницей. Что изменилось? Все и ничего. «Ча-ща», по счастью, по-прежнему пишется с буквой «а», а «чу-щу» – через «у». Но появились родительские «Вотсапы», новые праздники, новые учебники. Да, забыла сказать самое главное – моя дочь пошла в школу не 1 сентября, а 11 января, потому что я ошиблась дверью. Мне кажется, это уже смешно.

Маша Трауб

- [Маша Трауб](#)
  - [Экзамен на звание «Идеальная мать». Садись – два](#)
  - [Тест для родителей: готовы ли вы к школе. Где живут собаки и почему холодец находится в попе?](#)
  - [Поиски героя, или Как отбить ребенку веру в прекрасное](#)
  - [Новая мода – «Степфордская жена» и «такси-мама» в одном лице](#)
  - [Открытые уроки, или «Лучше этого не видеть»](#)
  - [Запись в первый класс, или Что случится, если мать ошибется дверью](#)
  - [Новый год в почти школьной форме, или Отметить, как в последний раз](#)
  - [Первый раз в первый класс, или Кто ходит в школу в январе](#)
  - [Первоклассные страхи, или Ностальгия](#)
  - [Можно ли потеряться в школе? А потерять ребенка в школе? А вообще забыть про ребенка?](#)
  - [Знакомство с родителями](#)
  - [Бараны не читаются, Му-Му – не пишется](#)
  - [«Вотсап» как родительское проклятие](#)
  - [«Домашка». Снова красим гриб-боровик](#)
  - [Светка-красотка, или Возможен ли роман с Зиданом?](#)
  - [Домашняя логистика, или Куда вколоть лишнюю порцию ботокса](#)
  - [Уволить бабушку и спросить у Гугла](#)
  - [«Вотсап» не умолкает, или «Марьиванна, можно выйти?»](#)
  - [Продолжаем учиться. Карантин. Сдача ГТО. Быстрее, выше, сильнее...](#)

- [Возвращаемся к корням, или Как пахнут дети, если их намазать гусиным жиром](#)
  - [Школьная жизнь в условиях карантина](#)
  - [Мои школьные годы чудесные. Туалет на улице, где растут самые красивые розы](#)
  - [Все проходит. Даже карантин. Снова в школу](#)
  - [Лучше всех. Самый умный. Алло, мы ищем таланты. Бедные дети](#)
  - [Первый выход в свет. Зато у нас платье красивое](#)
  - [Новые горизонты. Что делать, если балерина решила стать ватерполисткой?](#)
  - [Сбор «маскулатуры». Настоящее и прошлое](#)
  - [Родительские амбиции, или Адронный коллайдер в квартире](#)
  - [УПК, или Нужно ли тачать болванку?](#)
  - [«Жаворонушки» и другие праздники. Как сделать тыкве декупаж](#)
  - [Дожили до выпускного и отметили семилетие](#)
  - [Готовимся к отпуску. Бриллиантовые руки](#)
  - [Вместо послесловия](#)
-

Маша Трауб

Второй раз в первый класс

© Трауб М., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Экзамен на звание «Идеальная мать».

Садись – два

С Васей все было неправильно. Вася – мой старший сын. Он очень на меня похож по внутреннему устройству: мы с ним тяжело встаем по утрам, можем полдня биться об стены и валять дурака, а потом за пятнадцать минут сделать то, что нужно. Мы легкие на подъем, и нас обоих, как волной, посещают странные увлечения: одно время Вася начал запойно слушать музыку и осваивать гитару, а я занялась вязанием и хэнд-мэйдом – сделала вешалку для полотенец из скалок и покрыла лаком шкафы на кухне. Через некоторое время эти увлечения прошли, как не бывало. И тогда я начала печь тортики и безешки, а Вася пошел в секцию стрельбы. Пока я осваивала рецепты приготовления опары для хлеба, причем без использования хлебопечки, а чтобы все по-настоящему, исключительно руками, Василий упльвал на байдарках и подумывал об альпинизме. Мы с ним болтаем по вечерам, но, когда на кухне появляется отец семейства, оба замолкаем, хотя ничего предосудительного в наших разговорах нет. У сына очень много моих качеств, которые стали проявляться, когда он повзрослел. Например, от кофе его клонит в сон, как и меня, а в двенадцать часов ночи у него бывают внезапные приступы рабочей активности. И, как записано в школьной характеристике, у него завышенная самооценка. Последнее свойство Васиного характера муж считает точно моим. Не уверена. То есть у сына это точно наследственное.

Я прекрасно помню, как записывала его в первый класс. В то время Вася меня совершенно извел – тогда он еще занимался теннисом и ломал ракетки в случае проигрыша. Я ездила на спортивные сборы с ним, нанимаясь то помощником повара, то вожатой. Не потому, что боялась отпустить его одного... Хотя да, боялась. Вася не ходил в детский сад, поскольку, как объяснил нам психолог, он был «не садовский» ребенок. Например, мог умирать от голода, но не есть то, что ели все. Я пыталась его «социализировать». Но в детских лагерях, когда дети дружно ели пиццу, Вася упорно сидел на гречке. Я соблазняла его сосиской в тесте, сладкой газировкой, но сын предпочитал рис, бульон и чай. Он играл в шахматы, но мог взять и перевернуть доску с фигурами, если осознавал, что проигрывает. Причем поражение чувствовал еще до того, как это начинал

понимать противник. Я устала ловить за ним доски и ракетки.

Ему было шесть лет. Однажды мы шли с ним мимо школы.

– А пойдем в школу? – вдруг спросил Вася.

– Пойдем, – согласилась я, думая, что сейчас мы поднимемся по ступенькам и попросимся на экскурсию.

– Нет, не сейчас, а вообще в школу. Да, я хочу в школу, – объявил сын.

Мы, естественно, завалили собеседование, поскольку не ходили на подготовку к школе и я сама учила его читать и считать. Мы не прошли тестирование у психолога (в те годы – обязательное условие для поступления в школу), которая увидела у Васи признаки аутизма и посоветовала мне подумать о домашнем обучении или специализированной школе. Сын не ответил ни на один вопрос. Молчал. Выйдя из кабинета, сообщил, что не отвечал, потому что вопросы были скучными. Но наша первая учительница, Светлана Александровна, его все равно взяла. Я была ей так благодарна, что даже не спросила, почему она вдруг на это решилась.

Вася учился практически в школьном коридоре, где стоял диван и лежали игрушки. Он играл, сидел, лежал, ходил, но, когда его вызывали к доске или спрашивали, давал верный ответ. Через полгода решил сесть за парту, и это стало счастьем. Светлана Александровна, которую Вася упорно называл Александрой Светлановной, радостно объявила мне на родительском собрании: «Сидит!»

Я была обычной перепуганной молодой мамой, которая забивалась под детскую парту на родительских собраниях и буквально молилась на учительницу, не понимая, как нас еще не выгнали. Я пыталась рассказывать подругам о нашей школьной жизни, но им было неинтересно. И тогда я написала книгу, неожиданно для меня ставшую бестселлером, – «Дневник мамы первоклассника». Честно говоря, я ее писала, чтобы не сойти с ума. Я ходила в школу, отводила, приводила, делала уроки, описывала почти каждый Васин школьный день, школьные проблемы, первую любовь, первые неприятности. И вспоминала свое детство. В качестве иллюстраций в первое издание «Дневника» были включены страницы из Васиных прописей. Его кривые паровозики, скособоченные вертолеты и попытки написать буквы красиво. Почерк, кстати, у него по-прежнему ужасный, и ручку он держит неправильно. И то, самое первое, издание для меня очень дорого – из-за этих самых иллюстраций.

Прошло уже девять лет после выхода книги, а меня до сих пор спрашивают, перешел ли Вася во второй класс. Я так и осталась «мамой первоклассника».

Сейчас Вася уже шестнадцать. Он учится на физико-математическом отделении школы, собирается поступать в МФТИ, играет на гитаре и профессионально занимается стрельбой. Он уже взрослый красивый юноша. Но умудрился остаться ранимым и верным, смешливым и нежным. В этом нет моей заслуги. Мне кажется, я все делала неправильно, не так.

И когда у меня родилась дочь Серафима, я решила стать идеальной, образцово-показательной мамой. Сделать все правильно, как положено. Во — первых, я была уже «возрастной» мамой и считалась умной и опытной. Хотя я и не чувствовала себя ни «возрастной», ни уж тем более более умной и опытной. К тому же дочь пошла в отца, что для меня стало полной неожиданностью. Обычно Сима подскакивает рано утром, у нее все всегда аккуратно разложено по полочкам и царит образцовый порядок в шкафу. Она знает, какие именно и в какой день недели у нее кружки и секции, как ее отец знает, что у него будет в пятницу в 16:00 через три месяца. Опять же с легкостью отец и дочь могут сказать, что они делали месяц назад, например, в полдень понедельника. По ним можно сверять часы, поскольку они всегда встают в одно и то же время, в одно и то же время совершают утренние процедуры и завтракают. Допустимое отклонение — две минуты. Сима ни за что не выйдет завтракать без заплетенной косички, как ее отец никогда не выйдет к столу в пижаме. Когда я уезжаю в командировку, то прошу консьержку, чтобы она поднялась и заплела Симу, иначе дочка не выйдет из дома «неприбранный». Сима, в отличие от нас с Васей, всегда завинчивает крышечку на тюбике зубной пасты. Даже шторку в ванной мы с Васей сдвигаем вправо, а муж с дочкой — влево. Сима сама заправляет свою постель и раскладывает игрушки по раз и навсегда установленным местам. Я могу убрать постель к вечеру, к приходу мужа с работы. У Симы — жесткий режим дня. Она его сама себе установила и придерживается. Если ей положено ложиться спать в девять, то где бы мы ни находились, даже в другой стране, мы живем по московскому времени. Часовые пояса Сима игнорирует твердо и решительно. Спорить и бороться с этим бесполезно.

- Сима, иди завтракать, — зову я.
- Сейчас, я застелю постель, и ты должна меня заплести, — отвечает дочка.
  - Мама, Вася не повесил полотенце! — жалуется она на старшего брата. — Мама, уже девять утра, а Вася еще спит. Можно я его разбуджу?
  - Пусть спит, сегодня воскресенье.
  - Тогда он пропустит завтрак! Он же не может завтракать во время

обеда!

Вот как мне объяснить дочери, что мы с Васей можем завтракать даже во время ужина?!

Где бы мы ни находились, в каких бы гостях ни были, мы живем по графику дочери – ровно в семь вечера она встает и собирается домой. Потому что в семь тридцать – ужин. В восемь – ванна, в восемь тридцать – чтение на ночь, а в девять – отбой.

Однажды Сима отказалась пить чай. Попросила, но пить не стала. Оказывается, я забыла положить на тарелочку под чашку салфетку, как всегда делает папа.

Муж просто счастлив. Он нашел в дочери единомышленника, которого потерял в сыне. И пока мы с Васей, укрывшись с головой одеялом, досыпаем последние минуты, Сима с папой делают утреннюю зарядку, умываются, переодеваются в домашнюю одежду и торжественно выходят к завтраку. Они пытаются нас перевоспитать. Мы пока держимся.

Дочка очень поздно начала говорить. Мне кажется, что лет в пять. Я таскала ее по врачам, подыскивала ей кружки, в которых не требуется вербальное общение. Она с четырех лет занималась балетом, рисованием, лепкой. Она терпеливая, как сто осликов, и такая же упрямая. Когда мне говорили, чтобы я развивала мелкую моторику ребенка, мне хотелось закричать. С мелкой моторикой у дочки было лучше, чем у меня. Она с детства любит лепить, клеить, красить, возиться с тестом, обсыпать все бисером и складывать мелкие игрушки в маленькую коробочку. И у нее миллион маленьких коробочек для разных мелочей, которые она укладывает в совсем маленькие коробочки, а те, в свою очередь, в еще более маленькие коробочки.

А уж сколько логопедов мы поменяли! Сима молча закрывала дверь в комнату, если ей кто-то или что-то не нравилось. Выборочное поведение – один из признаков аутизма. Счастье, что у меня был старший сын, у которого тоже фигурировал этот диагноз. Я была готова. Сима глазами, поворотом головы, жестами могла выразить все эмоции. На балете их учили не плакать, улыбаться и всегда, при любых обстоятельствах держать спину ровно. А если тяжело или обидно, то еще сильнее держать спину. Даже в магазине она делала поклон, поскольку не умела сказать «спасибо». При этом Симе достался очень твердый характер. Васю можно было уговорить, уболтать, Симу – бесполезно. Если она сказала «нет», то это означало исключительно «нет». С приклеенной улыбкой делала свой книксен и закрывала дверь, оставляя ошарашенного педагога-логопеда,

психолога и прочих врачей в недоумении. Сима не подпускала к себе докторов, и мне пришлось долго искать стоматолога, который согласился бы терпеть в кресле троих людей – я лежала в кресле, сверху на мне лежала дочь, которую я держала за руки, муж лежал на дочкиных ногах, а врач должен был справиться со всей этой конструкцией и при этом не лишиться пальца, который норовила откусить пациентка.

– Как же она в обычную школу пойдет? – воскликнула врач-психолог, которой отказали от дома. – Подумайте о домашнем обучении.

Вы думаете, я не плакала? Я рыдала, кусала локти, спрашивала «за что?». Да, дочку хвалили на рисовании, удивлялись ее усидчивости и выбору цветовой палитры. Все вокруг умилялись – какая нежная девочка, какая трепетная. И неизменно добавляли: «Как же она жить-то будет?» Еще и не говорит. Только моя мама радовалась:

– Молчит? Это же хорошо! Быстрее замуж выйдет!

Я с маниакальным упорством делала «все правильно», «как положено». Нашла самую лучшую в районе подготовку к школе. Клуб, в котором были полноценные уроки, три раза в неделю. Русский, математика, музыка... Бронировать места нужно было года за два, но я добыла телефон директора, умоляла принять и записала туда Симу.

С нашей Светланой Александровной мы встречались регулярно – жили в соседних домах. Она знала и видела Симу с рождения. Учительница знала про все – про то, что Сима не говорит, что я уже сошла с ума. При очередной встрече я отчиталась:

– Пошли на подготовку к школе.

– Зачем? – удивилась она. – Потерянное время. Отдавай мне ее сейчас. Я набираю первый класс. Последний набор, потом на пенсию выйду.

– Не могу. Она занимается с логопедом. Слишком маленькая. Жизель. Чуть что – в слезы. Она такая нежная, что мне за нее страшно. Я не могу вас подвести. Она не готова. Да она даже не говорит толком!

– Ты вроде умная была, – хмыкнула Светлана Александровна, – а говоришь глупости. Я тебя знаю больше десяти лет, знаю твоего мужа, я выучила твоего сына. И ты мне будешь рассказывать про эту девочку? Я уже все про нее поняла. Детей сразу видно. А она очень на тебя похожа.

– Она на мужа похожа, – огрызнулась я.

– Что тоже неплохо, – серьезно заметила Светлана Александровна.

– Нет, она не готова. Она маленькая. Не справится.

Светлана Александровна резко развернулась и пошла в другую сторону.

И мы начали ходить на занятия для подготовишек. Я чувствовала себя

«правильной», «разумной» мамой.

Да и время сейчас другое – еще несколько лет назад все отдавали детей с шести лет, а сейчас считается, что нужно продлить детство, морально подготовить, дать ребенку время созреть и наиграться. В школу ведут с семи, а то и с семи с половиной, если речь идет о мальчиках. Шестилеток, и уж тем более тех, кому и шести с половиной нет, в первых классах мало. А родителей, которые отдают так рано, осуждают – и врачи, и общественность, и уж тем более психологи.

Ну и хорошо. Симе нравилось учиться в подготовительном классе. Мне, правда, не нравилось, как они стихи читают. Главное, прокричать на одной ноте, не делая смысловых пауз. Но громко. Это было даже смешно. Сима говорила спокойным голосом, тихим и нежным, и вдруг срывалась на истошный крик, если требовалось прочесть стишок. Как в кадре из «Ералаша», где мальчик вопит: «Папа у Васи силен в математике, учится папа за Васю весь год!» Но это был минимальный побочный эффект. На фоне остальных детей она сильно отставала.

У дочки по-прежнему было избирательное общение. Сима уволила очередного логопеда. И наконец, мы нашли Марию Васильевну. Нет, не так. Мы нашли кота Вилли и здоровенный аквариум с рыбками. Все это богатство, которым не обладала Сима, принадлежало Марии Васильевне. Коту Вилли был всего год, но он уже весил десять килограммов. Рыжий, совершенно роскошный кот, похожий на диванную подушку. Вилли терпеть не мог детей и прятался в дальней комнате, когда к Марии Васильевне приходили на занятия дети. А они к ней приходили каждый день по очереди.

Аквариум же стоял в общем коридоре на лестничной площадке, тоже неимоверно прекрасный – огромный, в половину стены, с рыбами, водорослями, сундуком с драгоценностями и гротом. Перед каждым уроком Симе разрешалось покормить рыбок. Она подставляла табуретку, которую ей выделила Мария Васильевна, и деловито засыпала несчастных рыб кормом. После этого дочка шла мучить Вилли, который позволял это делать только ей. Кот терпел поглаживания и объятия, а потом лежал рядом на диване, пока Сима занималась. Когда Сима появлялась на пороге, Вилли выходил из дальней комнаты и тоже шел заниматься. На каждое занятие мы приходили с подарком для кота – игрушкой, мышкой, палочкой с перышками.

– У меня сегодня Вилли, – объявляла Сима. Это означало, что у нее занятие с логопедом. Я, не имея в доме ни одного домашнего животного, стала постоянной покупательницей магазина для животных. Даже

скидочную карточку завела и деловито отвечала консультантам: «Такая игрушка у нас есть, и такая тоже, заводную мышку Вилли боится, покажите вон ту с запахом, пожалуйста». Мария Васильевна очень подходила Симе по темпераменту – они все делали по плану, спокойно, рассудительно. С домашними заданиями. Разбирали ошибки, считали, сколько страниц осталось до конца книжки, сколько строчек в день нужно прописать прописей. Я удивлялась, как Вилли еще не заговорил с таким подходом? После того как Сима занялась рыбками, аквариум приходилось чистить чаще. Но муж Марии Васильевны, который отвечал за чистку, обладал недюжинным терпением, как и Вилли.

Я же с ужасом понимала, что дочка – не сын. Совершенно другая. И как с ней готовиться к школе – я не знаю. Сын просто выучивал все, что требуется, а потом принимался за то, что нравится. И если задавал вопрос, то ему нужно было дать непременно смешной ответ. Или научно-фантастический. А Сима требовала четких ответов на вопросы. У сына была фотографическая память, он легко запоминал стишок и с той же легкостью его забывал. Он учил прозу кусками. Симе же запоминание давалось тяжело, мучительно. Но если она что-то выучивала, то навсегда. Сын быстро «хватал», дочери нужно было одно и то же разжевывать по несколько раз. Я уже стонала и молилась на Марию Васильевну, которая снова и снова повторяла темы – животные, профессии, времена года и все, что требовалось знать для поступления в школу.

Мне было проще с сыном. Я же прекрасно помнила, как это было. Мы садились на диван в гостиной, медленно сползая на пол, занятия мы заканчивали, лежа на животах. Попутно резались в «морской бой» или в «виселицу». Играли в «скраббл» или «крестики-нолики». Сима же занималась только за своим столом и нигде больше. Она аккуратно раскладывала ручки, карандаши, у нее всегда был образцовый порядок. Специальная подставка под книги, линейки лежат «по росту». Дочь не умела отвлекаться. Я могла вырвать листочек из тетрадки, чтобы что-то быстро написать. Сима переживала из-за испорченной тетради. Могла заплакать, а я не понимала, в чем причина. Оказалось, что у нее для таких случайных заметок есть черновик. Специально выделенная тетрадка. В другом месте писать категорически воспрещалось. Она плакала, если ломалась линейка. А если я писала на салфетке или на стикере – Сима впадала в ступор. С Васей мы могли писать хоть на потолке.

У Васи и сейчас по комнате разбросаны листы разных форматов с ценнейшими записями вкривь и вкось. Он может начать тетрадь не с

начала, а с конца. У него одна тетрадь на три предмета. Он вообще может писать на бумажном полотенце. Миллион ручек, из которых пишет одна. Огрызок линейки, найденный в школе на полу. В этом смысле ему повезло с физико-математическими курсами, на которые он ходит. На первом занятии преподаватель спросил у подростков, как они «привыкли работать». Один мальчик признался, что ему проще писать на доске, и с тех пор только его вызывали к доске. Вася сказал, что проще на листе формата А4, и для него принесли пачку.

Вася с первого класса все запихивал в рюкзак ногами, притаптывал, утрамбовывал. Лакировал сверху разлитым соком или давно протухшим яблоком. Он мог положить в портфель снежок и забыть об этом, впоследствии обнаружив, что в портфеле началось половодье. Я сушила тетради феном и писала записки учительнице: «Да, простите, я в курсе, что тетради в безобразном состоянии, он больше не будет». Раз в неделю я устраивала генеральную уборку портфеля: выгребала листы, фантики, половинки карандашей и обкусанные ручки. Здесь могли найтись один носок и чужая тетрадь. Один раз я нашла у Васи чужую кроссовку, причем розового цвета.

У Симы – отдельные папочки для всего. Для тетрадей тонких, для тетрадей толстых. Все в обложках, естественно. Миллион блокнотиков. Карандаши – идеально заточенные. Фломастеры в пенале отдельно, карандаши – отдельно. Она у нас вообще такая Милочка-копилочка. Несколько кошелечков, те самые двадцать пять шкатулочек. У Симы – страсть к упаковке. Даже подарку она не радуется так, как обертке. Она никогда ничего не выбрасывает – ленточки, шнурочки, лоскутки. Лучший подарок для нее – сумка, кошелек, косметичка. В случае чего она быстро соберет с собой весь дом, упакует и перевезет.

Сима ни за что не перепутает день недели, число месяца и уж тем более домашнее задание. Она из тех, у кого «все ходы записаны». Что задавала логопед? Пожалуйста – все отмечено галочкой. Это она, как я уже писала, в отца. Я скрежещу зубами, но ничего не могу с этим поделать. Вася мог забыть, какое упражнение нужно выполнить, и сделать пять лишних «на всякий случай». Или по другой теме. Или вообще не сделать. Сима ведет тщательную отчетность. Что задано, то задано. Дочка – педант из педантов.

Тест для родителей: готовы ли вы к школе. Где живут собаки и почему холодец находится в попе?

В подготовительном классе нам задали выучить названия животных, их детей и места проживания. Ребенок-дошкольник должен составить цепочку. Например, «курица – цыпленок – курятник». Одна из мам рассказывала, что ее сын считал, что курятник – это место для курения. Мы же с Симой споткнулись на овцах. Овца – ягненок – … Я ответила быстро только потому, что росла в селе. Правильно, овчарня.

– Мама, в овчарне живут овчарки, – объявила дочь.

Это ладно, но как объяснить ребенку, что корова с телятами обитают в коровнике, а их папа – бык – в загоне? Почему папу выгнали из коровника? Кто вообще посмел лишить телят отца? Я пошутила, что вообще-то для совсем маленьких телят строят специальные дома – телятники. Так что у каждой мамы-коровы, папы-быка и ребенка-теленка получается вроде бы как по отдельной комнате. Сима начала рыдать.

Только мы отрыдали по поводу несчастных телят, которые живут отдельно от папы, да еще и мамы, как нужно было ответить на вопрос «Где живут собаки?». Нет, не дома. И даже не в будке. В вольере. Ребенок должен ответить, что собаки живут в вольерах. Все Симины знакомые собаки живут дома. И носят одежду. Спят на кроватях.

– Симочка, большие собаки живут в вольерах.

– Нет, – решительно объявила Сима.

Большая соседская собака Дэйв живет на шестом этаже и норовит залезть «на ручки» к хозяйке. Дэйв – лабрадор, но чувствует себя маленьким щенком. Зато щедрый йоркширский терьер Пахом – сосед с девятого этажа – чувствует себя волкодавом как минимум. Облаивает всех, включая больших собак, которые долго удивленно озираются, не видя источник лая.

Хозяйка Пахома стала моей лучшей собеседницей. Она рассказывает мне про своего пса, а я ей – про Симу.

– Про нас такое говорят на площадке! – жалуется хозяйка Пахома.

– Ой, и про нас, – поддакиваю я.

– Пахому не нравится новый комбинезон. Даже не знаю, что делать.

– Симе тоже не нравится новая шапка.

Пахом с Симой в лифте остервенело сдирают с себя лишнюю одежду. При этом Пахом, который облавивает всех, на Симу даже ни разу не тявкнул.

Сима боится больших собак. Хозяйка Пахома про это знает, но сам-то пес – нет! И стоит всем столкнуться на лестничной площадке, Пахом бросается на Дэйва, защищая Симу. При этом Дэйв боится собственной тени, но кого это волнует? У него уже пахомофобия развилась, но кому это интересно? Дэйв после встречи с Пахомом и Симой просится в кровать к хозяйке и вздрагивает даже во сне. Пахом же перетащил свой коврик поближе к двери. Сторожит жилище.

Так что про вольеры дочь никогда не слышала.

Или вот задача про деревья. Не для уставших и измученных родительских мозгов. У какого дерева есть сережки? Да, у березы. А еще? Не ответил – плохо, надо знать. У ольхи.

- Почему сережки? – спрашивает Сима.
- Так называются. Похожи.
- Сережки – это украшение.
- У дерева – тоже украшение.
- Нет, сережки в ушах. На деревьях – листья, почки, плоды.
- Так назвали, чтобы было красиво.

Для Симы красиво – когда все понятно и все на месте. Я пыталась развить у нее творческое мышление, безуспешно.

- У белочки хвост пушистый...
- Я видела белок, они облезлые. Еще злые – дерутся за орех. И капризные – им не все орехи нравятся. Еще они кусаются и лица у них неприятные, – отвечает дочь.
- Морды, лица – у людей, – поправляю я.
- Ну, значит, морды неприятные, как у людей.
- Сима, про снег говорят – «шапки снега». Правда, красиво?
- Нет. Если шапки грязные, их стирают, а снег постирать нельзя.

Наткнулись на переносное значение глагола. Васе нравилось изучать русский и математику вразнобой. Не так, как положено. Сима же шла от простого к сложному, а я никак не могла к этому привыкнуть.

- Сима, «глаза сияют» – это переносное значение, – объясняла я, – а «звезда сияет» – прямое.
- Нет, наоборот, – отвечала дочь, – как сияет звезда, я не могу нарисовать, а как глаза сияют – могу. Вот смотри.

Дочка нарисовала лицо и два здоровенных глаза, в каждом из которых оставила по пустому квадратику. Глаза действительно сияли в прямом

смысле.

Сима, что меня радует, умеет подстраивать жизнь под себя. Это я могу выглянуть в окно, решить, что сегодня на улицу выходить точно не буду, и залечь на диване с книжкой. Меня раздражают слякоть и грязная «по уши» машина. Сима может развести красную или синюю краску в пластиковой бутылке и пойти поливать сугроб, чтобы было красиво. Или нарисовать пальчиком на нашей машине, стоящей во дворе, полукруг и объявить, что это «грязное ухо». Сима обладает редким качеством – видеть в слякоти узоры. Но этот талант должен непременно иметь прикладное значение. Ей важно что-то исправить, дорисовать, доделать.

– Сима, смотри, чей след? – воодушевленно восклицаю я. Васю можно было уболтать на любой след в парке. Вместо собак у нас ходили куницы, вместо дрессированных пони – олени, а вдруг это зайчик?

– Зайцы у нас в парке не живут. – Дочка смотрит на меня с жалостью. – У нас живут мыши, крысы и собаки. А это – собачья какашка. Осторожно, не наступи.

Точно так же говорит мой муж, поэтому я прекратила совместные прогулки по парку. Он все время кричит и дергает меня за руку:

– Осторожно, не наступи! Смотри под ноги!

Однажды я все-таки наступила на собачью какашку. И муж это видел. Я гадала, как он теперь пустит меня в дом – босиком?

Я зашла в траву, нашла палочку, отодрала какашку от подошвы, долго шоркала ногами. Муж смотрел на меня с нескрываемым ужасом. После того, как я очистила обувь, вернулась на дорожку.

– Теперь точно кроссовки придется выбросить, – посетовал муж.

Ну спасибо, что не потребовал сжечь...

А чем отличаются шишки сосны и ели? У ели длинная, а у сосны – круглая. И вот убедите меня, что все мамы вечером, варя кашу на утро, с легкостью могут ответить на эти вопросы. И попробуйте объяснить это дочке-прагматику.

Главное, я никак не могу понять, почему именно этими знаниями нужно обладать для поступления в первый класс. Чтобы расширить словарный запас, нужно читать. Чтобы красиво писать буквы, нужно рисовать, лепить. Чтобы развить музыкальный слух, нужно слушать музыку, стучать в бубен в такт, петь песни, пусть даже мимо нот. Так нет же: ребенка нужно «натаскать» – найди лишнее слово, найди лишнюю картинку, продолжи цепочку, закончи цепочку, положи нужную карточку,

убери нужную карточку. Составь, допиши, заполни.

Но больше всего я боялась теста по русскому языку. Есть такой миф: если родители гуманитарии, ребенок будет хорошо знать русский язык. Если технари – то математику. То есть у моей дочери по определению должно быть «все хорошо с русским». А у нее не хорошо, потому что она начала говорить поздно.

На столе разбросаны карточки-буквы, из которых нужно собрать слово. Когда Вася поступал в первый класс, ему досталось слово «ромашка». Как сейчас помню этот ужас. Василий собрал слова «ром», «мор», «мак» и даже «комар», но до ромашки так и не додумался.

– И ты знаешь, что такое «ром» и «мор»? – удивилась молоденькая учительница, проводившая собеседование.

– Да, ром пьют пираты, а мор на кораблях бывает от болезней.

– Вы разговаривали с психологом? У мальчика очень мрачный взгляд на мир, – обеспокоенно поинтересовалась учительница.

Тогда Вася, как и многие мальчики его возраста, буквально бредил пиратами. Сима в шесть лет была увлечена балетом. И у нее был еще более мрачный взгляд на мир. Помимо знания французских терминов – демиплие, батман-тандю, которые звучат прекрасной музыкой, у нее накопилось еще много дополнительных знаний. Например, она была убеждена, что куриное крыло – это положение руки во второй позиции. А рождественский гусь – это кисть (когда пальцы некрасиво сложены). Еще дочка была уверена, что холодец – это то, что находится в попе. Я уже ей и куриные крылья жарила, и холодец варила – бесполезно. Это не блюда, а балетные термины. Еще она совершенно точно знала – и никакие силы в мире не были способны ее переубедить: у человека есть хвост, который нужно подобрать, когда садишься. Сима допускала, что не у всех людей есть хвосты, но у балерин они точно имеются. Все из-за того, что на уроке хореографии им говорили: «Как ты сидишь? Подбери хвост!» Еще Серафима с легкостью могла показать, где находится крестец и подвздошная кость.

В какой-то момент я уже пожалела, что заставила ее заниматься балетом. Но врачи советовали развивать не только мелкую, но и крупную моторику, а также координацию. Дочь плохо переносила поездки в машине, ее укачивало, так что я надеялась, что балет натренирует вестибулярный аппарат. Когда мы стали готовиться к школе, я схватилась за голову. У Сими были не две ноги, а все четыре – правая, левая, задняя и передняя. Если стоишь по пятой балетной позиции, то как раз так и получается. А если поднимаешься на полупальцы, то получается «одна нога». Рукой

можно «кричать», пальцами «нервничать», колени могут быть «вялыми», пятка при этом умеет «свистеть».

А еще на вступительном собеседовании есть вопросы по литературе. С ребенком обязательно надо понять, какой сказочный герой нравится, и уметь про него рассказать. Вася на собеседовании заявил, что его любимый герой – Гурвинек. О существовании такого персонажа молоденькая учительница не подозревала и поставила «минус». Мои попытки объяснить ей, что это герой «Веселых картинок», как Самоделкин и Карандаш, годов этак шестидесятых-семидесятых, только усугубили ситуацию. Она и мне минус поставила – за поведение.

Так вот, Сима не могла найти своего героя. Ей вообще сказки не нравятся. Она у нас очень семейная девочка, у нее на первом месте – семейный очаг, без всяких героев. Я не удивлюсь, если она рано выйдет замуж, будет закармливать мужа домашней выпечкой и содержать дом в образцовом порядке. У нее будет много детей, как мне кажется. И они с малолетства будут приучены складывать аккуратно вещи в шкаф и рано вставать. Кошмар!

Она и сейчас будит меня в семь утра в субботу.

– Мама, ты должна напечь папе вафли! Сегодня суббота! Уже семь утра, а к чаю ничего нет! – возмущается дочь.

И мне приходится, не раздирая глаз, тащиться на кухню, ругаясь про себя, печь вафли. А Сима, в красивом фартучке, в это время уже раскладывает вилки на столе для утреннего завтрака.

– Почему ты раньше не готовила такие завтраки? – удивляется муж.

– Потому что раньше Сима не говорила! – рычу я.

Где-то в среду Сима подходит ко мне с блокнотом.

– Что мы будем печь на выходные?

– Ничего. Купим пирожные или булочки, – пытаюсь увильнуть я.

– Безе, печенье или торт? – дочь будто меня и не слышит.

– Безе, – я сдаюсь.

Сима пишет в блокноте «яйца», и я точно знаю – до пятницы она будет мне напоминать про эти «яйца», которые нужно купить.

– Зачем что-то покупать, если ты можешь сделать это сама? – удивленно восклицает дочь.

На вступительном собеседовании есть еще вопросы «под звездочкой». Они помогают оценить, так сказать, общее развитие ребенка, его эрудицию. Считается, что обычным детям на них ответить сложно, а тем, кто ходит в

музыкальную школу и готовится к поступлению, – легко. Например, нужно назвать музыкальный символ России. То есть гимн. Или авторов – создателей гимна, поставить крестик в нужном месте. Варианты – Чайковский, Александров, Михалков. Я поставила крестик на Михалкове, а правильный ответ – Александров.

Общее развитие предполагает знание названий колокольных звонов России. Например, звон, который призывал людей на пожар или войну. Ладно, про набат мы выучили. Но Благовест, Праздничный трезвон и Громкий ребенок не различает. Да я их сама не разберу! Еще вопрос: назовите Святых земли Русской. Варианты ответа: Александр Невский, Сергей Прокофьев, Сергий Радонежский.

У меня Серафима отчества мамы с папой никак выучить не может, хотя я Владимировна, а муж – Владимирович. А полные имена так вообще вызывают ступор.

Нет, тут я дочку понимаю. На занятия ходит мальчик. Мама называет его ласково Варюша. Я думала, что это производное от Валерия. Нет, мальчика звали Варфоломей. Девочек зовут Васями, потому что они Василисы У меня сын – Василий, Вася! У Симы происходит в мозгу короткое замыкание. Фиса – производное от Анфисы. Маркуша – это Марк, а Марик – Яромир. Девочка Миша – Мишель, а Ника – не Вероника, а Николь. Спасибо, что не Коля. Лика – не Анжелика, а Лукреция.

У меня тоже короткое замыкание в мозгу.

Почему меня это так беспокоит? Потому что есть задание: «Если мальчика зовут Петя, а его папу Коля, то как его будут звать, когда он вырастет?» Ребенок должен легко ответить, что Петр Николаевич, естественно. Сима ответить не может. У нее нет в окружении ни одного Петра Николаевича.

– Сима, на юге живут южные животные, а на севере?

– Зимние.

– Где растут яблоки?

– На березе.

– Почему?

– Потому что Вася мне такую задачу задал – на березе росли десять яблок, два яблока упали, сколько осталось. Только это глупая задача, потому что яблоки растут на яблочном дереве, а не на березе.

– Тогда почему ты говоришь, что яблоки растут на березе?

– Мама, пусть они где хотят, там и растут, я уже устала.

Ребенок также должен знать домашний адрес, полное имя, отчество и

род деятельности родителей. Так прямо и надо учить – род деятельности, а не какая-то там профессия. Вася все свое детство был убежден, что его мама – пионервожатая, и всем об этом говорил. А Сима всем объявляет, что я балерина. Наверное, потому что знаю балетные термины.

Пока я учила с Симой домашний адрес, пришел из школы Василий с вопросом:

– Мам, а в каком стиле писала Анна Ахматова? Или жанре? На «а» начинается.

– Вы там кроссворды разгадываете на литературе?

– Просто можешь ответить? У меня тест завтра!

Хорошо, что у нас есть книга – словарь литературоведческих терминов.

– Вася, если жанр, то на «а» подходит только «анекдот», – опять пошутила я, – ты уверен, что правильно понял вопрос?

– Мaaaaам! Вспомнил, он еще на футуризм похож!

– Акмеизм?

– Точно. А ты сразу не могла ответить? Без книжки?

Не могла. Я без Гугла и подсказок по картинкам уже вообще ничего не могу. А Сима, конечно же, не пройдет собеседование. Одна надежда на прописку – по прописке нас вроде бы должны взять в школу. Да еще сын учится в этой же старшей школе, что тоже плюс. Поэтому я переключилась на общее развитие, решив, что еще год у нас в запасе есть – успеем подготовиться. В школу принимают, если ребенку к сентябрю исполняется шесть лет и шесть месяцев, не меньше. У Симы выходило, шесть и три. Пойдет в семь и три. Как все.

Поиски героя, или Как отбить ребенку веру в прекрасное

С художественной литературой у нас колossalные проблемы. У Буратино есть папа, но нет мамы. Почему? У Дюймовочки есть мама, но нет папы – странно. Девочка появилась из цветка? Так не бывает. Все знают, что дети рождаются из живота. С принцами у нас тоже не заладилось. Смотрели с Симой мультик про спящую царевну. Очень нравился сначала. А в конце – слезы.

– Сима, что?
– А собаке поцелуй любви?! – рыдала дочь.
– Какой собаке?
– Которая яблоко отравленное съела! Почему королевич Елисей собаку не поцеловал?

Действительно, не поспоришь...

С принцем, конечно, я виновата. Сима выступала в балетном спектакле. Я отвечала за вывод семерых девочек, которые танцевали партию гномиков, на сцену. Я вела их узкими коридорами Дома культуры и думала о том, какие они счастливые – еще совсем маленькие, а видят артистов, которые готовятся к выступлению, знают, что такое гримерка, могут прикоснуться к настоящему закулисью. Я, видимо, задумалась и размечталась. Вдруг увидела Принца – артиста балета, который танцевал эту партию. И я как полоумная закричала:

– Девочки, смотрите, принц!
Мои подопечные уставились на юношу в трико, с приклеенными ресницами, в ярком макияже, включая накрашенные губы и блестящие волосы.

– Это не принц, – отрезала моя Сима.
– Принц! Настоящий! – начала заламывать руки я.
И мои девочки дружно зарыдали. Многоголосием.
– Это не принц! Это какая-то тетя! Принцы не такие! – кричали они, и моя Сима громче всех. – У него губы! Губы красные!

Тут до меня дошло, что надо быстро что-то делать, иначе на сцену у меня выйдут семь зареванных гномов.

– Принцы бывают разные, – начала вещать я, – это же сценический принц. А на самом деле – он прекрасный юноша. Для кого-то, может, и

принц.

Артист балета сделал мне недовольное лицо. Наверное, ему не понравилось определение «разные».

Мои девочки продолжали жаться к стене и рыдать.

– Мама, он в колготках! – показала пальцем Сима.

– Да, потому что это не колготки, а трико. Мужчины в балете танцуют в трико. Разве вы не знали? – Я начала злиться.

– Он в колготках! – рыдали девчушки.

Принц удалился с тем же недовольным лицом. Нас требовали на выход.

Ситуацию спасла Баба-яга. Точнее, мужчина, который танцевал Бабу-ягу. Он подскочил к моим девчушкам и начал на них рычать. Девочки немедленно осушили слезы и начали смеяться, хотя, по моему мнению, они должны были испугаться.

– Ууу! – рычала Баба-яга.

Девочки хохотали.

– Спасибо, – поблагодарила я Бабу-ягу.

– Обращайтесь, – ответил он.

Потом Сима, уже за кулисами, неудачно подпрыгнула на месте и врезалась макушкой в переносицу Белоснежки. Сказочная красавица выругалась так, как нельзя ругаться при детях. Сима заплакала, и остальные девочки тоже заплакали. Белоснежка тоже плакала, потому что удар оказался сильным. На сцену я их выпихивала чуть ли не пинками. Мои подопечные, к счастью, не видели, как у Белоснежки капает из носа кровь на платье...

Балет Сима бросила. Позже, конечно. Терпела еще полгода. Мне кажется, что из-за того спектакля. Дочь увидела изнанку, и ей она не понравилась. Как ни странно, Симе пришли по душе понятные движения, которые нужно было оттачивать раз за разом, доводя до совершенства. Нравился строгий счет, раз и навсегда установленная классика. Но она не была готова к тому, что за сценой все по-другому. Что Принц окажется противным и капризным, а Баба-яга – хорошей и смешной. Что Белоснежка – не сказочный персонаж, хотя внешне очень-очень похожа на мультишного прототипа. Симе не понравилось «выступать». Она оказалась не готова «дарить сказку» зрителям.

Буквально в это же время моя подруга Лена работала Финдусом. Это такой кот из сказки шведского писателя и художника Свена Нурдквиста.

Вообще-то Лена решила, что будет работать только для души после

рождения дочки. И, как ни странно, быстро нашла применение своим талантам. В маленьком книжном магазине, скорее лавочке, где для детей устраивали небольшие представления и прививали любовь к чтению, Лена «работала» то Бабой-ягой, то Золушкой, то Федорой, от которой сбежала посуда. Один раз была Майдодыром, но не по собственной воле – заболел ее партнер Гриша, который брал на себя мужские роли. В новогодние праздники Лене пришлось работать котами – сначала родным Матроскиным, а потом Финдусом из шведской сказки. Коты сейчас в моде, дети на них хорошо реагируют, а Гриша опять заболел. Отработал в Новый год Дедом Морозом и заболел. Болезней у него было две – похмельный синдром и давление.

– У тебя что на этот раз? – без особого интереса уточняла Лена, когда Гриша звонил и жаловался на здоровье.

– На этот раз точно давление, – честно отвечал Игорь.

– Сегодня чтобы был как штык. Будешь играть стариичка Петсона, который хозяин Финдуса. Даже в роль входить не надо. Посидишь как декорация. Можешь за сердце хвататься. Одна я это не вытяну! А если не явишься, будешь сам котов играть! Всю оставшуюся жизнь!

– На кого я похожа? – спросила Лена у своей четырехлетней дочки Ариши, нарисовав себе усы.

– На маму, у которой испачкано лицо.

– А на котенка не похожа? – с надеждой уточнила Лена.

– Котенок – это маленький мальчик, а не мама, – заявила дочка.

Лена тяжело вздохнула. Подумала о том, что если Гриша не явится, она его точно убьет. Но Гриша пришел, заранее вживвшись в роль брюзжащего, не очень коммуникабельного стариичка.

– За что мне это? – с пафосом провозгласил Гриша.

– За все, Гриш, за все, – отмахнулась Лена. – Пойдем работать.

Начали игру, детей было на удивление много. Правда, Гриша то и дело оттягивал накладную бороду и с осторвенением чесался на глазах у зрителей. В остальное время, пока Лена прыгала в образе кота Финдуса, Гриша грозно вращал глазами, пугая детишек. Лена вела программу одна. И все было бы ничего, если бы к ней не подошел маленький мальчик.

– А коты любят конфеты? – спросил он.

– Мяу, – ответила Лена, – очень любят!

– Тогда ешь. – Ребенок протянул ей карамельку.

– Я потом, можно? После обеда. Никто же не ест сладкое до обеда! Мяу, – попробовала отказаться Лена.

– Ешь! – потребовал начитанный ребенок. – Ты же Финдус, а Финдус

никогда не слушается Петсона и делает все по-своему.

Лена еще раз жалобно мяукнула, развернула карамельку и положила в рот, наевшись заодно и синтетической шерсти с лап.

– Очень вкусно, мяу, – кивнула она и в этот же момент почувствовала, как карамелька приклеилась к зубной коронке. Остаток представления котенок в исполнении Лены ходил с флюсом и говорил невнятно. Даже Петсон очнулся от своих тяжких раздумий и уставился на партнершу. Вместо того чтобы мяукать, Лена была вынуждена шипеть. А поскольку несколько волосков с лап все же остались у нее во рту, она пыталась еще и отплеваться.

– Совсем как наша Дуся, когда ее тошнит! – радостно сообщила всем собравшимся девочка постарше.

– Помоги, – прошипел Финдус Петсону, – если я вытащу конфету, останусь без коронки и вообще без зубов!

Но Петсон не внял просьбе кота и начал хохотать. Лена вела интеллектуальную игру и осторожно щупала языком зубы. Часть конфеты приклеилась и к нижнему зубу, так что у котенка оказалась парализована правая часть лица.

– Воды мне принеси, – не по-кошачьи рявкнула она на Петсона.

Но Гриша опять зашелся истерическим смехом.

До конца представления Лена ждала, что карамель уже наконец растает и верхняя коронка и нижняя пломба останутся на своих местах. Но конфета оказалась стойкой. Лене приходилось уходить за книжный стеллаж и пытаться ускорить процесс отлипания – она пила воду, чай и в зеркале пыталась разглядеть масштабы бедствия.

– Мам, а почему кот все время убегает? – спросил тот самый малыш, угостивший Финдуса конфетой.

– Писать хочет, наверное, – ответила мама.

– Я тоже хочу посмотреть! – заявил малыш.

– Он в лоток ходит специальный, – со знанием дела объяснила девочка – владелица Дуси, – а потом лапами скребет, зарывает.

– Мама, я хочу посмотреть! – закричал малыш.

– Смотри рисунки в книжке. Мы же за этим сюда пришли! – велела мамаша.

– Нет, это неинтересно!

– А еще кошки свою шерсть могут срыгивать, – не успокаивалась всезнайка, – такими шариками. И иногда язык забывают в рот засунуть, так и ходят.

– Мамааа! Пусть Финдус так сделает! – потребовал мальчик.

Нет, все закончилось хорошо – Лене не пришлось рыться в лотке. Только после представления к ней подошла мама того малыша и строго сказала:

– Вы же с детьми работаете. Разве так можно? От вас даже пахнет неприятно!

Не так уж далека она была от истины. Попахивало. Костюм кота был старый, списанный из костюмерной детского театра. Стирать этот артефакт было нельзя, только проветривать. Хвост, как и уши, отваливался. А шерсть стояла дыбом.

– Скажите, а как конфета называлась? – поинтересовалась у возмущенной родительницы Лена.

– «Сливочный ликер», а что? – обиделась та.

Лена молча покачала головой: мало того, что от Финдуса несло, как от мокрой псины, так он еще и ликера налакался.

Новая мода – «Степфордская жена» и «такси-мама» в одном лице

Мне было важно быть «как все». Я следила за тем, как изменяются требования, мода, родительские страхи и прочие веяния. Когда Вася был маленьким, прогрессивными считались система Монтессори и кубики Зайцева. Раннее развитие стало популярным.

Эта мода держится десятилетиями. Мое поколение – нынешних сорокалетних – тоже считалось прогрессивным. Мы все шли в школу с шести лет. Но нас отдавали в ясли с года, переводили в детский сад с трех, и пятидневка не считалась чем-то ужасным. В шесть из сада благополучно передавали в школу. Потом мода изменилась – детей отдавали в семь, а то и в восемь. Многие скакали через класс: из третьего сразу в пятый. Позже ввели «нулевку» – нулевые классы, куда шли шестилетки, но вроде как уже школьники. Что будет дальше – никто не знает. Есть основной «родительский» тест – если ребенок может дотянуться правой рукой через макушку до левого уха (или наоборот, если ребенок – левша), то он считается готовым к школе.

Ни Вася, ни Сима не могли этого сделать. Мне кажется, до сих пор не могут. Я проверила тест на муже – не справился. Он право-лево до сих пор путает.

Сейчас мода на секции и кружки. Для девочек в обязательном порядке – музыка, рисование, танцы. Еще часто встречаются лепка и вокал. Все это – не считая обязательной подготовки к школе плюс английский. Дети живут по жесткому расписанию: понедельник, среда – танцы, вторник, четверг – рисование, пятница – лепка. Музыку я не знаю, куда впихивают. И Сима жила точно так же. Подготовка к школе с утра. Вечером – балет, после этого – лепка. Или рисование плюс логопед. Или логопед плюс балет…

Или это я изменилась? Хочу запихнуть в дочку все, что можно? Я стала «такси-мамой» – тоже новый термин и тренд. Отвезти, привезти, забрать, подождать. Еда – в ланч-боксе плюс термос с собственным чаем (компотом, соком). Казалось бы, бойлеры есть везде, кафе тоже. Но это считается неправильным. А правильно – приготовить самой, положить в ланч-бокс, желательно модный и красивый, и ненароком достать после занятия, чтобы остальные мамы увидели и не осудили. Да, и еще одно негласное требование, вроде как правило приличия в современном мамском

коллективе – надо непременно быть рукодельницей. Вышивать брошки шелковыми нитями, вязать крючком креативных зайцев или грустных мишек, на худой конец – шить из фетра тапочки и сумки. Пока дети занимаются, мамы рукодельничают и болтают. Ты вроде как в клубе «идеальных мам».

И я очень, очень хотела быть идеальной. Это имело далекоидущие последствия. Сначала я накупила заготовок для рукоделия. Таких сейчас много, и они предназначены для детей. Есть несколько уровней сложности – от шести лет, от десяти, от двенадцати. Я справлялась с рукоделием для шестилеток. Вполне сносно. Особенно мне нравились наборы для вязания – заяц с мишкой получились разнолапыми, мне не хватило ниток, которые уже были в наборе, но вот рыбкой я могла уже гордиться (правда, у нее не было одного плавника). А сову я вообще считаю шедевром. После того как в магазине закончились все наборы для вязания, мне пришлось переключиться на шитье. Пингвин из фетра, рыба к пингвину, еще одна сова, свинья, похожая на овцу, овца похожая на свинью. Я остро чувствовала свое несовершенство. Мамы рассказывали, как выкладывают картины алмазной мозаикой, вышивают Деву Марию с младенцем гладью и успевают ходить на кулинарные курсы, чтобы приготовить мужу канноли. По рецепту итальянского шеф-повара.

«Пожалуйста, купи мне вина», – писала я мужу эсэмэски после этих канноли. К вину я, надо признаться, в то время пристрастилась. Выпивала бокал и до полуночи промазывала торт «Наполеон» кремом, чтобы к утру он как раз настоялся. Готовое тесто? Да упаси бог. Только домашнее. Я пекла пирожные «шу» и экспериментировала со сдобными и ржаными булочками. Мои мозги были засыпаны мукой и припорошены сахарной пудрой. Господи, я считала петли при вязании! Шевелила губами, чтобы не забыть! Я даже начала смотреть телевизор и, переключая каналы, повторяла шепотом – первый, второй, третий. Что удивительно, мужу это нравилось. Он заметно поплотнел на домашней сдобе и не отказался бы и от канноли. Только сын заподозрил неладное. Во всяком случае, его частые вопросы: «Мам, все хорошо? Ты как вообще?», я могу расценить как заботу о моем психическом здоровье.

Я стала считать не только петли, но и купила кухонные весы, чтобы взвешивать продукты. И всерьез подумывала о домашней йогуртнице.

Мне все это по-своему нравилось. Я повязывала фартук, а дочка церемонно повязывала свой – красивый, в цветах и рюшах, купленный на художественной выставке-ярмарке. Мы стояли на кухне и колдовали над сдобными булочками. Муж заходил и умилялся. И мной в роли

«степфордской жены», и дочкой в роли образцово-показательной девочки.

Симины открытые уроки и прочие смотры достижений стали еще одной формой безумия. Я сидела в первом ряду, снимала видео и шептала за дочерью слова, если она читала стихи. Я могла по сорок минут добиваться «идеального» пучка. И обсуждать с мамами, какие трусы нужно купить, чтобы они не выглядывали из-под балетного купальника.

Когда я остановилась? В тот момент, когда случилось неформальное родительское собрание по поводу одной девочки.

Стелла портила весь номер. Девочки должны были исполнять танец бабочек, а Стеллочка больше походила на гусеничку – она была пышноватой для балета и в принципе пухленькой. Весила приблизительно как три девочки-балерины, нет, даже четыре, но очень любила танцевать. Еще у Стелочки была пышная юбка, сшитая на заказ, прикрывавшая ее попу и заодно еще четырех девочек рядом, когда они лежали на ковриках и делали шпагаты. Помимо шикарной юбки у Стелочки имелась бабушка Бэлла. Так вот мамы решили, что пышноватой девочке лучше не танцевать бабочку, чтобы не портить общее впечатление.

– У нее же все данные! У нас пррабака – балерина! – кричала бабушка Бэлла. – Стеллочка вся в нее. Что? Шея короткая? Ничего подобного! У нее – моя шея! Вот, посмотрите, какая у меня шея! Да я когда на паспорт фотографировалась, мне шею фотошопом обрезали – такая длинная, что в паспорт не влезала! Если Стеллочка вытянет шею – одна шея и будет! Почему странно ходит? Так это она в сватью. Моя сватья так и ходит! Вот так вожмется, лицо еще такое неприятное сделает и идет. Разве девочка виновата, что ей со второй бабушкой не повезло?

Шестилетняя Стеллочка в это время лежала на полу и пыхтела – бабушка Бэлла запихнула ее в гимнастический купальник и сильно затянула резинку на юбке. Лежавшие рядом худышки, прикрытые Стеллочкой и Стеллочкиной юбкой, тоже пыхтели.

– Стеллочка, быстро покажи свою настоящую шею! – велела бабушка.

Девочка тяжело встала и вытянула шею.

– Ну вылитая сватья, – ахнула бабушка Бэлла и полезла в сумку за телефоном. – Анжела! Я тебе говорила! Я тебя предупреждала! И что мы имеем? Мы имеем, что наша Стеллочка пошла не в нашу породу! Да, она похожа на твою свекровь! Я ее как сейчас увидела, так у меня инфаркта чуть не было! Где были твои глаза, когда ты ее рожала? Ты не могла родить другую девочку? Мне никто не верит, что у нее пррабака балерина! Конечно, и я бы не поверила! У нее фигура матери твоего мужа! Я тебе говорила? И что мы имеем? Передай сватье привет. Да, в воскресенье мы

приедем к ним в гости. И ты знаешь, что Стеллочку хотят исключить из бабочек? За что? Ты еще спроси, кто в этом виноват? Так я тебе скажу! Виновата моя сватья, которая кормит Стеллочку своими пирожками из готового теста. А что делать – так я не знаю! Наверное, ей нужно подарить дрожжи. Нет, зачем Стеллочке дрожжи? Моей сватье надо подарить дрожжи, чтобы она уже поняла намек. Хотя не поймет! Если бы ребенок кушал домашнее тесто, у нее была бы приличная попа, как у меня, а не как у сватьи. Так что мне делать с бабочкой?

Мамы расчувствовались из-за теста и оставили Стеллочку в бабочках. Но перед самым выступлением девочка пришла вся в зеленке, больше прежнего похожая на гусеничку.

– Что это, ветрянка? – воскликнула одна из мам.

– Какая ветрянка? Это комары! И это не мы виноваты, а сватья! Зачем нужно было везти Стеллочку на дачу? Я была категорически против! – воскликнула бабушка Бэлла.

– Похоже на ветрянку. Не может быть столько укусов, – не отставала мамочка.

– Еще как может! – закричала бабушка Бэлла. – Вы же не видели той дачи! Это ведь не наша дача, но что я могу? Я должна молчать и терпеть! Ради Стелочки.

– Откуда сейчас комары? – не унималась мамочка.

– У моей сваты всегда комары. И мыши. А еще клещи! О, да, еще у нее осы!

– Есть средства – кремы от укусов. Почему вы намазали Стеллочку зеленкой, как при ветрянке? – Мамочка устроила форменный допрос.

– Вы так говорите, будто я ее зеленкой замазала! А это не я, а сватья! – возмутилась бабушка Бэлла.

– И вы считаете, что в таком виде Стелла может выходить на сцену?

– А что не так?

– Она зеленая! И будет портить общее впечатление!

– Ваша девочка тоже зеленая! Только моя от зеленки, а ваша – от голода. И кто будет портить впечатление?

– А если ваша Стеллочка заразит других девочек? Если это все-таки ветрянка?

– Так и что?

– Так и то, что у многих куплены билеты в отпуск, есть младшие дети, и все они в опасности.

Мамочки устроили тайное голосование и потребовали отстранить Стеллочку от занятий и исключить из числа бабочек. В результате

переговоров вышли на компромисс – если бабушка Бэлла принесет справку, что у внучки нет ветрянки, и отмоет зеленку, то Стеллочка будет выступать. Все проголосовали «за». Я воздержалась, а это означало, что я за бабушку Бэллу и Стеллочку. Меня прижали к стенке иголками, вязальными спицами и крючками, и я призналась – я сделала дочке прививку от ветрянки. Да, я сумасшедшая мать, которая готова прививать детей от лихорадки Эбола, вируса Зика и прочих инфекций, которые встречаются только в Африке, но никак не у нас. Я – фанат прививок. Есть противники прививок, а я – сторонник. Тоже ненормальный по-своему. И из-за этого оказалась в противоположном лагере. Я же не знала, что наши мамы-рукодельницы – против всех прививок. Так что из стана «идеальных мам» меня изгнали. Я с облегчением отбросила недошитую тапочку из фетра и засунула подальше пакетики с дрожжами и разрыхлителями. Вечером пришел сын и спросил, что на ужин.

– Свари себе пельмени. Я работаю, – ответила я, усаживаясь за компьютер.

Вася был счастлив. Ему вернули нормальную мать. Он сварил пельмени себе, сосиски сестре, и они дружно ужинали в гостиной под мультики, что я в свой «степфордский» период запрещала делать категорически. Муж осторожно спросил, не могу ли я печь «шу» хотя бы раз в две недели, ну или раз в три недели.

Стеллочка все-таки приняла участие в представлении. И это была лучшая съемка. Девочки танцевали бабочек, а Стеллочка на своей волне бегала по сцене огромной зеленой гусеничкой и сбивала бабочек, которые падали, как кегли. Она подбегала к бабочке, хватала ее в объятия и несла на другой конец сцены. Девочки вполне натурально трепыхались.

Ну а потом Стеллочку и вовсе определили в солистки, поскольку у нее образовался партнер. Мамочки от возмущения стали дружно вязать объемные шали и плести шарфы.

– Я не пойду! Тут одни девчонки! – рыдал новый мальчик, которого привели на занятия.

– Пойдешь! Ты будешь принцем! – уверяла его мама.

– Не пойду! – Мальчик сел на пол, перегородив проход.

– Пойдем. – К нему подошла Стеллочка, подняла его одной левой и поставила на ноги. Мальчик, которого звали Степан, не ожидал такого подхода и начал отступать. Бежать было некуда – коридор, дети, родители. Стеллочка сграбастала своего принца в охапку и крепко обняла так, что у Степана чуть не треснула грудная клетка.

– Она у меня добрая, – умилилась бабушка Бэлла.

Степан таращил глаза – казалось, ему требовалось искусственное дыхание. Стеллочка еще раз приподняла его в поддержке и поставила с собой в пару. Степа предпринял слабую попытку вырваться, но девочка двинула бедром и вернула партнера на место.

– Это она в меня такая, – разулыбалась бабушка Бэлла, – у меня отбоя от женихов не было. И дочка моя такая же. На любого могла пальцем показать. А выбрала... а сватъя... бедная Стеллочка.

Девочка вовсе не производила впечатление бедной. Она крепко прижимала к бедру Степу, который уже и не дергался, и не подпрыгивал, а стоял покорно и смирно.

– Скорее! Уже все переоделись! – В раздевалку ворвалась мама с крошечной девочкой, почти Дюймовочкой, у которой на спине был огромный чехол со скрипкой. Скрипка тоже была детской, маленькой, но за спиной миниатюрной Вероники выглядела контрабасом.

– А что у вас? – заинтересовались мамы.

– У нас сколиоз из-за скрипки. И подбородок не туда смотрит. И нога. У нас бабушка – скрипачка, – поведала историю семьи мама.

– А у нас балерина! – откликнулась бабушка Бэлла.

– Я была против, но свекровь отдала на скрипку. Вот я тайно сюда привела. Я очень танцевать в детстве хотела.

– Свекрови – они все такие! – заявила бабушка Бэлла и тут же взяла Дюймовочку под опеку: – Стеллочка, иди познакомься с Вероникой!

Стелла освободила поработленного Степана и кинулась обниматься с Вероникой. Она подняла девчушку вместе со скрипкой и стиснула в объятиях. И никто не понял, что хрустнуло – то ли остав скрипки, то ли проломилась грудная клетка Вероники, которая тут же начала хватать воздух ртом. Степан был не рад своей свободе. Он потрусил за Стеллой и требовательно взял ее за руку, ревнуя к новой подружке.

– Это она в меня! – обрадовалась бабушка Бэлла. – Ни один муж от меня не уходил! Всех я бросала!

Стеллочка схватила в охапку Степу с Вероникой и оторвала их от пола. Если бы она умела, то смогла бы ими жонглировать. Но пока просто потащила детей в другой конец зала, зажав под мышками, как плюшевых зайцев.

– Смотрите, что я принесла. – Бабушка Бэлла раскрыла сумку и достала домашние пирожки, торт «Наполеон», эклеры.

Мамы начали нервничать, поскольку все дружно сидели на японской диете, что выяснилось еще на предыдущем занятии.

– Что? – возмутилась бабушка. – Японская диета? И в каком месте она

вам помогла? Вот я четыре раза была замужем. И это – только официально...

После этих слов мамы накинулись на пирожки. Дети уминали тортик.

– Если так пойдет дальше, наши девочки перестанут влезать в колготки, – сказала мама Кристины, самая верная поклонница японской диеты.

– А я этого и добиваюсь! – радостно подтвердила бабушка Бэлла. – А то они как-то плохо смотрятся. Вон, смотрите, моя Стелочка только села, и повалила всех остальных.

И действительно, дети, как доминошки, попадали на бок, стоило Стелле присесть.

– В следующий раз я безешечек наделаю, – решила бабушка Бэлла, – ничего, к Новому году откормим их, как молочных поросят. Будут такие сладкие, вкусные, с попками, со щечками – загляденье! Хорошая группа подобралась у нас!

С этим невозможно было спорить. После занятия Стелочки, прижав детей к животу, потащила их на детскую площадку. Степа скатывался с горки и врезался в попу Стеллы. Вероника пускала с самой высокой горки свою скрипку и с восторгом смотрела, как чехол летит вниз. Мамы на лавочке доедали пирожки, а бабушка Бэлла рассказывала, как выйти замуж четыре раза. И все четыре раза – удачно.

Открытые уроки, или «Лучше этого не видеть»

Моя подруга Лена оставила работу, чтобы возить свою дочку Аришу на занятия скрипкой. Из Москвы в Балашиху. Ездили они на занятия к специальному педагогу, потому что сейчас тоже модно возить «на педагога». Участвовали в конкурсах, которые проходят то в Звенигороде, то в Зеленограде, то в Электростали. А это – целый день и сплошные нервы. При этом Ариша еще ходит на танцы и на прыжки в воду с вышки. И везде тоже конкурсы, открытые уроки, отчетные концерты.

Лена позвонила и поделилась впечатлениями от открытого урока, на котором даже не присутствовала.

Она наконец решила заняться бюрократическими делами – переоформить медицинский полис, взять справку из домовой книги и отправилась на сутки в родной город в Рязанской области. Себе на смену, чтобы приглядеть за Аришой, Лена вызвала маму, Алевтину Ивановну. Лена и ее мама двигались на встречных курсах – из Москвы и в Москву.

Поскольку дорога была тяжелая – автобус плюс дальняя электричка – бабушка видела внучку не так часто, как ей хотелось бы. Но по телефону они разговаривали регулярно. Так, Алевтина Ивановна знала, что Ариша ходит в бассейн, и очень гордилась внучкой. Поскольку никто никогда не уточнял, каким именно водным видом спорта занимается Ариша, у бабушки сложилось собственное представление. Она решила, что внучка занимается синхронным плаванием – чудесный красивый вид спорта для девочки. Конечно, лучше бы бальные танцы, о чем мечтала когда-то сама бабушка, но синхронное плавание тоже годится. Алевтина Ивановна даже смотрела соревнования по синхронному плаванию по спортивному каналу и сшила в подарок внучке специальную накладку на пучок – в форме морской звезды, в стразах и блестках.

Лена, отправляясь встречным курсом в родной город, оставила своей маме подробные инструкции – как добраться до бассейна, какой купальник взять, где ждать, как зовут тренера.

Алевтина Ивановна торжественно вручила внучке подарок. Ариша равнодушно покрутила в руках украшение и сказала, что лучше бы бабушка привезла новые шлепки. Алевтина Ивановна решила для себя, что ее накладка на волосы просто не подходит девочке по форме и цвету. И она

непременно подойдет к тренеру и уточнит – в каком стиле выступают девочки. Бабушка складывала в рюкзак купальник внучки и удивлялась собственной дочери: неужели нельзя было купить что-нибудь покрасивее? Это же совсем не эстетично – обычный купальник, болотного цвета, застиранный, без блесток. Она подумала, что обязательно разошьет его пайетками. Неужели ее внучка должна быть хуже всех в группе?

По дороге в бассейн Алевтина Ивановна начала нервничать.

– А как ты переодеваешься? – спрашивала она у Ариши. – А головушку как сушишь? И кто помогает? Никто? А если плохо посушишься? Фены есть? А если током ударит? Это же электричество! Ты же вытираешься плохо. Спина наверняка мокрая. А потом сразу на улицу. Нет, я с тобой пойду, помогу тебе. Разве ж так можно? Может задуть, продуть. Куда только твоя мать смотрит?

– Она не смотрит, она уходит по делам и возвращается меня забрать. Я ее в раздевалке жду рядом с гардеробом, – ответила Ариша.

Алевтина Ивановна с болью посмотрела на любимую внучку и решила серьезно поговорить с собственной дочерью, которая еще и уходит во время тренировок. Ну это уж вообще ни в какие ворота! Ребенка бросать!

В раздевалку вышла тренер и объявила, что сегодня у детей открытый урок. И родители могут подняться на трибуны и посмотреть, как выступают дети. Алевтина Ивановна нескованно обрадовалась и первой побежала туда, куда указывала тренер.

Ступеньки были крутые и узкие – Алевтина Ивановна, страдавшая боязнью высоты, пошатнулась, но решила держать себя в руках. И мужественно добралась до кресла. Где-то внизу выстроили детей. В группе были не только девочки, но и мальчики. Алевтина Ивановна была продвинутой бабушкой, она знала, что в синхронном плавании уже выступают мужчины. Но не предполагала, что это направление так быстро развивается – судя по количеству мальчиков в группе. Куда мир катится? Странно это все-таки.

Тут позвонила Лена:

– У вас все хорошо?

– Да! Мне так повезло – открытый урок объявили. Вот сижу, сейчас начнут.

– Мам, ты осторожнее, там ступеньки крутые. Не упади только.

Алевтина Ивановна собиралась что-то ответить, но связь прервалась. Лена перезванивала несколько раз – мама не отвечала. А через полчаса позвонила Ариша.

– Мам, больше не уезжай никуда! – Дочка плакала.

– Что случилось?

– У нас открытый урок! А бабушка на меня даже не смотрела! Она ушла! Я видела! А теперь мы сидим и ждем «Скорую помощь». Мам, ты можешь вернуться побыстрее?

Ариша хлюпнула еще несколько раз и тоже отключилась.

Лена выскочила из электрички на ближайшей станции и поехала в обратном направлении. Домой она влетела, готовая ко всему. Даже к самому страшному. Ариша, явно обиженная, сидела в своей комнате с раскрасками. Алевтина Ивановна лежала на диване с перевязанной ногой.

– Ариша! Мама! – Лена не знала, к кому кидаться.

И только сейчас до нее дошло, что бабушку стоило предупредить: Ариша занимается в секции по прыжкам с вышки.

– Бабушка не видела, как я прыгала с «трешки»! – стала жаловаться дочка.

– Лена, ты знаешь, что детей сбрасывают в воду? Конечно, я не смогла на это спокойно смотреть! Тренер подошла и столкнула Аришу! У меня началась тахикардия, я стала спускаться по ступенькам и, естественно, упала. У меня растяжение! И тахикардия!

– Мама! Я сама прыгала с «трешки»! Бабушка обманывает! Это Сашку столкнули, потому что он всех задерживал! – закричала Ариша.

– Зачем ты отдала ее на прыжки? Это разве спорт для девочки? Почему ты мне не сказала? Я была уверена, что Ариша занимается синхронным плаванием!

– Мама, не отдавай меня синхронисткам! – закричала Ариша. – На них знаешь как кричат!

– Лена, я требую прекратить эти занятия! Она отшибет себе все мозги!

– Мы солдатиком прыгаем! Ногами! А мозги – в голове! Бабушка, ты ничего не понимаешь!

Запись в первый класс, или Что случится, если мать ошибется дверью

В декабре в нашем клубе для приготовишек мамы непривычно галдели, оторвавшись от вязания и вышивки. Оказалось, 15-го числа начинается запись в школу. На сайте госуслуг. И нужно непременно зарегистрироваться в первый же день, чтобы не опоздать. Иначе все. Что «все» – понятно не было, но звучало страшно и угрожающе. Все!!!

Я еле дождалась возвращения Василия из школы, поскольку только у сына был пароль и доступ к госуслугам. Я даже его электронный журнал с оценками не могла посмотреть. Конечно, он иногда разрешал мне туда заглянуть, но нечасто.

– Вася, нужно срочно зарегистрировать Симу, – попросила я.

Сын, тяжело вздохнув, открыл сайт. Оказалось, что все оформлено на мужа – его имя, отчество, адрес электронной почты, телефон. Вася, проворно стуча по клавишам, начал записывать сестру в первый класс. В графе «родители» указал мать. Систему не смущило, что Андрей Владимирович у нас мать. Заявку так и отправили. Вскоре пришел ответ: «Андрей Владимирович будет приглашена в гимназию...»

На сайте гимназии я выяснила, что собрание для родителей будущих первоклассников мы все же пропустили – оно было в начале декабря. Я впала в ступор: что делать? К кому записываться? Раньше на таких собраниях выступали учителя, можно было послушать каждого и записаться к тому, к кому хочешь попасть в класс. Я помню, как записала сына к Светлане Александровне. Она выступала последней. Сказала следующее: «Здравствуйте, будем рады, до свидания». И сбежала со сцены. Мне очень понравилось, как она сбегала, и я записалась к ней.

На следующий день я в панике побежала в школу – мой план дал сбой. В канцелярии велели взять копию свидетельства о рождении, оригинал, выписку из домовой книги, СНИЛС, медкарту и ждать, когда вызовут. Собеседования отменили. А к кому мы попадем? Туда, где будут места. «По мере заполняемости классов». В прошлом году набирали даже первый «Е», в этом, возможно, остановятся на «Д». Мне почему-то не хотелось, чтобы Сима училась в первом «Е» или в первом «Д». Это еще из советского прошлого. Нужно непременно попасть в «А» класс. Он ведь самый лучший. Это ведь так прекрасно – смотреть на линейке, как сын или дочка

стоят рядом с табличкой «1А».

– Вы можете написать свои пожелания, но учтите, это только пожелания, – сказала секретарь.

Я не могла написать пожелания, потому что не знала, какую учительнице желать. На сайте я рассматривала фотографии учителей и пыталась угадать, у кого добрее взгляд и кому я смогу доверить нашу Жизель, трепетную лань и счастье всей жизни. Вася был мальчиком, и меня такие вопросы волновали в меньшей степени. А теперь я даже спать перестала. И глаза были на мокром месте. Я, как приходила в школу, начинала хлюпать носом и тереть глаза. Мне кажется, в учительской я ни разу не появилась в нормальном виде – все время с растекшейся тушью. Собирала справки, все время что-то забывала. Пыталась спросить, какая учительница лучше, но мямлила и пыталась сдержать слезы. Опять все делала не так идеально, как планировала.

Я пошла сдавать документы. Ноги сами понесли не в канцелярию, налево, а в бывший Васин класс, направо. Охранник меня еще окликнул – не туда пошли, мол. Но я кивнула и упорно протопала по коридору, растирая по щекам тушь, – еще совсем недавно здесь бегал Вася, а сейчас он совсем взрослый. И Сима так быстро выросла... В вестибюле все изменилось – стоял новый диван, шкафчик задорного зеленого цвета, на стене были нарисованы цветы. Новый ковер, куча игрушек. Светлана Александровна, редко закрывавшая дверь в класс, рассказывала про прилагательные так, что слышали все три этажа. Я стояла и ловила каждое слово. Опять подступили слезы. Как же она рассказывала про прилагательные! Это просто песня! Я решила, что поздороваюсь – ведь невежливо появиться в школе и не поздороваться. Заодно спрошу, к кому попроситься в класс. Прозвенел звонок. Из кабинета выссыпали первоклашки. Очень милые и очень разные. Толстый мальчик сел на диван и принял жевать булку. Девочка играла с плюшевой собачкой. Еще одна девочка строила глазки мальчику. Тот скакал, дрыгал ногами, пока не шмякнулся на ковер.

– Светлана Александровна, здравствуйте, я вот Симу... пришла сдавать... документы вот, а собеседование отменили, к кому идти, не знаю, посоветуйте, пожалуйста, я все пропустила, опоздала, но мы зарегистрировались, хотела сделать как положено... – скороговоркой оттарабанила я.

Учительница меня не понимала. Куда отдавать? Кому отдавать? На подготовишку? Нет? В первый класс? На следующий год? Почему на

следующий? Тебе первый класс нужен? В исполнении Светланы Александровны все эти вопросы слились в одном:

– Что ты хочешь?

– Мы по возрасту не проходили, я бы вам отдала, но еще с логопедом занимаемся, ходим на подготовку, очень хорошую подготовку, только все равно страшно, животных не можем выучить, а кто набирает – непонятно, а она такая нежная, – продолжала лепетать я.

– Отдай мне ребенка! – строго сказала Светлана Александровна.

– Куда? – Я в панике начала плакать.

– Сюда! – ответила учительница, на лету поймав двух мальчишек, которые едва не столкнулись лбами.

– Когда? – У меня правда случилось помутнение рассудка.

– Да хоть завтра. Нет, завтра не надо. Лучше после новогодних праздников. – Светлана Александровна, поймав девчушку, быстро заплела ей косу, которая висела не сзади, а спереди, на лице.

– Так мы же уже зарегистрировались... а система не пропускает, если по году рождения и месяцу не соответствуешь.

– Ну и что? – не поняла проблемы учительница.

– Так зима же вроде бы. Снег. Скоро Новый год, – сказала я.

Светлана Александровна посмотрела на меня как на полуумную.

– Ну, с наступающим. И что?

– Так дети же осенью в школу идут... линейка... первое сентября. А после праздников будет одиннадцатое января.

– Миша! Перестань бегать! Рубашку заправь! – закричала Светлана Александровна. – Подойди ко мне, я тебя заправлю! Так, дети, идем в столовую! А ты – отдай мне ребенка! Все! Пошли!

– А как же система? Мы же не проходим! – Я потопала строем, взяв за руку девочку, которой не хватило пары.

– Хорошо, что напомнила. Так, дети, быстро – в столовую, а я – к завучу!

И мы пошли – я домой, дети на завтрак. Когда я выходила, то уже слышала крик Светланы Александровны из учительской: «Я забираю ребенка!»

Удивительно, что она меня не отправила есть кашу вместе с детьми.

Домой я пришла, тяжело волоча ноги, с новостью, что первое сентября у нас, кажется, переносится на одиннадцатое января, поэтому за время новогодних каникул мы должны пройти программу половины первого класса. Так уж случайно получилось, я не виновата. Просто дверью, можно

сказать, ошиблась.

– Ты даже в школу нормально сходить не можешь, – сказал муж, выслушав мое подробное, но маловнятное сообщение, и немедленно впал в панику. Ведь полгода мы жили спокойно, по графику, по расписанию, как все.

Сима вообще ничего не поняла про школу, потому что я ее начала убалтывать, как убалтывают девочек: мы тебе купим настоящий школьный рюкзак, мешок для сменки, а еще новую юбку, новые туфли и бантики.

– Хорошо, – спокойно ответила Сима, – а зачем?

– Симочка, ты пойдешь в школу! – торжественно объявила я и залилась слезами. То ли от счастья, то ли от горя.

– Конечно, пойду, – ответила дочь.

– Сима, ты пойдешь туда не первого сентября, а уже скоро. Через две недели.

– А так все делают? – уточнила Сима.

– Нет, так только наша мама делает, – ответил за меня муж, – ну ничего, может, нас еще и не возьмут. А если возьмут и тебе будет сложно, то мы уйдем и пойдем как все, первого сентября.

Тут муж, конечно, понял, что допустил страшную ошибку. Потому что мне ни в коем случае нельзя говорить, что у меня не получится. А Симе ни при каких обстоятельствах нельзя говорить, что ей будет сложно. Мы обе грозно посмотрели на отца семейства и надулись. Вопрос со школой для нас был решен окончательно и бесповоротно.

– У нас даже нет материалов для подготовки! – сделал еще одну попытку образумить нас муж.

– Будут. Мы всех догоним и перегоним. Вот увидишь, – объявила я.

– Мы записаны на следующий год, стоим в системе, есть ведь еще завуч, директор... как вы с Александрой Светлановной будете объяснять госуслугам, что вам вдруг приспичило пойти в школу? Нет, это невозможно. Есть же какие-то правила. Мы же решили, все обсудили, логопед тоже считала, что к новому учебному году успеет нагнать с Симой темы... как ты вообще себе это представляешь... дети не идут в первый класс в январе... – Муж бурчал и бурчал.

Наконец из школы пришел Вася.

– Вася, открой сайт с рюкзаками, пусть Сима выберет, какой ей нравится. Пожалуйста, – попросила я.

– Что случилось? Все нормально? – уточнил сын.

– Нет, у нас все ненормально. Только вот начнет казаться, что все нормально, только начинаешь к этому привыкать, как тут на тебе... и опять

все ненормально. Потому что твоя мать... – зашел на новый круг муж.

– Сима пойдет в школу после новогодних праздников, – объяснила я.

– Отлично. Экскурсия для будущих первоклашек? – пожал плечами Вася.

– Нет. Она пойдет в школу по-настоящему. В первый класс. И ей нужен рюкзак. Школьный. Тоже настоящий.

Вася с жалостью и даже нежностью посмотрел на сестру и открыл сайт. Сима выбирала рюкзак. Я пошла рыдать в комнату, наконец поняв, что натворила. Опять сделала все не так, не как правильно. Даже хуже, чем было с Васей.

На следующий день я побежала в школу просить материалы для подготовки. Охранник понял, что если он меня попытается остановить, то я смету все ограждения.

– Что купить? – набросилась я на Светлану Александровну.

– Что купить? – шарахнулась от меня учительница.

– Какие нужны книги, прописи, учебники?

– Ну купи пенал, – подумав, ответила она. – Лучше пойдем, я тебе что-то покажу.

Она потащила меня в класс и с гордостью показала парту, втиснутую около ее стола – подготовленную специально для Симы. Парта стояла наискосок, не так, как все остальные. Я вообще впервые видела, чтобы парты так стояли.

– Вот! Красота? Тридцать человек в классе! – радовалась Светлана Александровна.

– Спасибо. Дайте мне хоть что-нибудь. Вы же знаете Андрея, он меня домой без материалов для подготовки не пустит, – промямлила я.

Светлана Александровна нехотя выдала мне прописи и учебник по математике. Чтение не нашла. Про окружающий мир забыла.

– А какие тетрадки? Какого цвета? В какую именно линеечку?

– Да дам я ей тетрадки! Уйди уже!

Но это еще не все. Поскольку это был едва ли не первый случай в истории школы, когда ребенок шел в первый класс одиннадцатого января, то все в канцелярии опешили и никто ничего не понимал. Тем более что по документам и госуслугам Сима спокойно шла в школу на следующий год без всяких проблем. Мы со Светланой Александровной представляли комическое зрелище. Заслуженный учитель, педагогический стаж миллион лет, и рыдающая неуравновешенная мамаша. Со Светланой Александровной, которая объявила всем и сразу: «это моя девочка», никто бы не посмел спорить. А со мной вообще никто не собирался даже

связываться. Потому что я начинала рассказывать про старшего сына, который отличник и физик, про то, что муж в нас не верит, что рюкзак уже выбрали, с олененком, хотя я бы выбрала с балериной или кошечкой.

– А вы из какой школы переводитесь? А почему? – спрашивала секретарь канцелярии.

Я лихорадочно соображала, что ответить. Не могла же я ей сказать правду – шла, двери перепутала, а потом...

– Понимаете, мы были... не здесь... но потом вернулись и... надо же дать ребенку образование... ведь сын здесь учился... а потом перешел... но он учился у Светланы Александровны... и вот... отличник, – пыталась объясниться я, все равно переходя на оленят на портфеле и на мужа, который... – но материалы взяли.

С чего-то все решили, что мы жили за границей, а потом вернулись, чтобы дать младшей дочери российское образование. А старший сын там, за границей, был звездой школы.

– А семья у вас... полная? – скорее с любопытством, чем для проверки, уточнила секретарь.

– Полная, полная, еще какая полная!

Тут я скорее напомнила героиню фильма «Москва слезам не верит»: «А она аккуратная?» – «Очень, очень аккуратная!»

В доказательство я привела мужа – он очень хорошо действует на женщин. Пришел, помолчал, пока я лепетала и тараторила, кивнул и ушел.

Для порядка нас отправили на собеседование к психологу. Почему-то я была уверена, что мы его не пройдем. Вася, как известно, не прошел психолога, а он был более психологически подкован, чем Сима.

– А мне с ней можно? – спросила я, вспомнив, что где-то читала про родителей, имеющих право присутствовать на тестированиях, собеседованиях и прочих психологических опытах над детьми.

– В классе вы тоже рядом сидеть будете? – отшила меня психолог. Симу она увела. Мы с мужем ждали в учительской сорок пять минут. Муж накануне хорошо выпил и теперь с тоской смотрел на бойлер. Утром я его, конечно, чуть не убила – у нас собеседование, а он! Чтобы не уснуть на стуле и не захрапеть, муж мерил шагами кабинет, за что я готова была его убить еще раз. Наконец он не выдержал и, спросив разрешения, подошел и налил себе водички из бойлера. Муж и так говорит тихо, едва слышно, а тут, чтобы не дышатьарами, он и вовсе почти шептал. Мне кажется, что у него даже глаза слезились, но не от волнения, а от недосыпа и жажды.

– Ох, как папа нервничает, – посочувствовала секретарь.

То, что я нервничала, никто, естественно, не заметил.

– Да не переживайте вы так! Все будет хорошо! Может, кофейку? – предложила еще одна учительница.

Нет, ну как у него это получается? Ему уже кофе предлагают!

Муж с мученическим выражением лица отказался.

– Может, валерьяночки или валокординчика? – забеспокоилась секретарь, поскольку муж приткнулся к стене в неравной схватке с похмельем.

Если бы я не заверила всех, что у нас самая полная, просто наиполнейшая семья на планете, мужа бы я все-таки убила. Но ради дочки сдержалась.

Хотя чему я удивляюсь? Он имеет власть над женщинами. Я – редкое исключение.

Впрочем, муж мой человек уникальный, с годами он не перестает меня удивлять. Есть, например, люди, которые не умеют добираться из пункта А в пункт Б нормально, как все. С ними обязательно что-нибудь происходит. Мой муж – яркое тому доказательство.

Вот недавно он улетел в командировку. Я его собрала, проводила и надумала помыть полы. Но сначала позвонила маме, узнать, как у нее дела.

– У нас все в порядке, Андрей улетел, я собираюсь полы мыть, – отчиталась я.

– Не мой полы! – проорала мама.

– Почему?

– Пусть долетит сначала.

Я ушам своим не поверила: моя мама не верит ни в какие приметы, а уж тем более в мытье полов на дорогу! Верит в хороший коньяк, сигареты, новый детектив и в то, что она лучше всех знает, как воспитывать внуков. Ну, и что все их таланты – от нее. И вдруг она начала рассказывать мне, что если я помою полы, то обязательно что-нибудь случится. А уж чтобы она начала беспокоиться о зяте – это вообще странно. Но как в воду глядела.

Муж прислал эсэмэску, что он благополучно долетел до столицы скандинавского государства и уже едет в такси в какую-то там экономическую школу, где должен выступить с лекцией.

Тут я со спокойной душой вооружилась тряпкой и начала намывать полы.

И что случилось через час? Муж позвонил и сообщил, что такси доставило его вместо школы экономики в школу медсестер. Во всяком случае, он оказался за пределами города в большом здании, где все ходили

в белых халатах. Муж был почти в истерике. И надо же такому случиться, что он оставил дома телефон, который знали организаторы поездки, а листок, где значились название гостиницы и график пребывания, потерял. Обычно супруг складывает все документы в конверт, конверт кладет в папку, а папку засовывает во внутренний карман пиджака, не доверяя сумке. Потому что сумку он панически боится потерять. Но сумку он прижал к груди, а пиджак, снятый по причине жары, оставил на заднем сиденье такси, которое уехало.

Я бросила тряпку, нашла его телефон и начала обзванивать организаторов.

В школе медсестер тем временем ему предложили успокоительные капли, таблетку от сердца, поскольку муж хватался за этот орган, и прочую медицинскую помощь. Видимо, выглядел он совсем плохо.

В ожидании вызволения он пошел искать туалет и вышел в соседнее крыло. После чего пришла его эсэмэска: «Сообщи организаторам, что я в школе для будущих мам! Я в толпе беременных женщин! Меня куда-то ведут!»

Через полчаса я получила отчет, что моего мужа буквально занесли в класс в качестве пособия: других мужчин под рукой не оказалось. Преподавательница хотела продемонстрировать будущим мамам на живом примере, как нужно приучать мужа к ребенку. И ребенка – к мужу. Ну чтобы будущие мамы поняли, что муж и ребенок – в принципе, одно и то же и не нужно требовать от них невозможного. И тут случился прокол: муж, как многодетный отец, выполнил все задания – надел памперс на резинового пупса, покачал его на плече, изображая отрыжку после кормления, похлопал по спине так, что чуть не проломил пупсу электронные внутренности, и под занавес спел колыбельную «Мы красные кавалеристы, и про нас...» и еще что-то из Дунаевского. Будущие мамы, рыдая, разразились громкими продолжительными аплодисментами, переходящими в овацию. На бис муж исполнил пупсу по-русски «За печкою поет сверчок, усни, угомонись, не плачь, сынок», чем почти довел будущих мам до преждевременных родов. Еще через пять минут он получил предложение от преподавательницы о проведении мастер-классов в их школе матерей и два предложения о признании отцовства от собственно будущих матерей. Муж кивал и соглашался на все. Такого общественного признания талантов ему не доводилось получать никогда.

В это время я не оставляла в покое организаторов, которые отправили за мужем другое такси и разыскивали первое с пиджаком. Второй таксист искал «профессора». Если бы он искал нервного отца-сердечника, который

владеет искусством жесткого пеленания, о котором даже преподавательница только слышала, но никогда не видела воочию, медсестры сразу же показали бы, куда идти. Но «профессора» они в своем госте никак не опознали.

Преподавательница отогнала будущих мамочек и расспрашивала моего мужа о других секретах выращивания младенцев. Муж на пупсе показывал, как укачивать, как бороться с коликами – для этого ему пришлось лечь на парту и положить резинового младенца себе на живот. Он рассказывал, как дырявить соски иглой, как заваривать ромашку, как купать ребенка в череде и марганцовке (тут уже понадобился словарь, поскольку таких сложных терминов преподавательница не знала, а муж не знал, как это перевести). Он вошел в раж и ударился в воспоминания о собственном детстве – как его поили козьим молоком, давили яичную скорлупу, чтобы ребенок получил кальций, и силился объяснить, что такое «молочная кухня». Про пеленки вместо памперсов, которые нужно проглаживать непременно с двух сторон, баки белья, где эти пеленки кипятились круглосуточно, и традицию в год брить наголо ребенка, чтобы волосы росли густыми, он рассказывал с упоением.

Преподавательница уже даже говорить не могла, а только мычала и кивала. А уж после того, как он перешел на «по кочкам, по кочкам, по маленьkim дорожкам», задорно подбрасывая пупса на коленке и спел «ладушки, где были – у бабушки», она зарыдала и тут же предложила ему свою руку, сердце и политическое убежище в придачу. Но муж на этом не остановился – он решил показать, как делать массаж груди, чтобы расцедить молодую мамочку. Даже предположить не могу, что еще он хотел показать преподавательнице.

– Вы доктор? – спросила она, покачиваясь от культурологического шока.

– Нет, я просто отец. Обычный русский отец.

Тут уже я позвонила мужу (поскольку таксист в отчаянии дозвонился до меня) и рассказала ему, что «господина профессора» ждет по возвращении домой, если он немедленно не положит пупса на место и не покинет помещение. И на развод я приду в костюме медсестры, если ему так будет приятнее. Как простая русская женщина-мать.

Сима благодаря занятиям балетом научилась держать улыбку, терпеть до последнего, но, когда все заканчивалось – выступление, репетиция или растяжка на шпагат, – могла разрыдаться. Когда она вернулась с собеседования, я быстро отправила их с папой домой, а сама осталась

выслушивать вердикт. Сима выходила из кабинета с натянутой спиной и застывшей улыбкой, как ее учили. Значит, все совсем плохо.

Психолог тянула театральную паузу. Она повела меня на третий этаж – я пока дошла, чуть не описалась от страха. Сима не сдала тесты. Перелетных птиц называла, зимующих тоже, а вот на шапку, шляпу и кепку сказала «головные шапки», а не «уборы». И не нашла лишнее в ограде, заборе и парке. Я тоже не нашла от волнения.

– Скажите, а вы работаете? – нежно спросила психолог.

– А что? – еще больше перепугалась я.

– Если вы работаете и ездите в командировки, то я вам не советую отдавать ребенка в школу. Ей нужен благоприятный микроклимат в семье.

Пришлось заверить, что я домохозяйка и только и делаю, что создаю микроклимат. Причем исключительно благоприятный.

Психолог что-то говорила шепотом нашей учительнице – наверное, про ограду и забор, но та отмахнулась и на весь коридор объявила: «Я забираю ребенка!»

И мы начали готовиться. Учили хвосты животных и птиц. Сима упорно говорила, что у петуха хвост петуховый, петушистный, петухин. Но никак не петушиный.

Я снова проходила схемы предложений и пыталась в рекордные сроки впихнуть в дочку знания за половину первого класса – отрезки, лучи, прямые, ломаные, задачи, йотированные звуки, фонетический разбор и так далее.

Канцелярия тем временем не знала, как в системе госуслуг вытащить Симу из одного места – «на следующий год» – и запихнуть в другое место – в «год текущий». Звонили куда-то и искали специалиста типа хакера. Это оказалось самым сложным – обойти систему. Наконец 27 декабря я написала заявление, и нас «вставили» в систему текущего года.

В последних числах декабря я бегала по магазинам и, пока все покупали бальные платья, елки и новогодние подарки, искала школьную форму синего цвета, мешок для сменки, пенал и скупала канцелярские принадлежности. На меня все смотрели как на сумасшедшую. Впрочем, именно такое впечатление я и производила. В одном из магазинов я вляпалась в стеклянную дверь всем лицом. Так только в мультфильмах бывает. Сработала сигнализация. У меня немедленно выросла шишка на лбу. Тоже как в мультиках. Когда продавщица заботливо спросила, что у меня случилось, я призналась:

– Дочка в школу идет после новогодних каникул. В первый класс.

– Муж – гастарбайтер? – посочувствовала продавщица.

Но до этого я всю неделю бегала в школу, научившись вставать ко второму уроку.

Я даже пыталась репетировать – ложилась спать в десять вечера. Моя близкая подруга много лет ложится спать в десять и встает в пять тридцать утра. В шесть тридцать она уже в тренажерном зале. В восемь выезжает на работу. Я тоже думала, что буду ложиться в десять, вставать, совершать пробежку, готовить завтрак на всю семью и заплетать дочке красивые косы. И что же? Несколько дней подряд я ложилась в десять вечера и спала до десяти утра. Двенадцать часов. Если бы было можно, я бы спала и дольше.

Все знакомые, которым я осторожно говорила, что Сима идет в первый класс одиннадцатого января, советовали купить георгины и хохотали. Одна подруга предложила принести колокольчик и звонить, пока Сима идет к классу. Муж втайне надеялся, что все рассосется и мы никуда не пойдем. Еще все вокруг говорили, что я сошла с ума. На наших «Курсах подготовки к школе» я объявила, что мы уже все, подготовились и пойдем в школу. Спасибо всем огромное! Там тоже ничего не поняли. Мамы застыли с иглами-спицами и сбились со счета петель и стежков. Никто не верил в то, что первый раз в первый класс можно пойти в школу одиннадцатого января. Просто потому, что мать ошиблась дверью.

– Мы с вами авантюристки, – сказала я Светлане Александровне, поздравляя ее с Новым годом.

– Да, я такая, – обрадовалась она. – Иначе скучно жить!

– Сима не справится. В нас никто не верит, – пожаловалась я.

– Зато я верю! Ты помнишь, какой Вася был ранимый? А сейчас? Титан!

Теперь я Васю обзываю титаном. Александре Светлановне принадлежит еще одно крылатое выражение, которое прижилось в нашей семье. Когда Вася заходил в класс, учительница объявляла:

– Элегантен, как рояль!

Когда муж спрашивает, как он выглядит, я отвечаю именно так.

Нет, я даже себе не признавалась в том, что я – эгоистка. Дикая эгоистка. Я знала, что мое сердце останется спокойным, если Сима будет сидеть перед Светланой Александровной. Если именно наша Александра Светлановна будет ей рассказывать про подлежащее и заставлять считать в уме. Я знала, что если Сима получит «пять», то это будет железобетонная пятерка. Светлана Александровна выучила моего сына. Мой материнский инстинкт кричал, что я все делаю правильно.

– Вася, а где у вас в началке туалет? – спросила я.

– Мама, я знаю, где мужской туалет! – ответил сын.

Странно, мне казалось, что мальчики всегда знают, где женский туалет.

Пока все поздравлялись с наступающим Новым годом, я мучилась вопросами: что носить на технологию и что сейчас называется технологией? Вроде бы раньше вышивали, но это третий класс, стежки, помню, были, за сына я шила регулярно. Пуговицы пришивали, но тоже позже. Аппликации? Вряд ли. Может, сейчас детей учат скрапбукингу или валянию? Моя знакомая рассказывала, что у них в школе даже квиллинг есть. Это когда полоски бумаги скручиваешь, и картина получается. А на рисовании? Они рисуют красками или карандашами? В альбомах или на отдельных листах? Формата А3 или А4? А кисточки – из белки или норки? Или пастель? Точно помню, у сына была пастель. И акварельные краски. «Ленинградские», непременно.

Кого из писателей Симины одноклассники уже прошли? Бианки? Пушкина? Кого срочно нужно читать? Или русские народные сказки? Былины! Точно, былины!

Как общаться с родительским комитетом? Я же никого не знаю. Надо хоть с кем-то подружиться, чтобы узнавать новости. Я мучилась бессонницей – долго не могла заснуть, подскакивала в пять утра, потом проваливалась в дурной сон до семи. И целыми днями ходила, как вареная колбаса. Мне снился Пушкин, который занимался квиллингом.

– Мам, из-за меня ты так не нервничала, – сказал Василий. Наверное, он хотел меня успокоить, а прозвучало ревниво.

– Ты не шел в школу одиннадцатого января!

На том и согласились.

На следующее утро, раз уж я все равно не спала, я встала, пожарила Васе яичницу, гренки, сварила мужу кофе и порезала колбасы.

Муж и сын долго топтались в коридоре, боясь заходить на кухню – к моим завтракам они не привыкли. Точнее, они их вообще никогда не видели. Я готовлю завтраки с вечера – им остается только подогреть. Если они хотят мясо средней прожарки или торт «Наполеон», то вечером я им все что угодно сделаю. Даже борщ сварю. Но завтраки – нет, никогда. Есть женщины, которые готовят завтраки, но не готовят ужины. Я готовлю обеды и ужины, но не встаю к завтраку. Муж с сыном со мной до обеда вообще не разговаривают.

– Все нормально, – пригласила я их к столу, но они, конечно, не поверили. – Я что, не могу приготовить завтрак?

– Не можешь, – дружно заверили меня муж и сын.

В один из вечеров муж начал планировать график подъема. Нас

четверо. Кто первый идет в ванную, кто второй. Муж встает первым, потом Сима, которая долго чистит зубы, потом Вася.

– Можно я раньше? – попросил сын.

Он, как подросток, подолгу разглядывает себя в зеркале, забрал мой фен и что-то там делает с челкой.

– Я могу выходить в школу раньше. На физике посижу, заодно диктант физический перепишу, – объяснил Василий.

Муж в записях переместил Васю на «попроще». Я в график вообще никак не помещалась.

– Ты можешь принимать душ после школы, – объявил наконец муж.

– Не могу. Иначе я вообще не проснусь, – попыталась возразить я.

– Тогда ты встаешь в семь десять.

– Почему я не вставала с Васей? – удивилась я.

– Его не нужно было заплетать.

Точно. Васе не нужно было плести косы, причем разнообразные.

Новый год в почти школьной форме, или Отметить, как в последний раз

Новый год я решила отметить так, чтобы Сима его запомнила. Праздник детства. Настоящее волшебство. Вдруг она перестанет верить в Деда Мороза, когда пойдет в школу? Вдруг ее новые одноклассники расскажут ей правду? Вася верил в Деда Мороза лет до десяти, пока друг Максим не раскрыл ему глаза на жизнь. У Васи был стресс. Современные дети вообще ни во что не верят.

Но у нас ни один праздник не проходит нормально. С чего вдруг я подумала, что в этом году будет иначе?

Несколько лет назад, Вася еще был маленьkim, я поставила датскую елку. Красоты невозможной. Стояла так, что даже иголки не осыпались. Я еще родственников в гости пригласила. И в самый ответственный момент, когда гости за столом расселись, когда дети благополучно носились по дому, раздался громкий крик. Кричала племянница мужа, и не без повода – вся елка стояла в паутине и по ней ползали маленькие паучки, которые, видимо, приехали из Дании, отогрелись и стали размножаться. Пока муж прочитал, что все надо засыпать хлоркой, а лучше сжечь, пока родственницы сидели с видом: «Ну мы так и знали – у нее даже елки нормальной быть не может», пока я лихорадочно снимала игрушки и отводила детей мыть руки (хотя орующих детей хотелось засыпать хлоркой вместо иголок в первую очередь), мой сын собирал пауков, чтобы не дать им умереть.

– Убей этих пауков! – настаивал муж.

– Мама! Не убивай пауков! Я их буду воспитывать! – кричал сын.

– Между прочим, у вас теперь их яйца по всему дому будут, – объявила родственница.

После этого я перестала звать в гости родственников и ставила искусственную елку, благо дочь была совсем маленькая и ей было все равно. Но муж требовал запахов не только мандаринов, но и леса. Дочь подросла и тоже попросила живую елку.

– Какую ты хочешь? Маленькую, большую? – уточнила я.

– Синюю, – отрезала Сима.

Я пыталась объяснить, что елки – они вообще-то зеленые, но безрезультатно. Сима требовала синюю елку и всем сообщила, что у нее

будет не зеленая, как у всех.

Пришлось купить два баллона синей краски и на общем открытом балконе красить искусственную елку в синий цвет. Что мне говорили соседи, я даже пересказывать не буду. И как воняла эта елка, я тоже не буду рассказывать. А сколько раз я бегала на балкон, охраняя эту елку, чтобы не украли, тоже не скажу. Но к Новому году у нас стояла синяя елка.

В год поступления Симы в первый класс муж опять попросил на Новый год запаха хвои. Дочь пожелала елку до потолка. И я заказала ее по интернету. В назначенный час молодой человек в костюме Деда Мороза принес красавицу-ель в специальной упаковке. Курьер даже произнес что-то вроде «йо-хо-хо» и пожелал нашей семье счастья в новом году. Мне было приятно ровно до того момента, как я распаковала новогоднее дерево. Веточка к веточке, иголка к иголке и здоровенный ствол, который ни в одну имеющуюся в доме подставку – а их у меня целых три – не влезал. Еще два часа я махала топором в коридоре, подрубая ствол. Подрубила заодно и плитку на полу. Щепки у меня даже в волосах были. Муж позвонил, спросить, как дела и как там елка. Тогда я представила, что вместо ствола у меня муж – и дело пошло быстрее.

Елку установили в комнате. Нарядили. Любовались. Двадцать девятого декабря я устраивала дома «детскую елку» – должны были прийти друзья с детьми и Дед Мороз со Снегурочкой. И я всем рассказала, какая у нас прекрасная елка до потолка. Родители рассказали своим детям, что они увидят огромную елку. В ночь на двадцать девятое, ровно в три часа, в доме раздался грохот. Я подскочила и побежала в комнату. Красавица ель лежала на полу. Когда я ее подняла, в руках у меня остался голый ствол, зато весь пол был усыпан иглами, их слой доходил мне до щиколоток. К четырем утра я закончила собирать иголки. Муж стоял рядом и рассказывал, что елку нужно было поставить в ведро с опилками, а само ведро нужно было обернуть ватой. Моя рука вновь потянулась к топору. Утром я сообщила дочери, что приходил Снеговик, наткнулся на елку и уронил ее. Ствол я обернула пододеяльником и попросила мужа вынести.

– Пойдем со мной, – попросил он.

– Зачем?

– Я стесняюсь.

Первой, конечно, отреагировала консьержка.

– Что, уже? Отметили? Хорошо отметили? А кто на елку упал? – хотела она.

Потом еще дворник пошутил и парочка соседей.

Пришлось срочно доставать нашу маленькую синюю елку,

показавшуюся куцей, и выставлять на место прежней. Я пылесосила квартиру три раза, но все равно иголки у меня были во всех местах. Потом я пекла печенье в форме елок и все, что было связано с елкой, тихо ненавидела. Когда муж включил песню «В лесу родилась елочка», я подумала, что топор надо бы наточить.

Но хуже всего было потом, когда пришли дети, которым обещали елку до потолка, а вместо этого предъявили маленькую, да еще и синюю! Я сто раз повторила историю про Снеговика, который уронил елку, и даже сама в нее поверила. Современные дети уже в Деда Мороза не верят, не то что в Снеговика. Хотя Вася, когда был маленьким, и в Деда Мороза искренне верил, и в то, что елку приносит именно Снеговик. Каждый год я собирала в пакеты снег и разбрасывала по лестничной площадке. Потом аккуратно оставляла следы, как будто Снеговик принес елку. Прислоняла дерево к двери, звонила и быстро скрывалась в лифте. Вася видел на лестничной площадке практически сугробы со следами и елку, запорошенную снегом. Ему исполнилось уже десять лет, а он все еще верил в Снеговика. Ни разу меня не «поймал» – я вжималась в мусоропровод, скрывалась на общем балконе, пряталась в грузовом лифте...

Наша соседка до сих пор не может забыть, как вышла на лестничную площадку и увидела снег, лежащий на полу ровным слоем. Она решила, что сошла с ума, у нее галлюцинации, не выспалась, вчерашнее вино было явно лишним и вообще. Она зашла в квартиру, проморгалась и вышла снова – снег на площадке не исчез. Мне пришлось нести ей бутылку вина и рассказывать про Снеговика, которого я придумала. На следующий год она забыла про мою легенду со Снеговиком и решила, что все, больше пить не будет – снега в тот Новый год не было. Нигде. Мне опять пришлось отпаивать ее вином и рассказывать, как я отправилась на горнолыжный склон и упросила выдать мне несколько пакетов искусственного снега из пушки.

Тот же номер я повторила с Симой. Натаскала снега, оставила следы, позвонила в дверь, прислонила елку. Дочка вышла, вернулась в квартиру, взяла тряпку и швабру и пошла мыть пол.

– Сима! Это Снеговик елку принес! – подыграл мне сын.

– Какую грязь развел, – ответила сумрачно Сима.

Я опять расплакалась – моя дочь не верит в сказку. Как и ее отец.

Сама я в детстве верила во всех сказочных персонажей. В северокавказском селе, где яросла, было принято бурно отмечать Новый год. И костюмы детям готовили каждый год новые – бабушка шила мне из

марли то юбку Снежинки, то из той же марли делала плащ Царевны. Мы, дети, ходили по домам, пели песни. Каждый год праздник для меня заканчивался одинаково, о чем я, в силу особенностей детской памяти, благополучно за год забывала.

Держа в руках гору конфет и печенья, я вернулась домой и увидела, как около нашей печки стоит Баба-яга и подбрасывает дрова. Еще и кочергой шерудит. Моя бабушка задержалась у соседей, и помохи было ждать неоткуда. Баба-яга развернулась и сказала: «Утю-тю, иди сюда, деточка, сейчас я тебя в печку посажу и зажарю». Я орала так, что прибежали все соседи. Пока меня отпивали травами, выяснилось, что Бабой-ягой оказалась моя мама, которая приехала в гости из Москвы. Она тоже всегда любила Новый год. Мама подложила на спину маленькую подушку, завернулась в старую бабушкину шаль, да еще золой из печки намазала себе лицо. В общем, получилась очень даже похожая Баба-яга. Поскольку мама по дороге сильно простыла, то хрюпела тоже вполне убедительно. Пока родительница сдирала с себя шаль, вынимала подушку и тянула ко мне руки, я продолжала вопить как резаная.

– Ольга, ты опять приехала и ребенка мне напугала! – кричала бабушка.

– У вас чувства юмора нет! – огрызаясь расстроенная мама. – Она уже не маленькая! Маша! Ну где твоя логика? Как бы я тебя запихнула в маленькую печку? Ладно бы на зимней кухне! Но здесь же, в доме, никто не готовит! Да эту печку давно переложить надо! Она дымит!

Все соседи ахали и охали, припоминая, как пару лет назад мама заявилась в костюме Снежной королевы, который не очень отличался от костюма Бабы-яги, разве что без горба, да вместо золы она напудрила лицо до мертвецкой белизны. Но в тот раз мама открыла окна, нанесла снега со двора в дом и обещала меня «заморозить».

А еще раньше она довела меня до нервного срыва костюмом Цыганки. Цыганами, которые детей крадут, в нашем селе всех детей пугали с младенчества. Так что мои крики были обоснованны.

– Что у вас случилось? Опять Ольга приехала? – приходили соседи, когда слышали мой крик или плач – по любому поводу.

– Ты можешь приехать нормально? – причитала бабушка. – Чтобы дочь тебя узнала?

Мама, глядя на меня, кивнула. Я клацала зубами по чашке с отваром и, когда мама ко мне пыталась приблизиться, орала дурниной.

На следующий Новый год она приехала «нормально». Но я опять клацала по чашке зубами и орала на все село. Я даже успела схватить

кочергу, чтобы отбиваться от незнакомой женщины. Так просто я решила не сдаваться.

Мама была одета по столичной моде. Она всегда следила за модными тенденциями и привозила мне вещи, которые я не могла носить, поскольку в нашем селе мода не менялась с позапрошлого века. Так вот в очередной Новый год я прибежала домой и увидела сидящую за нашим столом... неприличную женщину. А я уже стала совершенно осетинской девочкой. У нашей гостьи на голове был парик. Совершенно точно. Волосы дыбились на затылке копной. Девочки говорили, это называется «начес», что прямо указывает на неприличность женщины. Нас учили, что мы должны следить за волосами, иначе замуж никто не возьмет. Волосы должны быть длинные, заплетенные в косу. А короткая стрижка – позор семье.

Откуда-то я взяла, что парики носят опозоренные женщины, которым отрезали косу? Но если короткая стрижка с начесом – еще не главный показатель распущенности, то помада на губах – самый наивернейший признак. Женщина, которая сидела в нашем доме, имела не только ярко-красные губы, но еще и глаза со стрелками. А, как говорила наша соседка, «если размалеванная, то падшая. Ее место в Тереке». То есть накрашенная женщина с короткой стрижкой с начесом должна стоять на мостице, чтобы утопиться в реке, а не сидеть в нашем с бабушкой доме. И я точно знала – если заговорю с этой женщиной или даже на нее посмотрю, то тоже буду считаться опозоренной. Поэтому я смотрела в зеркало на стене, перепутав падшую женщину с горгоной Медузой.

– Машенька, что у тебя с глазами? – спросила опозоренная на три поколения вперед женщина.

Я молчала.

– Почему ты косишь? – Женщина явно была напугана, но я решила не поддаваться на ее уловки. Упорно таращилась в зеркало, чтобы она меня не сожгла взглядом и не превратила в падшую девочку.

– Уходи, – сказала я, – я никому не скажу, что ты здесь была.

– Твою мать, – проговорила женщина.

Поскольку по-осетински к тому моменту я говорила лучше, чем по-русски, то поняла, что женщина спрашивает про мою маму.

– Моя мама живет в большом городе, – ответила я. – Там большие дома и много людей.

– Господи, какой бедный словарный запас, – посетовала женщина.

В этот момент в дом вошла бабушка.

– Почему она косит? – накинулась на нее женщина.

– Кто косит? – не поняла бабушка.

– Маша, она косит. Ей нужны очки.

Тут я зарыдала, уткнувшись в живот бабушки, потому что никто в селе никогда не носил очки. То есть пожилые люди носили очки, а дети – никогда. И я решила, что женщина меня прокляла и я состарилась.

– Опять ты мне ребенка довела, – покачала головой бабушка.

– А что я сделала? – закричала женщина.

– Губы хотя бы сотри. Умойся, – сказала бабушка, отводя меня в дальнюю комнату и укладывая в кровать. – Успокойся, Манечка, это твоя мать приехала и опять тебя испугала.

– Эта опозоренная женщина в парике моя мать? – заорала я на все село.

– Она еще моя дочь, но я же терплю. Так что и ты терпи.

Уже прибежали соседки. Они умыли женщину, оказавшуюся моей матерью, и переодели в халат. Умытая мама подошла ко мне и обняла. Она пахла как бабушка, цветочным мылом, и была в бабушкином халате. Начес ей тоже смыли и повязали на голову косынку. Я обняла маму и немедленно уснула.

Первый раз в первый класс, или Кто ходит в школу в январе

11 января мы пошли в школу. Я решила, что Симу в первый класс должна отвести вся семья. Я заплела ей красивую косу, но кривую, набок. Хотела сделать две, но пробор никак не получался. Одна тоже не получалась, пришлось плести как получалось. Зато у меня была настоящая атласная лента. Не пошлый капроновый бант, а самая что ни на есть лента, которую я вплела в косу.

- Как у Эльзы! – обрадовалась Сима.
- Какой Эльзы? – Я пыталась вспомнить ее подружку с таким именем.
- Мам, из мультика «Холодное сердце!».

В синих колготках, с туго заплетенной косой Сима казалась совсем маленькой. Просто крошкой, которой вручили портфель. Худенькая, в строгом темно-синем сарафане. Ножки, как у олененка. Глаза перепуганные. Руки леденющие. Туфли все-таки великоваты.

Я никак не могла справиться с чувствами и два раза перекрашивалась из-за того, что начинала плакать. И даже была готова согласиться с мужем – зачем я все это устроила? Может, еще не поздно отказаться? Пойти к учительнице и сказать, что мы передумали? Когда я собиралась сесть и порыдать, позвонила моя мама.

- Коньяк в доме есть? – спросила она вместо «здрасьте».
- Мaaам?
- Коньяк, спрашиваю, есть?
- Есть, наверное.
- Иди и выпей.
- Мам, сейчас семь сорок пять утра. Мы ведем Симу в первый класс.
- Иди и выпей. Ты должна стоять и улыбаться!
- Без коньяка никак?
- Ты уже сейчас сидишь с перекошенным лицом.
- Ну да.

Мама – это похлеще судьбы, в которую я верю. С судьбой я еще могу поспорить, а с мамой – никогда. Пошла, налила, выпила. Коньяк на голодный желудок подействовал сразу.

Мы вышли на улицу. Сима удивленно оглядывалась – на улице ночь, а столько детей, столько машин! Почему уже никто не спит? Неужели все

дети ходят в школу? Я была пьяная и веселая.

– Васюш, ты как? – ласково спросила я сына. Он шел рядом, потому что я настояла на присутствии семьи в полном составе.

– Нормально. Мать пьяная, сестра идет в первый класс зимой, папа насвистывает. Все на нас смотрят. Нормально, – ответил Вася.

Муж действительно свистел. Иногда у него прорывается непроизвольно, хотя дома я категорически ему запрещаю это делать. Обычно он свистит Дунаевского или что-нибудь из саундтреков к фильмам. Тихо, думая, что я не слышу. Но тут он свистел на полную громкость. Наверное, тоже от нервов.

Мы разделились на лавочке, и я пошла провожать Симу в класс. Охранник уже меня не окликнул – привык, что я ношусь по школе с выпученными глазами. Сима села за парту и начала раскладывать учебник и ручки. Судя по тому, как она это делала – аккуратно, карандашик к карандашику, – ей было страшно.

Что нужно делать дальше, я не знала. Поэтому присела на диванчик и взяла в руки детскую книжку с полочки. Полистала загадки, ни одной не разгадала. Потом взяла из корзины какую-то утку, которая еще и крякала, если ткнуть ее в пузо. Потыкала, утка покрякала. Я уже собиралась достать конструктор, но тут подошла Светлана Александровна, забрала у меня игрушки и книжку и строго сказала, чтобы я уже ушла наконец.

Я ушла. Доплелась до дома и еще три часа разбирала Симины игрушки и книжки – какие стоит убрать, какие оставить. Дочка же первоклассница, значит, начинается новая жизнь.

Симу вызывали к доске на каждом уроке. Один раз она даже расплакалась, когда что-то не поняла. Но были в школе и несомненные плюсы – дочке очень нравились манная каша и какао, а еще запеканка. Один раз учительница отдала ей свой сыр с бутерброда. И она же научила есть Симу омлет, который называла омлетиком. Я успокаивала себя тем, что голодной дочь точно не ходит. Вася тоже очень любил еду в школьной столовой, особенно пирожки с яблоками и повидлом. Повариха даже спросила у Симы, как ее фамилия, и немедленно вспомнила Васю.

– Ты Васина младшая сестра? Ну конечно! Как вы похожи! А я думаю, что за девочка такая новенькая? Как там Вася? Совсем большой? Кушает хорошо?

– Хорошо, – вежливо ответила Сима.

Повариха взяла над Симой шефство и принялась кормить ее пирожками. Впихивала, как бабушка. И выдавала дополнительную порцию запеканки. Наша Светлана Александровна сказала, что у Симы все хорошо

с разнообразными схемами и устным счетом. С русским – плохо, особенно с окончаниями.

– Никак не могу понять. Она то окает, то говорит с кавказским акцентом. Хороший погода. Или красивый картина. А потом вдруг говорит: «хорошо», проговаривая каждое «о».

Да, а дома Сима говорит так, будто выросла в Одессе. У нее появляются мягкие согласные. Звучит это мило, но от логопеда я решила пока не отказываться.

Когда я нервничаю, то тоже начинаю говорить с кавказским акцентом. С чего вдруг дочь начала окать, не знаю. Возможно, гены – у мужа вроде бы кто-то был из Рязани. Но там не окают.

– Маша, она не гуманитарий, как мне кажется, – задумчиво сказала учительница.

– Слава богу, – ответила я.

– Мама, Сима тоже пошла в тебя! – позвонила я маме.

– В каком смысле? В плохом? – пошутила мама.

– Она не гуманитарий. У нее плохо с русским.

– Ничего. Ваши гены передадутся через поколение. Тебе будет о чем поговорить с внуками, – рассмеялась мама.

Не знаю, мне кажется, я сама не в ладах с русским. Домашнее задание. Слово «сорока». Напишите три однокоренных слова. Подсказка – как зовут птенцов сороки? Вот ничего себе подсказка! Спасибо Гуглу за дочкино счастливое детство и мою пока еще не сильно седую голову. А также другим мамам, которые создают специальные форумы с правильными ответами. Вы думаете, я одна такая? Нас миллионы. Сорочата, по-сорочьи, сорочий, прости господи!

Или вот как объяснить маленькой дочке, что в предложении «Болото затянуло ряской» нет подлежащего. Безличное предложение. Я, конечно, пример привела. Вот если бы болото затянуло человека, то тогда да – болото подлежащее. Что сделало? Затянуло. Получилась страшная сказка на ночь.

Конечно, она у меня спала плохо. Я тоже плохо спала. А как объяснить иначе, без этих жутких подробностей? Десять вечера. Закладка на любимом сериале. Недописанный текст. Немытая посуда. Передо мной кроссворд по русским богатырям. Я даже Святогора без подсказки вспомнила. Но как звали его коня?! «Садись, «два»!» Ответ – Бурушка.

Первоклассные страхи, или Ностальгия

На самом деле началка очень изменилась. Или я стала старше и многое вызывает умиление и чувство благодарности. Да что говорить – я стала плаксивой. Мне достаточно увидеть дочь в школьной форме, как я начинаю рыдать. Или у меня никак не пройдет период адаптации, о котором мне столько говорили вокруг. Месяц как минимум – период адаптации. За ребенком нужно следить, мотивировать, подбадривать и так далее. Возможны слезы, всплески агрессии, сменяющиеся апатией. У Симы, кстати, вообще этой адаптации не было – все досталось мне. У меня нашлись все признаки, у дочки – ни одного. Она даже ни разу не спросила, почему пошла в школу не как все дети. Пошла и пошла. Значит, так надо. Она дружила с мальчиками. Девочки ее не принимали. Шестилетка и почти восьмилетки – это две разные планеты. Почти восьмилетки уже вовсю строят глазки, моя Сима общается с мальчиками так, что они ее слушаются. Сима, выросшая с братом, все знает про футбол, умеет настоять на своем, и все мальчики по очереди носят ее портфель до раздевалки. Конечно, девочки с Симой не дружат. Им-то портфели не носят.

Я же, когда не плакала, пребывала в панике. Уговаривала себя, что у учительницы есть мой номер телефона, что до школы бежать две минуты, что ничего не случится. Я ругала себя за то, что сделала дочек пучок со шпильками – вдруг они на физре будут делать кувырки и шпилька вольется ей в голову? А вдруг они будут бегать и она врежется в стену? Когда Вася был маленьким, у них была в классе Лиза, чем-то похожая на Симу. Нежная, тонкая, длинноногая девчушка. Так Лиза что ни месяц ломала себе то руки, то ноги. Я Лизу без гипса вообще не помню. Когда Лиза окончила начальку и перешла в старшую школу, мне кажется, все учителя, особенно физрук, дружно напились от счастья. Ее никто не обижал, никто не трогал, но она обладала способностью врезаться в стены на переменах, ломать ногу на литературе, упав со стула, и тянуть связки на рисовании. Однажды на английском Лиза поперхнулась водой, начала кашлять, кто-то из детей постучал ее по спине – Лиза ударила головой и еще месяц ходила в фиксирующем воротнике на шее.

В раздевалках по-прежнему дежурят четвероклашки. В принципе, все выглядит так же, как в Васины времена – куртки на полу, одинокие перчатки, шарфы, замотанные в морской узел, на вешалке. Но дежурные помогают малышам повесить мешки для сменки и куртки. Они стоят и

спрашивают у каждого, как их научили: «Девочка, тебе помочь? Мальчик, тебе помочь?» Малыши шарахаются и мотают головами. Но когда никто из взрослых не видит, четвероклашка идет в раздевалку и помогает малышке дотянуться до вешалки. А вторая девочка развязывает узел на шапке мальчика, который уже готов в ней пойти в класс.

И все-таки многое изменилось. Раньше на первом этаже лавки стояли посередине рекреации, а теперь сдвинуты к стене. Но это так же, как бывает с дорожками, – клади асфальт сколько хочешь, люди будут ходить по протоптаным тропкам. Дети по привычке сваливают одежду посередине коридора и по частям относят в раздевалку. Словно им особенно приятно бросать портфели ровно посередине. Зато как только поставили лавки на входе, до турнекета и поста охраны, для родителей, раздевалка сразу переместилась туда.

Поскольку Сима не может унести рюкзак и сменку – она упадет под таким грузом и не встанет, – мы разработали целую схему. Я-то полагала, что одна такая умная. Оказалось, так делают многие. Дети раздеваются на лавочках до охраны, бегут в раздевалку, вешают там верхнюю одежду и возвращаются к мамам и папам за портфелем.

Раньше отдельно стояла лавочка-забывашка, куда складывались забытые вещи. Дети обожали эту лавочку – рассматривали, кто что забыл, шутили, радовались находкам. Лавочка-забывашка стала для них пещерой Аладдина, в которой можно было найти сокровище. Но никто никогда не брал чужого. Теперь все забывашки или лежат на стойке у охранника, или привязаны к ограждению. Возвращают вещи только родителям.

Родители стоят за заграждением. В принципе, там есть кнопочка, которую нужно отжать, и можно спокойно пройти. И все про эту кнопочку знают. Но все равно все виснут на этой оградке. Важно стоять в первых рядах, чтобы ребенок тебя увидел. Я пробилась локтями к оградке. Сима меня не узнала в лыжном костюме и шапке. Искала в толпе глазами. Я махала ей руками из-за ограждения и кричала как полоумная: «Сима, я здесь!»

Рядом с ней стоял мальчик, толстый и деловитый, с портфелем на колесиках. Он что-то говорил Симе. Потом поставил свой модный портфель на тормоз и взял Симин рюкзак. Я, не выдержав, отжала кнопочку и кинулась к дочке. Мальчик строго спросил у Симы:

– Это твоя мама?

Сима посмотрела на меня – в съехавшей набок шапке, с потеками туши по всему лицу – и сказала:

– Кажется, да.

Мальчик кивнул и вручил мне рюкзак. После этого спокойно пошел в раздевалку. Он никуда не спешил.

– Как зовут этого мальчика? – полюбопытствовала я.

– Я пока не запомнила. Кажется, Даня.

– Даня, Даня! – кричала из-за ограждения бабушка. – Ты скоро? Я тебя уже заждалась!

Даня повернулся, кивнул и продолжил медленно одеваться.

Мы уже выходили, а бабушка все еще подпрыгивала у ограждения. Моторная бабушка, модная, поджарая, с лыжными палками – наверняка занимается скандинавской ходьбой.

– Даня, ну скорее! Опять ты копаешься!

Даня аккуратно повязывал шарф, ровняя концы.

Я улыбнулась. У бабушки с внуком разные темпы жизни. У меня с Симой – тоже.

– Мама, пойдем собирать портфель, – объявляет дочь в шесть вечера.

– Давай через часик? – прошу я.

– Нет, сейчас. И форму мне на завтра нужно приготовить.

И я покорно иду выбирать колготки, юбку или сарафан, водолазку или рубашку. Сима складывает учебники. Аккуратно, по росту, в специальное отделение. Мы с Васей могли побросать учебники утром, запихнуть сверху сменку, притоптать ногами и еще посидеть сверху. Сима не такая. Она все держит под контролем, ни за что никогда ничего не забудет. Она аккуратистка и трудяга.

Мы с вечера придумываем прическу, и я показываю ей, как это будет выглядеть. Бантик такой или другой? Одна косичка или две? Я заплетаю, Сима смотрит в зеркало и выносит вердикт: завтра лучше с одной косичкой. Или с двумя, что больше подходит к рубашке.

Дочка обстоятельно завтракает и успевает следить за тем, чтобы Вася доел свою порцию.

– Мама, Вася не доел кашу! – кричит она.

– Я бутерброд съел, – оправдывается сын, который, как и я, встать-то встал, а вот проснется ко второму уроку.

– Шапку надень! – велит Сима.

– Я на улице надену.

– Нет, при мне надень, чтобы я видела! – не отступает она, и Вася покорно натягивает шапку, иначе его не выпустят из дома. Впрочем, сестра-первоклассница повлияла на его успеваемость. Чтобы побыстрее смыться из дома и не идти с Симой до школы, Вася стал ходить на дополнительные

занятия по физике, которые начинаются без пятнадцати восемь.

– Васюш, ты можешь завтра отвести Симу в школу? – попросила я однажды, вдруг вспомнив, что старшие дети вообще-то могут отводить младших в школу, тем более что старшая и младшая школы находятся в соседних зданиях. И если уж у меня есть старший сын, то почему бы не воспользоваться этим подарком судьбы.

Вася согласился.

«Все ок. Больше не поведу», – прислал он мне эсэмэс.

Оказалось, что Сима пилила его всю дорогу: где твои перчатки, где сменка? Шапка, шапка. Ты выучил уроки? Все выучил? Тетрадь не забыл? Где твоя сменка? Ты забыл сменку! Повтори на переменке задание. А кто эта девочка, которой ты кивнул? Как ее зовут? Она твоя подружка? Она из твоего класса? Почему она без шапки?

Сима никак не могла запомнить сразу тридцать имен соучеников и очень страдала. Со многими проблемами она столкнулась впервые. У них, например, две Ани в классе. Одна Аня – Аня, другая – Нюся. Есть три Сони. Одна – Соня, вторая – Софа, третья – София. Два Вани – Ваня-большой и Ваня-маленький. Определяются по росту. А как могут быть два мальчика – и оба Кузнецова? Светлану Александровну Сима упорно называет Сандровной, потому что у нее был друг по детской площадке – Сандро. Впрочем, как мы помним, Вася называл учительницу Александра Светлановна, и мы вслед за ним тоже.

Я отводила дочь в школу сама, не доверяя даже мужу. Меня подташнивало с самого утра – по ночам мне снились школьные кошмары.

Детям изменили расписание, добавив уроков. Теперь по пять, вместо четырех, как в первом полугодии. Считалось, что они привыкли и могут выдерживать пять учебных часов. Но мы-то не привыкли. Я как ненормальная всю дорогу повторяла: «Сима, пять уроков, сходи на переменку в туалет. Нет, на уроке лучше не проситься. На переменке. Запомнила, где туалет? Нет? Смотри. Справа. За зеркалом».

Приходила забирать, ожидая чего угодно. С восьми утра я сидела дома при полном параде – накрашенная, в джинсах и свитере.

– Ты чего? – спросил, не выдержав, муж.

– Я боюсь, – призналась я, – вдруг мне позвонят из школы, а я не смогу сразу прибежать. Лучше буду готова.

– Ладно, надеюсь, это скоро пройдет, – сказал муж.

Но не прошло. Я заставляла себя ходить в халате, смотреть новости по телевизору, спокойно пить кофе. Я даже заставляла себя пойти в душ

попозже. Но не получалось. Страх не проходил. Я опять превращалась в идеальную домохозяйку, которая провожает мужа на работу в красивой одежде, с прической и легким дневным макияжем. И снова возвращался один из страхов – вдруг Сима будет стоять одна в коридоре и плакать? Я вот могу заблудиться на соседней улице и даже по навигатору не найтись. У меня просто талант потеряться, не найти дорогу, свернуть не туда. Ну это вы уже поняли.

Можно ли потеряться в школе? А потерять ребенка в школе? А вообще забыть про ребенка?

Последний страх все же материализовался. Сима действительно потерялась по дороге из столовой в класс. Две девочки побежали ее искать. По собственной инициативе. Их никто не просил. Просто они видели, как Сима вышла из столовой и не дошла до класса. Говорят, что дети сейчас другие – циничнее, жестче. Возможно, но они еще не потеряли способность откликаться, дружить, помогать, сочувствовать, если дать им такую возможность.

Тут еще позвонила мама. Она как никто выбирает время, когда звонить. Восемь тридцать. Я докрасила глаза и села смотреть новости по телевизору. Я не знаю, что делать утром. Решила, что по утрам все смотрят новости. В результате попала на какое-то кулинарное шоу и не могла оторваться.

– Мам, ты чего так рано?

– Просто вспомнила. Хотела тебе рассказать. Ты знаешь, что тебя всегда теряли в школе?

– Мaaaам!

– Нет, ты послушай. Это было очень смешно!

Мы жили с бабушкой в большом североосетинском селе. Она была главным редактором районной газеты, а я училась в сельской школе. Как рассказала моя мама, я могла выйти из класса посреди урока и пойти в другой класс. Там мне тоже были рады, как бывают рады внучке уважаемого человека. Никто не посмел бы меня спросить, какого лешего я пришла в другой класс. Мне, третьекласснице, это очень нравилось, и я курсировала из класса в класс. Сидела десять минут в одном, потом переходила в другой, в третий. В каждом классе мне радовались и выделяли парту. Моя классная руководительница была очень доброй женщиной. И очень пугливой. Она думала, что я устала, хочу сходить в туалет, отдохнуть, поэтому выпускала меня из класса по первому требованию. Пропажу ребенка она обнаруживала где-то часа через два. И бросалась меня искать. Все учителя говорили, что да, видели, заходила, а куда потом ушла – не знают. Раз ушла – значит, так надо. Кто же запретит внучке главного редактора уходить? Несчастная моя классная – русская

учительница Валентина Ивановна – бежала искать меня по соседним домам и дворам. Но там тоже говорили – заходила, съела кусок пирога, попила чай, съела торт, ушла. Валентина Ивановна добегала до здания редакции, которое было недалеко от школы, и начинала разыскивать там. Бабушка видела учительницу в окно и, естественно, выглядывала.

– Что случилось?

– Ничего. Гуляю тут.

– Зайди ко мне.

Валентина Ивановна от страха начинала плакать и признаваться. Маша потерялась. Куда ушла – неизвестно. Бабушка отправляла на поиски лучшего репортера газеты Маратика. Ему было уже под тридцать, но, по местным меркам, он считался просто мальчишкой, которого можно было гонять туда-сюда. Маратик мог найти меня в классе осетинского языка, в спортзале или у директора школы. Директор, Вадим Аркадьевич, который очень уважал мою бабушку, уступал мне свое директорское кресло и вызывал учителей-предметников. Уроки я проходила отдельно от всего класса, причем вразнобой. Единственным исключением была тетя Роза – учительница русского языка в старших классах. Как было совершенно непонятно, почему русская женщина Валентина Ивановна попала в осетинское село и ведет уроки осетинского языка, так было непонятно, почему Роза Аслановна, осетинка, преподает русский язык, который в старшей школе достаточно заковыристый. Она приходила ко мне за консультацией, и я ей объясняла семантику русских пословиц, поговорок и идиоматических выражений. Поскольку мне, третьекласснице, знаний не хватало, я готовилась дома с бабушкиной помощью. Она была счастлива, думая, что я пошла по ее стопам и наверняка скоро начну писать заметки для стенгазеты, поэтому заказывала из Москвы разнообразные словари – от «Трудностей русского языка» до «Словаря синонимов», которые я передавала Розе Аслановне. Почему Роза Аслановна, которая очень уважала мою бабушку, не могла обратиться сразу к ней за помощью, тоже было не вполне ясно.

Конечно, все понимали, что никуда я не исчезну. Ну куда можно деться в селе, где тебя знает каждая собака? Решили так – хочу яходить на другие уроки в другие классы, ну и ладно. Но однажды я все-таки пропала по-настоящему. Надо сказать, что исчезновение обнаружили уже вечером, да и то не сразу. Бабушка писала материал и взяла работу домой. А когда она писала репортажи для рубрики «Письмо позвало в дорогу», то могла и землетрясения не заметить. Из творческого пике ее вывела моя подружка Фатимка.

– А где Маша? Ее в музыкальке не было. Магда Владимировна ругалась. У нас сегодня ансамбль, – сказала Фатимка, с которой мы играли в четыре руки.

– Что? Маша? – удивилась бабушка. – Маша! Маша!

Тут, конечно, до нее дошло, что я пропала. И бабушка с Фатимкой побежали в школу. Но школа давно была закрыта. Тогда они побежали домой к Вадиму Аркадьевичу, который доложил, что я обедала – прямо у него в кабинете. Приходила Лиана, еду принесла. Жена Вадима Аркадьевича Лиана стояла рядом и кивала. Не нашли меня ни у Розы Аслановны, ни у Валентины Ивановны. Главное, что все меня видели в течение дня, но куда я делась, никто не знал. Тогда по традиции призвали на помощь Маратика. Тот с блокнотом обежал еще раз всех по кругу и выяснил, что в последний раз меня видели на вокзале. Якобы я сидилась в автобус, который ехал в город. Бабушка схватилась за сердце и побежала в редакцию, чтобы поднять на ноги коллег-журналистов из городской прессы.

Несколько часами раньше я, плотно пообедав супом Лианы в кабинете директора школы, пошла в музыкальку, чтобы отыграть ансамбль с Фатимкой. До музыкальки я дошла, только не до своего класса. А свернула в соседнее здание, где шли репетиции местного ансамбля народного танца. Они собирались на конкурс в город, но случился переполох. У девочки-ведущей завелись вши, и ее обрили наголо, как поступали всегда в таких случаях. И кто же выпустит на сцену лысую девочку? Ведь у всех девочек должны быть две длинных косы. Девочка плакала, руководительница ансамбля Мадина Батразовна рвала уже на себе волосы. Но тут подвернулась я.

– Ты читать по-русски хорошо умеешь? – спросила меня она.

Я прочитала с листа, кто выступает.

– С нами поедешь. Объявлять будешь.

Обритую наголо девочку отправили предупреждать мою бабушку, но бабушка писала репортаж, поэтому вряд ли слышала, что ей говорят, и даже не подняла глаза на лысую девочку.

Конкурс прошел хорошо. Я читала громко и бойко. На автобусе мы с ансамблем возвращались в село, когда послышался вой сирен и требование: «Водитель автобуса, немедленно остановитесь». Нас окружили несколько милицейских машин, редакционный «уазик» и два мотоцикла с колясками. Бабушка ворвалась в салон первой. В руках она держала милицейский громкоговоритель. Она подошла ко мне и начала меня отчитывать в этот самый громкоговоритель. Звон в ушах, говорите? Я знаю,

что такое настоящий звон в ушах. Когда вам в ухо орут через «матюгальник». Очень правильно этот предмет в народе называют – бабушка ровно этими словами и выражалась. Причем на двух языках – русском и осетинском. Я и предположить не могла, насколько виртуозно бабушка – уважаемый человек, журналист с большой буквы, писатель, женщина, в конце концов, – владеет нецензурной лексикой. За бабушкиной спиной маячила несчастная Мадина Батразовна, пытаясь взять вину на себя, но ее просто не было слышно.

После этого случая я не гуляла по классам, а сидела у Валентины Ивановны все уроки, как положено. Наконец выучилась читать по-осетински. К восторгу и ужасу бабушки, читала осетинские национальные эпосы и сказки на языке оригинала. Из-за этого плохо спала по ночам и мечтала только об одном – выйти замуж так, чтобы не опозорить семью. Я мела двор, ходила, уставившись в землю, не смея поднять глаза, и вставала, когда в дом заходил мужчина. Моя русская бабушка, мечтавшая привнести в сознание сельских кавказских женщин идеи феминизма и равенства полов, не знала, что делать с внучкой, которая вдруг превратилась в идеального ребенка.

К тому же я стала молчалива. Но это никак не было связано с основным правилом поведения осетинской девочки – быть молчаливой и отвечать, только если к ней обращаются. Желательно односложно. Просто я стала плохо слышать правым ухом, в которое орала бабушка, и на всякий случай помалкивала. Еще я наклоняла голову, чтобы лучше слышать левым ухом, отчего казалось, что у меня очень покорный вид. Кстати, эта дурацкая привычка – склонять голову направо – осталась у меня до сих пор. На всех фотографиях я с легким перекосом головы.

Но больше всего я страдала из-за того, что подвела всех остальных. Роза Аслановна лишилась консультаций, Вадим Аркадьевич – регулярных обедов на рабочем месте. Мне запретили ходить на занятия танцами. И вместо этого я занималась с Магдой Владимировной дополнительно, отчего та тоже страдала – она собиралась замуж, и дополнительные уроки мешали ее личной жизни. Бабушка перевела меня на занятия осетинской гармошкой, чтобы я выглядела не столь пугающе идеальной. Но мне понравилась осетинская гармошка, и я с энтузиазмом осваивала мелодию правой рукой. К тому же владение осетинской гармошкой давало дополнительные баллы мне как будущей невесте. Я добровольно ходила в кружки вязания крючком, домоводства и национального фольклора. Когда я самостоятельно поймала курицу, отрубила ей голову, ошпарила, ошипала, распотрошила и сварила, бабушка срочным телефонным звонком вызвала в

село мою маму, которая жила в Москве. Моя мама, которую с малолетства готовили к судьбе кавказской женщины и жены, которую воровали дважды или трижды, которая опозорила семью и должна была утопиться в Тереке, а вместо этого сбежала в столицу, хотела в телефон так, что слышала не только бабушка, но и все соседи.

Да, а Маратик получил выговор за то, что не догадался зайти в музыкальную школу и собрал не полную информацию.

Кстати, про мотивацию. Сима не хотела заниматься музыкой. Наотрез отказывалась. Я играла на пианино дочки колыбельные, легкие песенки, показывала, как прыгает зайчик, как ходит медведь. И даже настаивала на том, чтобы она хотя бы попробовала.

Спустя три месяца занятий Сима объявила, что с музыкой ей все, в принципе, понятно и все эти ежики, зайчики, терции и ферматы ей вообще неинтересны. Муж встал на сторону дочери – не хочет, пусть не занимается. Мама посоветовала перевести внучку на скрипку – наша бабушка окончила музыкальную школу по классу скрипки и сохранила пренебрежительное отношение к пианистам. Я что-то вяло лепетала про то, что музыка – это непрямой массаж мозга, а мозг Симе в любом случае в жизни пригодится. Мама с этим не согласилась. Муж хмыкнул. А я колебалась – надо заставлять или нет?

Вот в моем детстве мотивация была железная – выйти замуж. Как все уже поняли, в осетинском селе у моей бабушки наличие музыкального образования сильно повышало шансы девушки на удачное замужество. Если при этом девушка еще и танцевала, то могла рассчитывать на очень удачное замужество. Ну а если она еще была миловидна, то в этом уникальном случае позволялась такая вольность, как выйти замуж по любви и самой выбрать себе жениха. Если я прогуливалась музыку, Магда Владимировна заламывала руки и восклицала: «Ты что, замуж не хочешь?» Она жаловалась моей бабушке: «Маша не занимается! Она хочет выйти замуж за вдовца! Причем бедного!. Я не знала, кто такой бедный вдовец, но в устах учительницы это звучало как страшное проклятие.

Я делала дочери страшные глаза, заламывала руки и настаивала на музыке. Муж говорил, что во мне говорят детские страхи. Пусть скажет спасибо, что я не пугала ребенка «бедным вдовцом».

Из-за нашей новой первоклассной жизни я стала забывать про наличие в доме еще одного ребенка. То есть сына. Отчасти он сам был в этом виноват – завел привычку сидеть в своей комнате и выходить только в

случае крайней необходимости. Вася норовил и питаться «у себя», но я настояла на том, чтобы он хотя бы ел у меня на глазах, а то я забуду, как он выглядит. Но несколько раз я про него забывала. И подпрыгивала на месте, когда он заходил на кухню, где я мыла посуду.

– Я думала, тебя нет дома.

– Вообще-то я здесь живу, – обижался сын.

– Ой, – вздрагивала я от неожиданности в очередной раз.

– Мам, у тебя всего двое детей. Можно хотя бы двоих запомнить?

Да, я плохая мать. Невнимательная. Но пример наших друзей успокоил мои моральные страдания.

У нас были гости – взрослые и разновозрастные дети. Естественно, суматоха, толчая на входе и на выходе. Нет, все было хорошо, и довольные гости начали расходиться. Дети не могли найти шапки и шарфы, папы опрокидывали рюмку на посошок, мамы пытались разобраться в ворохе шуб, курток, ботинок и теплых штанов.

– Вы ничего не забыли? – спрашивала я у каждой порции уходящих гостей. – Телефоны, чьи варежки? Не ваши?

– Аня, ты скоро? Ты где вообще? – крикнула моя подруга Таня, не обнаружив свою четырнадцатилетнюю дочь в коридоре.

Анечка нашлась в комнате моей дочки – она стояла перед зеркалом и сумрачно смотрела на свои ноги.

– Я толстая. Как я на улицу в таком виде выйду? Почему я стала такой толстой? Это из-за торта?

Анечка была в теплых лыжных штанах, поскольку до ужина детей отправляли на каток. Штаны ей были явно малы. И даже не застегивались.

– Анечка, ты не толстая, ты очень красивая, – попыталась успокоить ее я. – Тебя родители ждут.

– Не выйду, – заявила Аня.

На счастье, в этот момент в комнату влетела младшая Анина сестра – десятилетняя Полина.

– Ты чего мои штаны напялила? Снимай давай! Вообще уже! – заявила Поля.

И надо было видеть облегчение, отразившееся на лице Ани.

– Забирай свои штаны и верни мне мой телефон! Ты опять его брала?

– Он все равно запаролен, – пожала плечами Поля.

– Мы уйдем когда-нибудь или нет? Завтра в школу, между прочим! – подала из прихожей голос Таня. Папа Леша в этот момент, уже одетый, но еще не обутый вернулся к столу и продолжал выпивать и закусывать.

– Леша, поехали уже!

Таню можно понять – она была трезвая, поскольку ей предстояло сесть за руль, и ей не терпелось поскорее добраться до дома.

После жарких поцелуев и рукопожатий они наконец вышли из квартиры. Я убирала посуду, провожала остальных гостей, помогала детям одеться, выдавала гостинцы.

Когда в дом после всей этой суматохи наконец-то вернулись тишина и покой, я отправилась мыть посуду, довольная, что вечер удался, и еще больше удовлетворенная тем, что он закончился. Мне предстояло убрать в комнате, которую отдали на растерзание детям – там работал телевизор с мультиками, на полу был расставлен заячий домик, висели воздушные шары, лежали краски, альбомы для рисования, конструкторы, пазлы и прочее. Так вот, из той комнаты по-прежнему доносились реплики героев мультфильма, но больше никаких криков, воплей, рыданий и особо опасных звуков. Из чего я заключила, что все хорошо – моя дочь пусть досмотрит мультик, а я пока быстро с посудой разберусь.

Вдруг в нашу дверь даже не позвонила, а ворвалась растрепанная и перепуганная Таня. Следом семенил Леша, который чувствовал себя виноватым, потому что все еще не прозрел, хотя должен был, судя по Таниному лицу. Аня с Полиной вошли последними и выглядели тоже слегка пришибленными, а на мать поглядывали с опаской.

– Что случилось? – спросила я. Танин вид не предвещал ничего хорошего. – Что-то забыли?

– Голову он свою забыл! И эти две! – раскричалась Таня, показывая на мужа и дочек. – Он у вас? – Она прошла в комнату, где был накрыт стол, заглянула в комнату моей дочки, в ванную.

– Кто? – не поняла я.

– Степка! Мы Степку потеряли! – Таня наконец села на стул в прихожей.

– Он выходил с нами, совершенно точно!

Леша подмигнул моему мужу: мол, давай еще выпьем.

– Не выходил, – сказала Аня.

– Выходил, – встала на сторону отца Полина.

– Вот что теперь делать? Где его искать? Надо в полицию сообщать? – Таня держалась из последних сил. – Он выходил от вас или нет?

– Не помню, – призналась я, надеясь, что Таня не испепелит меня взглядом и не оторвет мне голову. Но когда у вас в гостях десять взрослых и тринадцать детей, невозможно запомнить, кто ушел, а кто нет. Даже если бы ушла моя дочь, я бы не заметила ее в этой толчее.

– Ну а ты куда смотрела? – накинулась Таня на старшую Аню.

– Почему опять я виновата? Я за Полиной следила! – огрызнулась Аня.

– Ты за мной не следила! – заявила Полина. – Ты в телефоне переписывалась. С мальчиком.

– Вот приедем домой, я тебе устрою, – пообещала Аня сестре.

– С мальчиком? – очнулся пapa Леша. – А с каким? Ой, Анька, а ты покраснела!

– Папа! Прекрати меня позорить! – завопила Аня. – Ни с кем я не переписывалась.

– Отберу телефон и все гаджеты! – пообещала Таня. – Где Степу теперь искать? Как я могла про ребенка забыть? И даже не заметила, что его в детском сиденье нет. Ехала с ощущением, что шарф забыли, да еще Поля перчатки оставила. Думала, позвоню тебе завтра, заеду, заберу. Как я могла ребенка забыть? Мы полдороги проехали!

– Танечка, не переживай, со всеми бывает, – попытался успокоить жену Леша.

– Ты думай, что говоришь! – закричала она. – Что со всеми бывает?

– Был бы у вас один ребенок, ты бы о нем помнила, – ревниво буркнула Аня, намекая на себя.

– Как ты с матерью разговариваешь? – возмутилась Таня.

В этот момент из комнаты вышла моя дочь Сима и недовольно спросила:

– Что вы кричите? Мы ничего не слышим в мультике.

– Кто это «мы»? – ахнула я.

– Я и мальчик в куртке. Не помню, как его зовут, – ответила Сима и гордо удалилась.

Мальчиком в куртке оказался четырехлетний Степа. Он сидел одетый на диване и мирно смотрел мультфильмы. При этом, судя по количеству фантиков, он добрался до шоколадных конфет, которые ему были противопоказаны по причине аллергии.

– Степа! – кинулась к нему обезумевшая Таня. – Ты почему здесь сидишь?

– Ты ему сама велела идти мультики посмотреть, пока все одеваются, чтобы не мешался, – прокомментировала Аня.

– А почему ты в куртке и в шапке? Тебе же жарко! И почему ты ел конфеты? Тебе же нельзя!

– Мам, вообще-то ты только что нашла сына. У тебя должны быть другие эмоции, – не промолчала Аня.

Покорный Степа дал себя раздеть – от него даже пар шел. И пока его сушили, чтобы не выводить потного на улицу, Таня успокоилась. Леша

вернулся на свое место за столом. Аня засела в дальнем углу с телефоном и мечтательно улыбалась. Поля не без интереса смотрела мультики для малышей. Я ушла на кухню, чтобы поставить чайник и посмотреть, не осталось ли еще чего-нибудь поесть.

Знакомство с родителями

Дети вышли из класса, Симы не было. Наконец я увидела Светлану Александровну, которая сделала знак охраннику – пропустите вот эту женщину. Поскольку я протяжно застонала, как подбитая волчица, охранник мне даже баихлы не предложил.

– Так, успокойся и сделай приличные глаза, – сказала мне Светлана Александровна. – Все хорошо. Я тебя познакомлю с родительским комитетом.

– Сима! – взвыла я.

И тут мне навстречу выскочила дочь, сказала вежливо «здравствуйте», явно не узнав свою мать, и пошла в раздевалку.

– Сима, подожди меня! – заорала я. – Не выходи из школы! Жди на лавочке!

Встречу с родительским комитетом я представляла себе не так. Какое впечатление я на них произведу, если стою в куртке, замотанная по самые глаза в шарф?

Мамы убирали елку и новогодние украшения.

– Что же вы меня не позвали? – спросила я Светлану Александровну.

– Не наубиралась еще? – хмыкнула она.

Все мамы были лет на десять младше меня. Я немедленно решила вколоть себе ботокс во все места.

– У вас есть «Вотсап»? – спросила главная мама из родительского комитета.

– Нет, – призналась я.

– У вас нет «Вотсапа»? – Она была не просто в шоке, а в ступоре.

– О, у меня есть «Вайбер»! – обрадовалась я.

– «Вайбер»? Нет, мы предпочитаем «Вотсап». У нас там группа.

– Я вам оставлю телефон, электронную почту, – предложила я.

– Мы отдельно никому не звоним и не пишем. Только в «Вотсапе», – отрезала родительница.

Не то чтобы я отсталая совсем. У меня есть знакомая, у которой нет Фейсбука и никогда не было. У моего мужа нет Фейсбука. А мой знакомый пытается выйти из всех соцсетей, ставя самому себе сложные пароли, которые все равно помнит. У меня нет знакомых, о жизни которых я узнаю из Инстаграма. Даже приглашая на дни рождения и прочие праздники, я предпочитаю звонить людям, а не писать эсэмэски. Кстати, бумажные

письма я просто обожаю. И если бы наша почта не работала так, как работает, я бы с удовольствием писала обычные письма. Чернилами и перьевой ручкой. Клеила бы марки на конверт и облизывала уголок конверта. Бросала бы письмо в почтовый ящик – в этом ведь тоже есть определенная магия, когда письмо падает в темную прорезь и невозможно вернуть его назад. А вот всякие картинки и стикеры терпеть не могу.

Я вспомнила, как однажды столкнулась с Яной – председательницей нашего родительского комитета, когда в начальной школе учился Вася. Яна решала все проблемы, всегда улыбалась, знала всех мам, пап, бабушек, дедушек и детей по именам и в лицо. Оказалось, что она теперь работает в школе, отвечает за пожарную безопасность или я не знаю за что еще. Мы обнимались, целовались, держались за руки, улыбались. Мы вообще дружили. Мне может позвонить Юля – мама закадычного Васиного друга Максима. Макс уже ушел в другую школу, но мы с Юлей иногда созваниваемся. Как и с Мадиной – мамой другого Васиного друга. Дети учатся на разных отделениях, но мы, когда встречаемся на общих собраниях, садимся вместе.

Телефон Яны я потеряла. Она мой – нет. Порылись в телефоне, проверили, код другой. Сколько лет прошло? Восемь?

– Запиши мой новый номер: Яна Смирнова, – продиктовала она.
– Я помню, помню!

И не врала. Разбуди меня среди ночи, я вспомню, что она – мама Никиты, который сидел за предпоследней партой в правом ряду. А еще были Стелла, Наташа, Катя. Катя родила уже третьего ребенка. Наташа – второго, в сорок три года. Долгожданную дочку.

Я была готова к новым знакомствам, но никак не к общению в «Вотсапе».

– Завтра, между прочим, лыжи, – сказала Главная родительница.
– Лыжи? А у нас нет! Не выдают? – удивилась я.

Когда учился Вася, им выдавали и лыжи, и ботинки. Даже костюм могли выдать. Лишь бы дети хотели заниматься.

– А кто ведет? Сан Саныч? – уточнила я.

– Мы не знаем. Вы должны сегодня же съездить и купить лыжи, – велела мне родительница. – Завтра мы будем снимать на видео первый урок. И это негигиенично – носить чужую обувь. У наших детей – все свое.

Я кивнула и пошла к выходу.

– Маша, – окликнула меня Светлана Александровна. – Справку завтра принеси, что у Симы золотуха, и пусть в классе побудет. Прописи попишет. Нечего сопли морозить. Метель и пургу обещают. Справку организуешь?

– Организую. А кто ведет-то?

– Сан Саныч.

Тут я немедленно успокоилась. Физрук был, то есть остается, замечательным. За то, что ребенок, в принципе, пришел на занятие, он уже ставил «пять». За все остальное – «четыре». Васю он вывозил на соревнования по футболу и сделал главным вратарем школьной сборной. Сан Саныч, обычный физрук, выгонял мальчишку на поле после уроков и заставлял бегать, качать пресс, отжиматься. Когда Лиза сломала ногу, Сан Саныч вывозил ее в зал в инвалидном кресле и учил кидать мяч в корзину. Лиза потом стала играть в школьной сборной по баскетболу. Она – маленькая, меньше всех ростом в классе, – попадала в корзину так, как никто. Лиза, которая даже кувырок не могла сделать, получала пятерки. Да, Сан Саныч научил ее делать кувырки и группировки. Девочка перестала врезаться в стену наотмашь – она группировалась.

– Скажите ему, что Сима – Васина сестра, – попросила я Светлану Александровну.

– Уже, – улыбнулась она. – Он ее записал в сборную школы. За фамилию.

– По футболу? – пошутила я.

– Не знаю. Какая разница? Да, в пятницу у нас будет представление – приходи. Сима участвовать не будет, а в следующий раз я ей обязательно слова дам.

– Спектакль?

– Да, «Рождение Иисуса».

Тут я начала хохотать.

– По Евангелию от кого?

Светлана Александровна сделал мне страшные глаза, и я закрыла рот. Мамы из родительского комитета опять застыли в недоумении.

– Иди домой, ты вообще спала сегодня? – спросила учительница.

– Нет, – призналась я.

– Иди поспи. Что ты нервничаешь? Она же со мной.

В тот момент я действительно дико захотела спать.

Я забрала Симу, которая уже самостоятельно оделась, сложила сменку и сидела на лавочке. Моя крошечная девочка, на тонких ножках, нежная Жизель.

Первое, что она сказала дома: «Вот, блин, сломалось». То ли надо было восхищаться поделкой – вырезанным из бумаги ангелом, то ли кричать по поводу того, что «блин» – это не то слово, которое говорят дети из приличных семей. Несколько дней в школе – и Сима сказала «блин» так,

будто говорила это слово с рождения.

Дома рассказала мужу про рождение Иисуса. Он немедленно вспомнил про баранов. Это было, когда Вася учился классе в шестом.

Бараны не читаются, Му-Му – не пишется

В детстве муж очень хорошо рисовал. Он и сейчас неплохо рисует, в основном портреты мужчин с длинными носами и решительными подбородками на полях блокнота. В его роду были даже знаменитые художники, кажется. Жена, то есть я, досталась ему далекая от этого вида искусства.

В музеях я сижу на лавочке и беседую со смотрительницами о погоде. Мону Лизу я вижу каждый день – ее улыбку демонстрирует мне Сима, когда ей что-то очень не нравится, но она терпит. На сыне в смысле рисования природа отдохнула так, что даже трудно представить столь абсолютный покой. Вася не рисует в принципе. Нет, он может набросать на запотевшем зеркале в ванной головастика с ногами и руками для сестры, но на этом его творчество заканчивается. Когда Вася учился в первом классе, нашему папе велели нарисовать плакат – «Наш 1-й «А» на листе ватмана. Муж лежал ночь на полу, изучая образцы лучших газетно-журнальных шрифтов. В конце концов был выбран заголовочный шрифт журнала «Нью-Йоркер» – сдержаненный, но с претензией на старину. Плакат наша любимая учительница вернула со словами: «Переделать по линейке».

За Васю всегда делали рисование девочки. Но тут они все были заняты, и сын с тяжелым вздохом попросил помохи у отца.

– Нужно нарисовать три эскиза на библейские темы, – пробурчал Василий. – Минимум три персонажа. Из трех эскизов выберут один, который нужно сделать в цвете.

Муж лег на пол, обложился книгами по искусству, попросил несколько остро заточенных карандашей, ластики, стопку бумаги и выгнал всех из комнаты. Вася закатил глаза и ушел с головой в научно-популярную литературу.

Утром муж, не высавшийся, с красными глазами, но очень довольный собой, с блуждающей улыбкой сумасшедшего гения, выдал сыну эскизы. «Неопалимая купина», «Поцелуй Иуды», «Голгофа».

– Ну почти Пьеро делла Франческа, – сказал муж гордо.

– Че? – не понял сын.

– Сейчас я тебе покажу. – Муж пошел за книгой.

Пока он рылся в куче альбомов, валявшихся на полу, Василий удрал в школу.

– Ну как эскизы? – поинтересовалась я.

– Практически Пьеро делла Франческа, – ответил муж.

– Какая Франческа? – Я с утра плохо соображаю, но на женское имя среагировала.

– О господи, с кем я живу? Сейчас я тебе покажу. – Муж вернулся к поискам альбома по искусству.

Я сбежала в ванную.

Учительница выбрала из трех эскизов «Неопалимую купину». Эскиз нужно было перенести на формат А4.

– Купина2! – кричал муж, когда Вася спрашивал у потолка, кто придумал эти библейские сюжеты и почему он должен из-за них так мучиться.

Муж опять обложился книгами, альбомами, красками и попросил закрыть дверь. Судя по возгласам, он изучал фрески Новодевичьего монастыря и не знал, в какой стилистике рисовать купину – XVII века или позже, или предложить свое видение, затмив Пьеро-как-там-его.

В полдвенадцатого ночи он протопал к бару и налил себе виски. В двенадцать забрал бутылку в комнату, чтобы лишний раз не бегать. В полпервого из комнаты доносились его возмущенные возгласы, а на компьютере играла рок-опера «Иисус Христос – суперзвезда», видимо, для вдохновения.

В два часа ночи хлопнула дверь, и раздались звуки, как будто бумагу засовывают в мусорное ведро, утрамбовывая чуть ли не ногами. В два тридцать муж пришел в спальню с разговорами, что его никто не понимает. В три часа ночи я твердо решила с ним развестись. В семь утра сын держал в руках творение.

– Положи в папку! Только не помни2! Осторожно! – Супруг прыгал над рюкзаком сына.

Вася пришел расстроенный. За ку2пину, она же купи2ну, он получил трояк.

– Пап, во-первых, должно было быть минимум три персонажа. Почему ты заменил персонажей баранами? – передавал Вася слова учительницы. – Да, и, во-вторых, твои бараны «не читаются».

– Что?! – Муж зашелся от возмущения – я думала, его инфаркт хватит. – Мои бараны не читаются? Это не бараны, а овцы!

– Учительница сказала, что ты, то есть я, вместо персонажей нарисовал баранов, – буркнул Вася.

– Это же купина! Какие там персонажи? Там бараны, то есть овцы, и Моисей! Там не может быть персонажей!

– Да, кстати, твой Моисей тоже «не прорисован». И кустик странный.

– Что? Моисей? Как он должен быть прорисован? Кустик? Он горящий!

– Надо было другой сюжет рисовать. Массовый, – заявил Вася.

У мужа начал дергаться глаз.

«Бараны не читаются» стало у нас семейной присказкой.

И ладно бы это был первый случай! Я как-то участвовала в конкурсе басен среди пятиклассек. Точно так же лежала на полу с баснями Крылова и «попадала в размер». Написала басню про ленивого кота, пронырливую мышку и птичку-синичку, которая всех подружила. На конкурсе я заняла только четвертое место. Первое отдали папе, который написал басню про медведя. Оказывается, в персонажей тоже нужно уметь «попадать». Медведь, как мне объяснил сын, русский персонаж, а ленивый кот – нет. Чуждый, так сказать, элемент.

Еще я писала сочинение по «Му-Му», за что получила «см.». «См.» – это хуже, чем двойка. Русичка, говорившая через раз «что касаемо...», написала замечание: «Не поняла мотивов Му-Му». У меня тоже тогда задергался глаз: я пыталась понять, какие у собаки могут оказаться мотивы, чтобы быть утопленной? Кстати, задание было новаторское и смелое, можно сказать, дерзкое – написать сочинение в современных реалиях, как если бы Герасим жил сегодня. Я решила, что гулять так гулять – и мы с Василием выступили со стороны «Гринписа», «Фонда дикой природы» и экологов в целом. Мы написали, что мужчина в современном мире мог бы отдать животное в приют или в «добрые руки». Что Герасим, опять же, имел бы возможность подать в суд по нескольким статьям – от сексуального домогательства до установления опекунства по инвалидности. Мы дописались до создания благотворительного приюта под названием «Му-Му» и получения Герасимом высшего юридического образования.

За «Тараса Бульбу» – проклятие современных школьников – я получила тоже трояк. Дети, кстати, проходят повесть два года подряд и никак не пройдут. Муж годом раньше получил за Бульбу «четыре» авансом» и приписку: «Мало». А через год за того же самого Бульбу, списанного из интернета, уже я получила трояк – не раскрыла тему Запорожской Сечи. Насколько я поняла из рассказов сына, Сечь раскрыть невозможно в принципе. Так русичка сказала. Вот за образ Тараса можно было получить четверку. А еще сын заявил, что писать больше не будет никогда. Математика и физика – понятны. Формулы, доказательства, там все по-честному. А если мама-писательница и папа-журналист получают

тряяки за сочинение, то умеют ли они писать, это большой вопрос. Потому что бараны у них не читаются, а мотивы Му-Му непонятны.

Кстати, Васина одноклассница Лиза решила стать филологом назло маме-биологу. Мама с треском завалила презентацию по строению членистоногих. Причем не в первый раз.

«Вотсап» как родительское проклятие

Вася установил мне «Вотсап». Зачем нам нужны старшие дети? Чтобы учить нас пользоваться гаджетами. «Вотсап» все время тренькал – мамы обсуждали лыжи, погоду, уроки.

– Вась, отключи мне звук, иначе я сойду с ума, – взмолилась я.

Каждую минуту ловлю себя на мысли, что раньше было проще. Что в молодости все воспринимается спокойнее. С Васей я такой заполошной не была. Или была? Сейчас чувствую себя старой, уставшей, консервативной и отсталой. Но я держусь, улыбаюсь, стараюсь смешить детей по утрам.

Вася иногда дожидается, когда Сима с папой уйдут в школу, и требует внимания – где его магнитная «проходилка», кроссовки, почему я не записала его в парикмахерскую, и, кстати, он хочет поехать на каникулах с классом в Ярославль. Я киваю, на все соглашаюсь и покорно ищу его электронную карточку, на автомате заправляя постель. Но через неделю моих покорных и на все согласных кивков и убиrания за ним кровати сын начал нервничать, поскольку ему подменили мать.

– Мам, а может, папу проще научить косы плести? – спросил сын, выходя на кухню. Я сидела, пила кофе, молчала, Сима ела кашу. Вася почувствовал, что я сейчас всех убью. Незаплещенными.

Оказалось, у учеников Симиного класса очень активные родительницы. Просто мега-гипер-суперактивные. Переписка начиналась с раннего утра. Оповещения приходили каждую минуту, по любому поводу – родительницы обсуждали погоду, кто в какой одежде отправил ребенка в школу, кто как написал вчерашнее задание. Я в панике реагировала на каждое треньканье телефона. Долго рассматривала сообщение: «Зай, надо заплатить за Дашины кружки». Мамочки веселились – оказалось, родительница перепутала адресата и отправила текст не мужу, а в группу.

Иногда «по ошибке» появлялись сканы билетов в далекие теплые страны, и все дружно начинали завидовать отъезжающим.

Детей отправили на лыжах – одна мама выложила съемку.

«Ах, какие пупундрики!» – восхищались все остальные. «Ах, какие красапетки!» Тут же возник вопрос про лишний костюм медведя и бурное обсуждение, кто как делает домашние задания – с детьми или без, как долго сидят и все ли заполняют рабочие тетради? И – «за ранее спасибо». Все мамы, без исключения, «заранее» пишут раздельно. Я даже решила, что это новый сленг или жаргон. И если напишу слитно, то меня не примут в

сообщество.

Я позвонила приятельнице, у которой дочка тоже учится в начальной школе. Начала рассказывать про незнакомых мне пупундриков и красапеток, и про то, что я теперь сижу в «Вотсапе» больше, чем в социальных сетях, и совсем перестала из-за этого работать.

– Тебе непривычно, потому что Сима в детский сад не ходила, – догадалась подруга, – отключи звук уведомлений. Потом сразу все прочтешь, когда будет время.

– А у вас тоже такие родители?

– Сейчас получше, в садике хуже были. Они, если день не общались, нервничать начинали. Не переживай, к пятнице утихнут.

– А почему они ко всем обращаются «девочки» и на «ты»?

– Не знаю, у всех так.

Наверное, я все-таки стала не совсем адекватной. Не то чтобы я всем подряд начинала рассказывать про прописи и загадывать загадки из книжки «36 заданий для будущих отличников». Но ко мне стали обращаться со странными сообщениями. Как объяснить тот факт, что одна моя подруга позвонила и сообщила, что в пятницу – День вербальной магии? Все, что ни пожелаешь, сбудется. А вторая пообещала привезти в подарок икону, «прибавляющую ума».

– Кому икону – мне или Симе? – уточнила я.

– Ну она на всех действует, – замялась подруга.

Если так пойдет дальше, у меня соберется целая коллекция редких икон. Кирилла и Мефодия мне подарили как писательнице. Семистрельную преподнесла Васина репетитор по английскому, которая как ни придет, у нас в доме бедлам – то дверь устанавливают, то курьер приходит, то еще кто-то. Наверное, она захотела тишины и решила отгадать от моего дома лишних людей. Святого Спиридона мне велела купить еще одна подруга, я приобрела себе и ей, но никак ей не отдаю, поэтому у меня два Спиридона на полке. Они от иностранных захватчиков помогают вроде бы. Странно, что никто пока не подарил «Неупиваемую чашу», потому что я опять стала по вечерам пить вино на ночь. Помогает от бессонницы.

Светлана Александровна заболела – была замена. Я опять в панике. «Сима, если что, скажи, что ты новенькая», – твердила я. «Я не новенькая, я уже старенькая. Целую неделю в школу хожу», – невозмутимо констатировала дочь. Но я все равно нервничала: одно дело – наша любимая учительница, которая все про Симу знает. А другое дело –

посторонний преподаватель.

Пришла забирать дочь из школы. Из учительской вышла завуч, увидела меня, подошла и сказала строго:

— А я сегодня познакомилась с вашей девочкой.

Я опять чуть по стойке охранника не сползла.

— Вписалась, — кивнула завуч.

— Спасибо огромное! — закричала я.

Пока я радовалась, что мы с Симой не подвели учительницу и завуч нас похвалила, наши родительницы бурно выясняли, что будет завтра по расписанию — физра или ритмика. А если физра, то в зале или на лыжах? А еще на четвертом уроке должен быть концерт, и как тогда одеваться? Сразу в костюмы, или в лыжные, или в обычную форму, или в купальники для ритмики? Мамы не угоманивались. А если все-таки будет концерт, то кому отдадут слова Козочки? Ведь Аня заболела. Или Аня придет и выступит? А может, Аня отдаст слова Даще и пусть себе болеет. Ведь Даша так хотела быть Козочкой. А что будут делать те дети, которые не участвуют, — пойдут на ритмику, на физру, и — по второму кругу — если на физру, то в зале или на лыжах. Или они будут сидеть зрителями на концерте?

Они обсуждали это так, будто речь шла о жизни и смерти. Козочка смешалась с ритмикой, да еще выяснилось, что Даня, который играл Барашка, больше не хочет быть Барашком и мама не может его уговорить. Даще предложили вместо Козочки стать Барашком, но Даша наотрез отказалась. Точнее, ее мама. Даша — никакая там не Барашка, она — прирожденная Козочка, а Аня — не Козочка вовсе. Пусть бы лучше Деревом была или Кустиком. Бессловесным. А у Козочки — целая роль! Так что все-таки брать? Лыжи или балетки на ритмику? — вопрошали остальные родители, дети которых не были ни Кустиками, ни Барашками, ни даже Деревом.

Тут же вспомнила историю, которую рассказала подруга. Кто-то из мам выложил в общем чате шуточное объявление: «Звездочки — Катя, Даща, Анфиса. Снежинки — Аня, Вика, Ира. Мальчики — все клоуны». Шутка не прошла — мамы всполошились. «А что за праздник? А почему не все девочки — Звездочки и Снежинки? И кто такая Анфиса? Вроде бы в классе нет Анфисы!» Маме-шутнице пришлось объясняться — объявление не из нашего класса, это просто юмор, смешно, можно смеяться. Но родительницы заявили, что вообще ничего смешного в объявлении не видят. Просто ужасное объявление. Так издеваться над мальчиками!

Снова попросила сына выключить звук оповещения на телефоне, хотя был большой соблазн выйти из группы раз и навсегда. Опять же я слышала,

что так можно – есть мамы, которые сознательно игнорируют «Вотсап» и группы. Но я ни одной такой мамы не знаю. Больше того, начался галдеж – предложили создать не одну, а две группы. Одну – для обсуждений, другую – для важных сообщений, потому что, чтобы добраться до важного сообщения, нужно перелистать кучу отзывов, пожеланий, предложений и спама в виде ужастиков. Опять же по слухам, есть классы, в которых целых три группы. Третья та, в которой есть и классный руководитель. Кошмар какой-то!

Для меня все в новинку. Чтобы как-то развлечься, я начала составлять классификацию мам. Поделилась с подругой своими размышлениями. Оказалось, все до меня давно придумали.

Не знаю, как у остальных, но наши мамы четко делятся на группы. Есть паникерши, которые все время постят страшилки и всех предупреждают о грозящей всеобщей неминуемой опасности.

«Если вы нашли у себя в почтовом ящике вот такой конверт, ни за что его не открывайте! Мои знакомые открыли и отравились неизвестным веществом! Передайте другим!» «Внимание, поговорите со своими детьми. В начальной школе действует организованная группа наркодилеров! Под видом жвачек детям предлагают спайс! Привыкание мгновенное!» В этой группе есть подгруппа, которая боится эпидемий, причем подозревает у детей все сразу – от гонконгского гриппа до лихорадки Зика. Главное, в этот момент не заикнуться про прививки. Потому что тут же посыплются страшилки про вред прививок и необратимые последствия вакцинаций. Если же кто-то заикнулся – мол, сделайте прививку и живите спокойно, то все – листаем вперед сообщения, не читая.

Я с тихим ужасом ждала, когда у детей обнаружат вшей, а их непременно обнаружат, не в первом, так во втором классе. Или кого-нибудь угораздит заболеть ветрянкой. И тогда всё – школу предложат сжечь, а сверху засыпать хлоркой.

Есть вторая группа мам, которые, видимо, как я, – совы. Они просыпаются часам к восьми вечера и спрашивают про домашние задания и школьные новости. Попутно выясняется, что мы недоделали какое-нибудь задание или сделали не то. Я тащила дочь к письменному столу, и мы доделывали прописи, которые «точно нужно сдать завтра». Через час выяснялось, что мамы все перепутали, что сдать нужно не прописи, а тетрадь, и не завтра, а через неделю.

Есть группа знатоков. Они все понимают про школьную систему образования и знают больше, чем нужно. Владеют сокровенным знанием,

недоступным простым мамашам. Но они хранят это знание и ни с кем не делятся. «Ну разве вы не понимаете, в чем дело?», «Неужели вас это удивляет?».

В этой группе тоже есть подгруппа – недовольных знатоков. Последние всем всегда недовольны и призывают к революции, активным действиям и даже знают, как это сделать – кому писать и как писать. Хотя запала у них хватает недолго – в последний момент они признают, «что так устроена система, разве вы не понимаете, что все бесполезно».

Домохозяйки, разгоряченные призывами, уже готовые выйти на улицы и строить баррикады, устраивать митинги протеста, собирать подписи, поникают без отсутствия руководящего центра. Так что все призывы «заменить ритмику на шахматы», «убрать из программы окружающий мир и заменить его старым добрым природоведением», «рассадить всех детей не по одному за парту, а по двое, чтобы почувствовать локоть товарища» повисают в воздухе.

Самая безобидная группа – поклонницы картинок. Десять смайликов, смайлик со слезами, смайлик гневный, смайлик с сердечком. Для каждого сообщения – свой смайлик. В зависимости от эмоций смайликов может насчитываться от одного до бесконечности. Один раз я видела три строчки смайликов. Здесь же может затесаться любительница картинок с подписями. Иногда это и вправду смешно.

«Домашка». Снова красим гриб-боровик

Делали уроки. Сима прочла: «По небу летают гайки». Чайки! Чайки по небу летают!

– Гайки тоже могут, – ответила дочь.

– Почему?

– Потому что они фиксики.

Да, я помню, когда только появился этот мультфильм, мы его смотрели всей семьей по несколько раз. И если у нас дома из дверной ручки выпадал шуруп, его ни в коем случае нельзя было выбрасывать. Я прибивала гвоздь, чтобы повесить часы, и достала пакет, где у нас хранятся всякие гвозди, шурупы, гайки и саморезы. Так дочь отобрала у меня этот пакет и уложила его в детскую коляску для кукол. Она была убеждена, что это фиксики и они обязательно оживут, когда уйдут все взрослые...

Получили задание – найти и раскрасить гриб-боровик, другим цветом обозначить опят. Это по окружающему миру. И я точно помню, что уже красила эти шляпки. Давно, в прошлой жизни. Старательно, высунув язык от усердия.

По русскому сломались на множественном числе. Гриб – грибы, круг – круги, творог... Пришлось лезть в интернет – твороги². Видимо, по аналогии с пирогами.

Безударные гласные в корне слова долбим. Я уже на автомате сама себя проверяю. Говорю дочери: «Пора домой, проверочное слово «дом». «В воскресенье сходим на каток. «Воскресенье» – словарное слово, «каток» – проверочное «катится».

Я опять чувствую себя старой, тупой, уставшей. Мне уже даже неинтересно. Бывает профессиональное выгорание, а у меня материнское. В том смысле, что мне все равно – физра или ритмика, твороги или творога. И я не хочу раскрашивать опят. Я даже позавидовала родительницам – у них незамыленный взгляд, им важно, как правильно раскрасить гриб-боровик. Карандашом или фломастером?

В субботу меня разбудил муж. Я даже не поняла, где нахожусь, какой день недели, что я уже проспала и куда опоздала. На часах было начало одиннадцатого. Оказалось, что все уже давно позавтракали и через полчаса придет логопед к Симе и репетитор – к Васе. Поскакала в душ, прихлебывая на скаку кофе. Наткнулась в коридоре на Васю, который посмотрел на меня, оценил обстановку и завалился спать еще на пять

минут – пока ванная будет занята.

Встретила логопеда и репетитора. Когда всех проводила, посмотрела в зеркало в коридоре – оказывается, я забыла расчесаться. На голове был взрыв и вчерашняя прическа – хвостик. А я думаю, почему преподаватели на меня смотрели так участливо и спрашивали, как прошла первая неделя учебы. Да, прошла неделя. Всего неделя, а кажется, что месяца три минуло, не меньше. Снова моей привычной формой одежды стал лыжный костюм – и в пир, и в мир, и в школу тоже. И хвост. Точнее дуля, по современной моде. Вторая молодость, можно сказать. Вспомнила, как мы с мужем бегали по утрам, когда Вася был первоклассником. Супруг отводил Васю в школу и ждал меня у подъезда. Мы бегали по набережной Москвы-реки. Я, правда, продержалась всего месяц, но ведь можно попробовать еще раз?

Мамы активизируются ближе к вечеру. Сегодня с пометками «срочно» и «важно», с чередой восклицательных знаков разослали фотографию с инструкцией, как приклеивать к папкам листочки с именами и фамилиями детей. В папке – все для рисования. У нас такой нет, естественно. Не как портфель, а на молнии. И не розовая, а с жирафом. Листочек нам не выдали, поскольку мы не значились в базе. Так что я вяло следила за дискуссией. А они продолжали обсуждать – как клеить: наклейкой вверх или наклейкой вниз. По горизонтали или по вертикали? А сверху нельзя? А класс нужно подписывать или только фамилию? Председатель родительского комитета сфотографировала свою как образцово-показательную и требовала, чтобы все придерживались инструкции.

Вот что не меняется – так это тема погоды. Опять – а лыжи будут? «Смотрите по погоде». Вот как я могу смотреть по погоде? Минус пятнадцать и метель. Мне не по погоде, а всем по погоде. А лыжи с палками или без? А ходят по стадиону или по парку? А один физрук или два? А если кто-то отстанет? Мамы обсуждали вопрос палок. Одни считали, что палки никак нельзя, дети выколют друг другу глаза. Другие кричали, что у них дети с рождения стоят на горных лыжах и без палок никак нельзя.

Симе пapa купил очень крутые лыжи. С теплыми ботинками на меху. В таких ботинках я бы и сама всю зиму ходила. Вышли репетировать, поскольку Сима стоит на горных лыжах, а на беговых кататься не пробовала. Проблема в одном – лыжи с сильной отдачей. Они так хорошо скользят, что Сима отъезжает не вперед, а назад. Муж – великий лыжник – заявил, что нужна специальная мазь. До магазина пока не доехали. Завтра Сима пойдет на лыжах. Зато далеко не уедет, это я точно знаю. Лишь бы

задом в школу не въехала. С такой-то отдачей. Но муж сказал, что будет Симу тренировать.

В детстве он почти профессионально занимался хоккеем и ходил со своим отцом на лыжах в парке. У меня с лыжами и коньками хуже – стою, даже иногда двигаюсь, но никакого удовольствия не получаю. Еще мне все время холодно. Или хочется кофе.

Но муж надеялся передать свой опыт детям. Проблема в одном – он не умеет учить. Кругами ездил на коньках вокруг сына – и переступанием, и задом, и тормозил так, чтобы снег летел, но все без толку. Вася – как я: стоит на коньках, даже двигается, но без всякого удовольствия. С лыжами вообще смешно. Муж бережно хранит еще советские деревянные лыжи Tallinn со старыми, практически раритетными, ботинками. И в них выходит на лыжню. Понятно, что на лыжне образуется пробка – все хотят разглядеть лыжи, на которых еще деды катались, а уж ботинки – здоровенные, черные, тяжеленные – это вообще только в музее можно увидеть. В общем, муж становится звездой лыжни. Понятно, что Вася так быстро и, по-моему, сознательно отращивал ноги, что проще было дождаться, когда он вырастет, чем покупать ему каждый год новые лыжи и ботинки. Так он избавился от отцовских тренировок.

Но муж упрямый, и теперь он выводит на каток Симу. У дочки уже три хоккейные клюшки – по росту, от совсем маленькой до средней. И муж собирается купить новую, потому что клюшка должна быть непременно по росту. Пять шайб – две маленькие и три большие. И муж учит ее кататься как хоккеист. Дочь уверенно освоила врезание в бортик со всего маха и одному мальчику, который потянулся к шайбе, уже залепила клюшкой по голове. Я стою у бортика и пытаюсь напомнить, что Сима девочка и что ей нужно фигурное катание, а не хоккей. Сима, впрочем, совершенно равнодушна к «фонарикам», «корабликам» и прочим «девочкиным» фигурам – она осваивает боковое торможение. Пока тормозит в детей.

С лыжами у мужа тоже наступила вторая молодость. Симе лыжи очень понравились.

Они вышли на тренировку. Муж показывал разные виды скольжения. Сима послушно пыталась повторить, но все равно скользила не вперед, а назад. Муж своим профессиональным коньковым ходом отъезжал вперед метров на десять и ждал Симу. Она очень старалась, но опять двигалась в обратном направлении. А еще он научил дочь кричать: «Лыжню!», чтобы обогнать впереди идущих лыжников. Папа с дочкой совершенно счастливы: один в доисторических лыжах, вторая – задним ходом – дружно кричат: «Лыжню!»

Задали учить стихотворение Пушкина. Любое. Можно отрывок. Мы не можем выбрать, вот никак. Попадаются или длинное, или непонятное. Судя по коллективной переписке, все учат «у лукоморья», «три девицы под окном» и «рыбака с рыбкой». Решили выучить отрывок из «Евгения Онегина», чтобы подтвердить репутацию «культурных родителей». Сима вообще ни про что учить не желает. Я дошла до того, что набрала в интернете поисковый запрос – «стихи Пушкина, которые легко учатся». Судя по запросам, я не одна такая – короткие стихи Пушкина, стихи Пушкина для первоклассников, как быстро выучить стихи Пушкина. Согласна, «старушка дней моих суровых, голубка дряхлая моя» вполне легко учится. И «у лукоморья» тоже. Попробовали учить «мороз и солнце, день чудесный». Через час вернулись к рыбке. Разобрали, что такое невод и землянка. Все равно не учится. Подошел Вася. Злой и нервный, как бывают злыми и нервными подростки. Оказывается, он тоже в Пушкине по уши. Задали всем учить Татьяну. То есть письмо Татьяны Онегину. Вася не хотел Татьяну, а хотел учить Онегина, просто исходя из своей математической логики – женские стихи должны учить девочки.

– Ты представляешь, как я буду это читать – «Я вам пишу, чего же боле?!» – негодовал сын.

Ну да, согласна, странно. Можно в театральный поступать с таким номером – подросток, которому уже стоит бриться, срывающийся то на бас, то на фальцет, причитает: «Что я могу еще сказать?» Стала приставать – почитай, я хоть посмеюсь. Обиделся. А я еще полчаса тихо подхихиковала. Сима объявила, что не собирается учить про невод – целых три раза старик его забрасывал! Это же много! Оставила детей с Пушкиным наедине и ушла в телефон.

Светка-красотка, или Возможен ли роман с Зиданом?

Мне все-таки хочется познакомиться с родителями Симиных одноклассников – они-то давно друг друга знают, а я должна догадываться по никам в «Вотсапе» кто есть кто. Поскольку у нас наравне с мамами общаются только два папы, их вычислить проще. Один Викинг, второй Зидан. Викинга я опознала сразу – маленький тщедушный мужчина, в очках, в пальтеце, который все время тянет шею, чтобы казаться выше. Он дочку по утрам приводит. Дочка у него, правда, высокая, статная барышня, наверное, в маму пошла. Так вот он Викинг. Я гадаю, что должно быть в голове у сорокалетнего мужика, чтобы он называл себя Викингом? Это же какое самомнение надо иметь и силу духа? С Зиданом я не угадала. Думала, что футбол любит. Уже представляла себе здоровенного спортсмена в костюме после пробежки. Оказалось, девушка.

Я смотрела на мам, которые приходили встречать детей, и гадала – кто из них Лелька, Шушука, Таточка, принцесса Софи и Козябра. Да, Козябра оказалась фамилией. Тут я, как и с Зиданом, не угадала. Принцесса Софи меня, конечно, восхитила. В том смысле, что я бы не смогла назвать себя принцесса Мари, например. Но даже принцессе Софи далеко до мамы, которая гордо именует себя Светка-красотка. Ну как? Слабо? Вот это я понимаю – самооценка. Всем бы такую.

Пока я размышляла о том, что надо идти в ногу со временем и тоже придумать себе ник покрасивее, а не просто банальное Мария, в кружке мам – живьем, в школе – отметилось оживление. Такое, что искры сыпались во все стороны. Присмотрелась – мамы с глазами и губами. То есть накрашенные. Они как-то аккуратно, но плотным кругом обступили мужчину. Моего возраста приблизительно, вполне себе брутальный, но ничего особенного. Хотя мамы на него смотрели с таааким интересом и даже глупо хихикали. Я опять что-то пропустила. Полезла в телефон – так и есть. С вечера отключила звук, чтобы не слышать трели, а с утра, естественно, не включила. Полистала переписку. Батюшки, вот это интрига! Оказалось, что темой вчерашней переписки была всеобщая занятость уроками. И неизменный вопрос: вы делаете с ребенком домашние задания? А если у меня нет помощи? А если я работаю? И тут некий Стас объявляет, что он вообще отец-одиночка. Сам воспитывает

сына, и ничего, справляется. Сын – Макс – с ним и на охоту ездит, и в баню, и по прочим мужским делам. Уроки, соответственно, тоже делает то на охоте, то в бане. Мамы заохали и начали немедленно восхищаться Стасом – какой он замечательный отец и все такое. Папа предлагал мамочкам дружить детьми и устроить совместную прогулку по парку. Мамы немедленно согласились и начали производить впечатление на отца-одиночку. Одна предложила принести бутерброды и термос с чаем, вторая сказала, что можно купить чай прямо в парке. Папа предложил рассказать детям про охоту и научить правилам поведения при встрече с дикими животными.

– У нас в парке нет диких. У нас только белочки, – сказала одна мама, испуганно округлив глаза.

– Тогда вы научите детей делать кормушки! – предложила вторая мама.

Но брутальный Стас поморщился. Кормушки – это для девчонок.

Он забрал своего Макса, оставив мамочек в легком замешательстве. Они вроде бы получили приглашение на, так сказать, свидание, но не поняли, когда оно состоится. И главное – строгать ли бутерброды или этот папа найдет в парке дикого кабана, убьет и принесет им шкуру и мясо?

– Интересно, а что с его женой? – подала голос бабуля.

– Может, умерла. Неудобно как-то спрашивать, – тихо сказала мама, которая готова была бутерброды резать.

– Почему сразу «умерла»? – хохотнула бабуля. – Может, он отобрал у нее ребенка и лишил ее родительских прав!

– Вы слишком много смотрите телевизор, – осадила бабулю вторая мама, – на вид он вполне приличный человек.

– Маньяки тоже прилично выглядят, – зловеще произнесла бабуля.

– Ну а вы-то откуда знаете? – возмутилась мама. – Вы что, – специалист по маньякам?

– Нет, я в детской комнате милиции работала, – ответила бабуля, – и проблемных детей всегда вижу.

– Он не ребенок. Он мужчина, у которого, наверное, случилось горе. Вон он как с сыном носится! Все бы отцы так носились!

– А вы и рты пораскрывали?! У вас что, мужей нет? Говорю вам, что-то там не так. Он же охотой увлекается? А вдруг он ее убил?

– Ну вы тоже скажете!

– Я просто детективы люблю, – призналась бабуля.

Выяснить, так или не так, не удалось – никто не осмелился спросить у Стаса, куда подевалась биологическая мать его сына. Я еще подумала, что бабуля, может быть, и права. Меня сочетание имен удивило – Стас, не

Станислав, и Макс, не Максим. И глаза Стаса – холодные, жестокие. Сын его явно боялся. Когда отец его окрикивал, мальчик аж вздрагивал всем своим тщедушным тельцем.

Домашняя логистика, или Куда вколоть лишнюю порцию ботокса

Весь вечер разрабатывали схему – как отправить Симу в школу с лыжами. И как ее там переодеть на четвертый урок, потом снова переодеть и отправить на пятый. Дело не в том, что она не умеет сама одеваться или раздеваться. Наоборот – она делает все прекрасно. Но так тщательно и методично, что, пока она оденется, урок физкультуры закончится. Ведь у нее вообще все должно быть четко. Если на куртке есть молния и кнопки, то все кнопки должны быть непременно застегнуты, все до единой. Иначе – ни шагу на улицу. Это Вася мог выбежать в одной лыже и даже этого не заметить. Сима не такая: ей нужно дойти в сапогах в школу, переобуться в сменку, потом переобуться в лыжные ботинки и снова – в сменку, а потом опять – в сапоги. Сима у нас больше всего на свете следит за тем, чтобы во всем был порядок. Если положено три пары обуви, то должно быть три отдельных мешка для сменки. И пока она все тщательно не упакует, с места не сдвинется – пусть физрук хоть оборется.

Стою, жду ее у бордюра, когда встречаю после школы. Так вот, пока она шапку не завяжет, будет стоять и завязывать. То, что можно сделать два шага, подойти ко мне, и я завяжу шапку, ей даже в голову не приходит. То, что можно вообще шапку не завязывать, – тем более.

У дочки для каждой кофточки, платья – отдельные вешалки. У нее с раннего младенчества любимое развлечение – упаковывание и складывание. Она собирала «сортеры» за три секунды. Это такая штуковина с прорезями, куда надо запихнуть фигуры по форме – круг, квадрат, пятиугольник. Предполагается, что ребенок учится различать формы. Сима быстро сообразила, что нужно делать, но формы так и не выучила – она просто не любит, когда что-то на полу валяется. В чем-то есть и моя вина. Когда дочке было года четыре и она на что-то дулась или обижалась, я начинала складывать рубашки мужа. Как в магазине. Застегнуть на пуговицы, загнуть рукава, два раза завернуть, расправить. Сима немедленно осушала слезы и завороженно следила за моими действиями. Сейчас она точно так же складывает свои футболки и толстовки. Носки она сворачивает в аккуратный валик и раскладывает лесенкой в ящике. Я ее этому не учила, точно. Как не учила расправлять покрывало на кровати, чтобы не было ни единой складки. Это она в отца

пошла. У обоих – компульсивное расстройство, или как там это называется.

Я предлагала пойти в школу сразу в лыжных ботинках, но дочь с мужем посмотрели на меня как на сумасшедшую. Они вообще если из дома выходят на прогулку, то с огромным рюкзаком, в котором лежат жизненно необходимые на ближайший час вещи – начиная с сока-воды-баранок и заканчивая запасными перчатками, салфетками во всех видах и чуть ли не сменой белья. С таким запасом можно и на сутки уезжать в другой город, не то что на час в парк уходить.

Так вот, Сима с папой обсуждали, нужна ли им отдельная шапка для лыж или обойдутся одной. И куда положить запасную пару перчаток? Да и колготки нужно будет сменить на термобелье.

– Странно, что ты не спрашиваешь, есть ли в школе душ, чтобы принять после лыжной прогулки, – пошутила я и поняла, что точно эту же фразу уже произносила, когда в первый класс пошел Вася.

Муж задумался. Сима тоже.

– А пирожок? – спросила дочь, когда они решили все-таки обойтись одним комплектом верхней одежды.

Пирожок с чаем она всегда ест после тренировки на горных лыжах. У них с отцом такой ритуал. И без пирожка она домой не вернется. Я застонала и взялась за вязание. Это увлечение последней недели – я вяжу салфетки крючком, вспомнив, как в детстве ходила на кружок вязания, который ненавидела. Но моя бабушка считала, что умение вязать – необходимый для жизни навык. Что ж, она оказалась права. Я вяжу бесконечные цветочки и успокаиваю нервы.

У Симы тоже случился кризис. Видимо, Пушкин стал последней каплей. Утром объявила, что в школу ходить не хочет, потому что ей нет еще семи лет. Вот семь исполнится, тогда и пойдет. Пришлось напомнить, что сегодня лыжи и, наверное, это будет весело. Не зря же они столько с папой тренировались. Дочь согласилась сходить в школу исключительно ради лыж, приговаривая, что сегодня уж пойдет, так и быть, а потом – только после дня рождения. Нет, пойдет прямо на день рождения, потому что в школе книжки дарят на день рождения. Так что за подарком она, пожалуй, сходит. Но Пушкина учить больше не будет. Никогда.

Вася перестал удивляться, что я встаю по утрам. Он вообще, как мне кажется, потерял способность удивляться. И стал нежным. Даже спрашивает, как у меня дела. У мужа свои проблемы. Когда он отводит Симу в школу, то возвращается в возбужденном настроении.

– Почему они желают детям «хорошего дня?» – спросил у меня муж. –

Один папа сказал сегодня дочке «хорошего дня!». Он что – продавщица? А одна мама сказала сыну, чтобы тот шел в класс с «позитивным настроем». Они что, совсем, что ли?

Мне, в принципе, все равно, что там кто кому желает. Когда я отвожу дочь, заматываюсь в шарф по самые глаза и никого не вижу и не слышу.

Вася снова задержался с выходом в школу.

– Ты же все равно не спиши. А мне нужен новый дезодорант. Старый липкий слишком.

Ищу ему другой дезодорант. На следующее утро он попросил найти ему жвачку, потому что от него пахнет сыром и у чая, который сделал ему папа, странный привкус, и ему надо все это зажевать. Жвачку не нашла, выдала аскорбинку.

Вася якобы потерял в шкафу спортивную футболку.

– У вас лыжи, – ответила я, – зачем тебе футболка?

– Надо.

– Вася, представь, что я сплю. Что все как раньше – ты уходишь сам. Ты со второго класса сам собираешься и уходишь. Я же встречаюсь с тобой только после обеда, и это залог наших с тобой хороших отношений.

– Хорошо, завтра представлю. А сейчас найди мои перчатки, пожалуйста.

Я подумала, что ребенку, наверное, не хватает моего внимания. Ну мне хочется так думать. Конечно, ему нужны были перчатки, а не моя любовь.

– А ты можешь научить папу делать нормальный чай? – просит сын, поправляя прическу перед зеркалом. Я еле стою на ногах, так хочу лечь, но помню, что с подростками надо разговаривать, иначе у них случится нервный срыв.

– Не могу. Ты сам в состоянии сделать себе чай, – отвечаю я, потому что вот-вот нервный срыв случится у меня.

– Я нормально выгляжу?

– Нормально.

– Запиши меня в парикмахерскую.

– Сам запишишь. Это все?

– А принеси мне, пожалуйста, наушники, я забыл на тумбочке.

– Уйди уже по-хорошему.

С грехом пополам все-таки выучили «Сказку о рыбаке и рыбке». До старухи, которая пряла свою пряжу, Сима еще согласна была учить, а вот дальше – до рыбы – ни в какую. Но выучили.

Дочь вышла из класса возмущенная:

– Я же говорила, что нужно только до старухи учить! До рыбы не надо было! И так достаточно!

Родительницы опять обсуждали, какие именно папки должны храниться в шкафчике – для технологии или для ИЗО. Или можно обе? Или все в одну надо перекладывать?

Но тут же нашлась другая тема – фотографии. Детей по-прежнему фотографируют массово. С классом или отдельно. Без телефона и медведя, как в детском садике, зато с книжкой или на красивом фоне. Можно выбрать. У меня лежит целая гора фотографий Ваши – где он с приклеенными фотошопом коньками за плечами, стоит на фотошопных лыжах, с книжкой, без книжки. Есть несколько магнитов на холодильник с его изображением. Есть календарики. Я никогда не запрещала ему фотографироваться и выкупала все фотографии. Нашей бабушке они очень нравятся. У нее вообще вся стена завешана фотографиями внука в разных позах и с разными животными – с обезьянами, голубями. Магнитиками у нее обклеен холодильник. А календари стоят на почетном месте – за стеклом.

Сейчас детей никто не заставляет фотографироваться. Хочешь – пожалуйста. Но разве девочка откажется сфотографироваться, если ей пририсуют платье принцессы и корону? Или поместят ее портрет на подложку с цветами. Да еще скажут, что она – фея цветов? Естественно, все фотографируются. Родители вправе покупать или не покупать фотографии. Наши родительницы опять заголосили: да разве так можно? Да давайте сами! Да зачем нам эти ужасные фотографии? Да кому нужны эти ужасные календари? Печать отвратительная, фотограф – косоглазый, подложки и сюжеты – верх пошлости. Решили сделать отдельную фотосъемку – высокохудожественную. Мамы теперь не «фоткаются», а «фотаются».

Сима тем временем сообщила, что сфотографировалась.

– В цветах? – спросила я.

– Нет, на фоне Кремля.

Сима упорно говорит Кремль. Откуда у нее такое произношение, я не знаю. Но Кремль. Поскольку «Кремль» – словарное слово, как «Россия», то я попросила его написать – получилось «Кремэль». Я решила, что на фоне «Кремэля» – это даже весело, и пообещала выкупить фотографию.

Мамы же тем временем организовывали отдельную фотосессию.

– А задник какой?

– Без задника.

– Надо, чтобы все были красивые.

- Пусть будут естественные.
- Тогда девочки будут растрепанные.
- Можно на диване.
- На диване некрасиво. Пусть стоят.
- Сколько стоит?
- Силами родителей. У всех ведь есть «зеркалки».
- Мы будем в белом.
- Если задник белый, то не в белом.
- А мы хотим в белом!

Фотосессия так и не состоялась.

Уволить бабушку и спросить у Гугла

Сима написала тест по математике – наделала кучу ошибок. Учительница написала: «Молодец!» Сима была счастлива и отказалась делать работу над ошибками. Она ведь уже «молодец»!

Сломались на задаче по логике, закамуфлированной под математическую. На подоконнике лежали восемь зеленых помидоров. Через три дня они созрели. Сколько зеленых помидоров осталось на подоконнике?

– Почему на подоконнике? – удивилась я. – Зачем покупать или срывать зеленые? Вроде бы бананы на подоконнике дозревают.

– А какие помидоры? Турецкие? Так на них санкции, – прокомментировал муж.

Сима никогда не видела зеленые помидоры, а то, что она не видела, – не считается. Поэтому задачу решать отказалась.

У меня изменилась жизнь. Я планирую все дела или на раннее утро, или после пяти вечера. С трех до пяти у меня уроки. Я делаю с дочкой домашнее задание. Оказывается, я опять отстала от жизни – теперь с детьми делают домашнее задание репетиторы. Услуга так и называется – репетитор по начальной школе. Если в первом классе еще можно справиться самостоятельно, то ко второму ломаются самые упрямые мамы. За полторы тысячи рублей два раза в неделю приходит учительница и «нагоняет» темы. Есть и другая услуга – девочка-студентка прибегает каждый день и делает с ребенком уроки. Цена – от трехсот до пятисот рублей. Если репетитор пытается объяснить темы, то девочка быстро-быстро диктует решения или буквы, которые нужно вставить. Объяснять или не объяснять – остается на совести студентки.

Иногда роль девочки-студентки достается бабушке. Родной. Бабушка, живущая в другом районе, приезжает, забирает внука или внучку из школы, ведет домой, кормит обедом и делает уроки. За это родная дочь (в большинстве случаев речь идет о родственниках со стороны мамы, про свекровь я таких рассказов не слышала) платит матери зарплату – тысяч двадцать в месяц. Бабушку, оказывается, можно и «уволить», если плохо выполняет «домашку» и у ребенка тройки-двойки.

Я бы не поверила, если бы не знала бабушку Катюши. Мы с ней стояли рядом с барьером, когда ждали детей после школы. Так получалось,

что приходили раньше всех. Иногда Елена Ивановна занимала мне место у барьера. Зачем занимать? Дети вываливаются толпой из класса и ищут глазами родителей или бабушек, которые их встречают. Знаете, как они смотрят, если не видят родных лиц? Можно сойти с ума от этих ищущих взглядов. Однажды я видела, как девочка, уже большая, лет девяти, села на лавочку и горько заплакала. Мама опоздала минуты на три.

– Ну ты чего? Ты же большая, – увещевала девочку мама, а та продолжала плакать. Тихонько, стесняясь, закрывая лицо руками.

Все-таки эти ожидания – нельзя сравнивать с ожиданием мамы в детском саду. Там хотя бы можно отвлечься – игрушки всякие. Но в школе ждать родителей очень... страшно. Кто не знает – детей сейчас запрещено выпускать из школы без сопровождения. Родители пишут заявление, в котором указывают, кому именно можно отдавать ребенка. И если, например, бабушку или папу в заявлении не указали, то ребенка ему не отдадут. Учителя стоят и тоже смотрят – так, твоя мама (бабушка, няня, папа, дедушка) пришли, можешь выходить. Нет? Сиди в коридоре. После звонка дети не могут оставаться в коридоре без присмотра. Поэтому бесхозных детей отводят в учительскую. Ну вы представляете, что значит для ребенка – сидеть в учительской и ждать маму. Никаких нервов не хватит.

Я прихожу за дочкой минут за десять до того, как прозвенит звонок. И я точно знаю, что в школе часы опаздывают ровно на четыре минуты. Но я все равно прихожу пораньше и занимаю место у барьера справа. Если чуть левее, то там столб, и Сима меня не сразу заметит. Она выходит из класса, ищет меня глазами, машет рукой и только после этого идет переодеваться. Спокойно. Может поболтать с одноклассником. Лишь один-единственный раз она меня не заметила за этим самым столбом. И я больше никогда в жизни не хочу видеть этот ее взгляд. Я прыгаю как полоумная, кричу, машу руками, потому что моя дочь должна меня видеть.

Так вот, Елена Ивановна стала занимать для меня место. Она жила в другом районе и ездила в школу на троллейбусе. Она приезжала всегда раньше, чтобы встретить внучку-второклассницу. Елена Ивановна была спокойной бабушкой, очень ответственной, пунктуальной. Работала до пенсии вроде бы инженером. Мужа давно похоронила. Две дочки. Внучка Катюша от младшей дочери Насти. Она в разводе, работает много. И платит маме зарплату – те самые двадцать тысяч в месяц. У старшей дочери трое детей, но там няня. В обязанности бабушки входит встретить Катюшу после школы, накормить ее обедом, сделать уроки, погулять, если останется время. Катюша – милая девочка из тех, кто звезд с неба не

хватает. С математикой плохо. Да и русский хромает. Зато по технологии, где они лепят, клеят, вырезают, — отлично. Елена Ивановна стояла за заграждением и плакала.

— Что случилось?

— Настя меня уволить хочет.

— В каком смысле?

— Я неправляюсь. Да я сама чувствую, что неправляюсь! Фонетический разбор не знаю. И части речи... Наречия... Я уже и дома готовлюсь, а что толку? Не знаю, как объяснить. У Катюши — двойки. Настя ругается. Хочет нанять репетитора.

Елена Ивановна плохо видела даже в очках и считала, что внучке полезнее возиться с тестом, лепя пирожки, чем сидеть скрючившись по три часа над учебниками. Катя с радостью лепила пирожки и вырезала формочками печенье.

— Ну и хорошо, — ответила я, — вам же проще. Будете с Катюшой пирожки лепить, без всяких уроков.

— Нет. Мне Настя сказала, что я ей не нужна. Она сама будет Катюшу забирать. — Елена Ивановна опять начала всхлипывать. — Не знаю, как проживу. Настя же мне платить больше не будет. Эти двадцать тысяч пойдут на репетитора. Не знаете, может, кому няня нужна? Я бы пошла.

— Вы не няня, а бабушка, — ответила я, — а как ваша Настя объяснит Катюше, что бабушка больше не будет ее встречать?

— Не знаю. Настя считает, что я пока не должна Катюшу видеть. Она всегда такая была, с детства. Она и Катиному папе запретила встречаться с дочкой. Хотя зять у меня хороший был.

— Как же так?

— Значит, я плохо ее воспитала. Наверное, для Катюши так будет лучше. Вдруг я ее тоже плохо воспитывала? Старшей дочери я тоже не нужна. Вот как получилось.

Елена Ивановна пропала. Больше никто не занимал мне место у барьера. Я видела Настю — обычная милая женщина. Очень приятная с виду. Только Катюша больше не тащила все вещи к бабушке, а одевалась на лавочке. Настя не маячила у барьера, а ждала дочку в углу, на другой лавочке. Катюша похудела без бабушкиных пирожков, что ей было к лицу. Она становилась похожа не на Елену Ивановну, а на маму.

Каждый день я тащу в комнату дочки табуретку, и мы садимся за «домашку». Без меня она не справится. А я не справлюсь без родительских форумов и Гугла. Вот, например, задание в тесте: «В названиях скольких

предметов на рисунке есть орфограмма парного согласного в корне слова?» Мне нужно прочесть задание два раза. Или вот еще вопрос по окружающему миру: «Что происходит в конце осени в неживой природе?» Ледостав происходит. И не говорите, что вы сразу ответили. Что прямо на языке крутилось. И про лиственный кустарник под названием «бересклет» тоже все знают? Я не знаю. Даже не слышала никогда. А какое растение у нас не погибает зимой от морозов и его можно увидеть зеленым под снегом? Ну? Копытень, его ж за ногу! Вы считаете, что семилетний ребенок знает про копытень и ему не нужна помощь взрослой бестолковой мамаши?

Я каждый день хожу в магазин – он у нас под домом. И каждый раз вместе с молоком и хлебом покупаю коробок спичек. На меня уже косо смотрят. Два раза на кассе предлагали купить зажигалку. Один раз соседка шепотом спросила, зачем мне столько спичек? И почему я сразу не куплю упаковку. А я не хочу упаковку, надеясь, что скоро задания на логику со спичками закончатся. «Составь из спичек зонтик. Затем переложи две спички так, чтобы получилось три равных треугольника». «Построй из спичек домик. Переложи одну спичку так, чтобы домик был повернут в другую сторону». Я уже столько спичек переломала в гневе... Каждый день я радуюсь, что у меня есть взрослый сын, к тому же не гуманитарий. Каждый день Вася решает задачи для сестры и показывает, как переложить спички. Я вообще ничего не понимаю.

Или вот еще задание. Я провалилась с треском. Нужно поставить нужные буквы в словосочетание: «глухари т...куют». Я таращилась на задание и думала, что надо перечитать классику. Всю. Залечь на диван и начать с Пришвина. Ну не было у нас в селе глухарей. Индюки были, я про них все знаю. Про баранов знаю, коров, кур, лошадей и ослов. Козу умею доить. Один раз я даже принимала роды у соседской коровы! Помогала хвост держать. Я в возрасте моей дочери мыла бычьи яйца! Ну не знаю я, что делают глухари. Оказалось, «токуют».

Пришел с работы муж, спрашиваю:

- Глухари что делают?
- Токуют, – не задумавшись, отвечает муж.
- А я не знала.
- Ты что, Бианки в детстве не читала? – удивился муж.

Ну да, не читала. Я в детстве читала сказки народов мира и помогала держать коровий хвост.

«Вотсап» не умолкает, или «Марьиванна, можно выйти?»

Вечером рассмешило письмо от папы – Анатолия Щеглова, – присланное в группу в «Вотсапе»: «Уважаемый админ добавьте плиз в группу 8... – это тел мамы Степы Щеглова, а меня из группы удалите плиз». Орфография и пунктуация автора сохранены. Я даже услышала звук падающего тела председательницы родительского комитета, которую назвали не «девочкой», а «админом». Я предложила мужу сделать наоборот – меня удалить, а его включить. Отказался.

Темы для обсуждения, даже если их нет, обязательно появляются. Надо заклеить окна – сильно дует, особенно тем, кто сидит у окна.

- Нам не дует, пусть kleят те, у кого дети сидят у окна.
- Надо еще ковер почистить. У кого есть парогенератор? Вдруг там клещи уже?
- Давайте по старинке. Во двор вынесем и на снегу выбьем!
- Давайте! Я тоже за снег! На морозе все клещи умрут!
- Есть свободный пapa, который может подкрутить парты по росту детей?
- Да, парты нужно менять срочно! Они малы! У нас уже сколиоз! Что будет дальше?
- Парты нормальные! Давайте купим чехлы на стулья! Все колготки и юбки в зацепках!
- Да, чехлы для стульев нужны! Моя занозу посадила!
- А кто будет эти чехлы стирать?
- Каждый родитель снимет и постирает!
- Мы-то постираем, а как дети снимать и вешать будут? Давайте лучше стулья поменяем!
- Стулья подбираются к партам. По размеру! Сначала нужно парты поменять, а потом к ним стулья подбирать!
- Почему не все участвуют в обсуждении? Вам что, все равно, как сидят ваши дети?
- Я – за.
- За что?
- За все.
- Напишите, кто – за чехлы, а кто – за стулья.

- Я – за.
- За что?
- За все.
- Я за пол!
- Какой пол?
- Ламинат. Там такие щели! Мой упал. Надо сначала пол поменять!
- Я – за!
- За что?
- За все.
- Слушайте, ламинат лучше до лета оставить.
- Это почему же? Ламинат можно за выходные поменять!
- Да за один день!
- Да за полдня!
- Так кто за чехлы?
- Есть мастер по полам. Меняем?
- Что меняем?
- Надо согласовывать с администрацией. Не можем же мы просто выбросить стулья на помойку. Они же на списание должны пойти.
- А давайте тайно купим новые и тайно поменяем!
- Я – за!
- За что?
- За любой кипеж!
- Вот какие чудесные чехлы!
- Да за ценник этих чехлов можно ремонт сделать!
- Не хотите, не надо. Я для своего куплю.
- И он один у вас на чехлах сидеть будет? Остальным тоже захочется.
- Тогда давайте для всех купим.
- Так что с полами? Звонить мастеру?
- А какого цвета?
- Ламинат, стулья, чехлы или парты?
- ...Долгое молчание.
- Так что с окнами будем делать?
- Мы меняем окна?
- Нет, просто нужно прийти и заклеить три окна.
- А чем?
- Есть скотч.
- И все?
- Надо вытащить все шкафы из класса.
- Зачем?

– Если будем менять ламинат.
– Так что мы покупаем – стулья или столы?
– Столы поднять невозможно. Гайки приварены к ножкам. Мой муж ходил, сказал, что не получится.

– А почему нельзя поменять окна? Поставить стеклопакеты?
– Запрещено. Надо согласовывать.
– За выходные можно поменять. Есть мастер. Звонить ему?
...Долгое молчание.

Продолжение было. Пришел чей-то папа, не сообщив в «Вотсапе», открутил приваренные гайки и поднял парты. Родительницы впали в ступор – вся их разработанная схема рухнула из-за какого-то папы. Причем никто не знал, из-за какого именно.

– А чей папа был? Кто знает?

Но даже мама, которая жена, не признавалась. Наверное, на всякий случай. И случай, конечно же, возник. Папа поднял все парты. Моя Сима – на голову ниже всех в классе. Есть и еще несколько детей, которые недотягивают до взрослых парт.

– Мама, я сегодня знаешь как писала? У меня парта у подбородка была. Очень смешно. Я носом писала! – радовалась Сима. – Учительница сказала, что завтра назад вернут.

– И ты все уроки носом писала?

– Нет, только один. Потом мне учительница книжки подложила на стул. И я на книжках сидела, как на троне. Мне все завидовали.

Мамы же тем временем не могли определиться – то ли благодарить папу за его золотые руки, то ли ругать.

Вспомнили, что к понедельнику надо учить Есенина. Но это мы уже с Васей проходили – про сеновалы и селянок. Совершенно справедливо – классику можно перечитывать бесконечно и каждый раз открывать новое. Сейчас снова Есенина открою.

Я взяла книжку с полки, собираясь искать подходящее стихотворение. И книга открылась на нужной странице. Несколько поколений детей нашей семьи учили это стихотворение по этой самой книжке. Решила не нарушать традицию. Осталось объяснить Симе, что такое «стозвоном сосняка» и хотя бы самой научиться это выговаривать.

После Есенина пойдет Ахматова. Никто не возражал, хотя с Ахматовой еще хуже, чем с Есениным. Возопила – мне кажется, это слово очень подходит в данной ситуации – возопила только одна мама:

– Девочки, подскажите стихотворение. Чтобы не очень депрессивное.

– Васюш, – попросила я сына, – распечатай мне стихотворение «Прошло пять лет, и залечила раны...».

– Что? Как называется? «Прошел обед»? – уточнил сын.

Я решила сначала накормить сына.

Учили Ахматову с дочкой. Не про обед, а «Я не была здесь лет семьсот...» Выучили. Положили листок под подушку. В девять вечера ко мне подошла Сима и осторожно спросила:

– Мам, а я сегодня ужинала?

– Нет! Садись скорее!

– Ты кормила меня стихами, – упрекнула дочь.

– Это называется «духовная пища», – заметил сын, которого я тоже лишила ужина.

Поехала к косметологу. Говорю, сделайте меня на десять лет моложе.

– Что случилось?

– Отдала дочь в школу. Там все мамы моложе меня на десять лет.

– Понимаю... Куда колоть будем?

Если бы можно было уколоть в мозг, я бы немедленно согласилась.

Продолжаем учиться. Карантин. Сдача ГТО. Быстрее, выше, сильнее...

Сима попросила деньги. Карманные. У всех девочек есть – покупают пирожки с яблоками, или грибочки с шоколадными шляпками, или сок. Выдала пятьдесят рублей. Заодно выучили счет десятками и что такая цена, сдача. Пирожок стоил шестнадцать рублей. Пытались вычесть из пятидесяти шестнадцать. Плюнула. Сказала – тебе дадут сдачу.

Конечно, я опять нервничала. Вася быстро научился считать – не счетные палочки, а деньги, но это произошло во втором классе. Я опять не спала – представляла себе, как у Симы отбирают деньги или ей страшно что-то купить. Утром успокоила себя тем, что дочка умеет дружить с мальчиками – оказывается наличие старшего брата. Она и про «Локомотив» может поговорить, и про чемпионат мира по хоккею. Может сделать финт и мячом влупить так, что мало не покажется, но не это главное. Сима совершенно не смотрит на «мужской пол» как на противоположный. Она мальчишками командует, как братом, – встали, надели шапки, пошли, отжались. И они ее слушаются. Я решила, что в случае чего Сима быстро найдет себе защитника.

Каждый день удивляюсь новшествам. И каждый день напоминаю себе, что прошло уже девять лет с тех пор, как сын был первоклассником. Дети стоят с последними моделями айфонов, с часами с джипиэс-навигатором. Это тоже откровение. Оказывается, такие часы есть у многих первоклашек. Мамы по данным с этих часов могут отследить, где находится их чадо. Мамы говорят, что это – вопрос безопасности. По мне – так слежка в чистом виде. Лучше бы они мужьям такие часы нацепили. Предложила мужу купить такие часы. Отказался.

Забирая дочь из школы, спросила, как прошло первое знакомство с кассой в столовой, легко ли вступила в товарно-денежные отношения. Сима сказала, что все хорошо прошло. Манную кашу сегодня не ела, потому что ела дома утром, выпила какао и купила кукурузные палочки. Но палочки не ела, потому что все палочки съел Сева. Он так хотел есть, что если бы не палочки, то точно бы умер от голода.

Я хмыкнула – голодная смерть Севе точно не грозит. Его бабушка подробно рассказала мне, что кладет Севушке в портфель каждое утро,

чтобы мальчик смог дотянуть до часа дня: банан, яблоко, котлета на хлебе, котлета без хлеба, огурчик, конфетка шоколадная, конфетка-карамелька. В школе-то – какие завтраки? Одно название. Кто ж таким наестся? Да и какао жидкое.

– Да вашего перекуса на весь класс хватит, – улыбнулась я.

– Да вы что! Севушка, едва дверь домой открывает, сразу за стол бежит. Такой голодный! У него же все питание в мозг уходит! – воскликнула бабушка.

Дома я съела макароны, хлеб, детские баранки, булку с маком, решив, что у меня тоже все калории уходят в мозг, а не в попу и талию.

Сима отходила в школу две недели и заболела. Кашляла. Наша Сандровна была на больничном, заболели и учительница по технологии и даже физрук. Все кашляли. Вызвала врача.

– Очень похоже на коклюш, – сказала врач, – нельзя ли уточнить в школе, есть ли там случаи заболевания коклюшем?

– Нельзя, – испугалась я.

Живо представила, как прихожу в школу и выясняю, заболел ли кто коклюшем. Или пишу мамам, что у нас подозрение на коклюш. И какой после этого начнется крик. Да наши родительницы объявят эпидемию коклюша и сожгут источник заболевания на костре. Я прекрасно помню, как в школе была эпидемия педикулеза – крику было! Кто виноват? Кто принес? Кто разнес? Как разнес? Но лучше вши, чем коклюш.

Пока мы решали про коклюш, в городе объявили эпидемию гриппа. Родителям запретили заходить в раздевалку. Отменили все массовые мероприятия. Мамы лежали в обмороке вместе с «Вотсапом». В случае острой необходимости родителям можно было пройти в школу в бахилах и марлевых повязках. Но и без этого почти все родители, которые продолжали водить детей в школу, ходили в масках. «Мамы в обмороке» считали их безответственными нематерями. Вся раздевалка была заполнена людьми в масках. Дети при этом были без масок и без бахил. Родители хотели объявить карантин в школе, не дожидаясь официального решения. Поставили на голосование – кто поведет детей, кто нет. Воздержавшиеся считались разносчиками инфекции по умолчанию.

В то же самое время, несмотря на бушующие в «началке» эпидемии всех видов гриппа, в старшей школе все шло своим чередом. Никто никого не закрывал. Наоборот – ввели дополнительную физику для «должников». Надо было приходить к семи тридцати утра, чтобы переписать физический диктант. Вася исчезал из дома до того, как я успевала сказать ему «доброе

утро» и посоветовать смазать нос оксолиновой мазью.

Очередным утром в его комнате что-то рухнуло. Я подскочила, решив, что грохот как-то связан с силой тяготения или притяжения.

– Все живы? – заглянула я к нему.

Василий сумрачно смотрел на двадцатикилограммовую гирю, которую я видела впервые.

– Это что?

– Гиря.

– Зачем?

– Взял.

– Можно хотя бы прилагательных добавить в рассказ?

– Мы будем сдавать нормы ГТО.

О да, мы тоже сдавали ГТО. Наш физрук, Аслан Теймуразович, вообще-то питал страсть к масштабным действиям. На уроках мы строились в колонны, чтобы получились слова «мир», «труд», «май», и громоздились в шаткие акробатические конструкции. Я стояла на плечах у Толстой Алки и держала флагок.

Кстати, ее все так называли, и это не считалось обидной кличкой. Алка, – не Алла, а Альбина. И она вовсе не была особенно толстой. А была обычной девочкой средней упитанности. Но у нее была бабушка, тоже Алка, – внучку в ее честь назвали. И вот она действительно была толстой. Просто огромной. У нее были огромные ноги, огромное тело и очень красивые руки – аккуратная ладошка с изящными девичьими пальцами и тонким запястьем. Бабушку все в селе звали Толстая Алка, и ходили легенды о том, какая она была в молодости красавица. Как за эту аккуратную ручку сражались достойнейшие джигиты.

Нашу Алку так и звали – Толстая Алка, внучка Толстой Алки.

Я же была Марией, внучкой Марии – меня тоже назвали в честь бабушки. Еще у нас в классе был Казик, сын Казика.

Сейчас эти воспоминания вызывают у меня восторг, и удивление, и даже недоумение. Но в детстве мне все казалось очень правильным.

Вот как сейчас дети опознают друг друга? До определенного возраста, лет до пяти, – по цвету одежды. Сын говорил: «Играл с красным», значит, мальчик был в красной футболке. Или: «Подрался с зеленым» – у мальчика могла быть зеленая кепка. Или уже в школе: «Рассадили с Антоном».

– Каким Антоном?

– Который за мной сидел.

Дочка рассказывает: «Мы с Юлей получили пятерки с

восклицательными знаками в дневники!»

– С какой Юлей?

– Головановой.

– Это такая девочка со смешной челкой? – уточняю я.

– С какой челкой? – искренне изумляется Сима.

Она никакую челку даже не заметила. А у Юли между тем очень смешная челка. Густая, как у пони. Она у нее быстро отрастает, и Юля дует на челку, вытягивая нижнюю губу.

А в нашем селе все было по-другому. Другие характеристики.

«Толстая Алка, внучка Толстой Алки, которая в молодости была красавицей». «Казик – сын Казика, который чуть не утонул в детстве». «Мария, внучка Марии, чью дочь крали два раза, и она отказалась тонуть в Тереке». «Батраз, который описался, когда его принимали в пионеры». «Ляля, дочка Луизы, которая вышла замуж после тридцати». «Викуля, пятая дочка Аслана, которая должна была родиться мальчиком, но опять родилась девочкой». И все сразу понимали, о ком идет речь. Поскольку слухи, сплетни, легенды и воспоминания в нашем селе жили своей собственной жизнью и не имели срока давности. В этих характеристиках не было никакой оценки, просто констатация фактов, описание событий, которые потрясли село и остались в памяти его жителей.

Так вот, про ГТО. Физрук знал мою бабушку, учил мою маму. Он видел меня еще в младенческом возрасте. И очень за меня переживал. Мы не прыгали через козла, не бегали марафоны и не качали пресс. Да и зачем девочке пресс? Аслан Теймуразович считал, что девочки должны быть крупные и упитанные. А кто возьмет замуж девушку с прессом и накачанными ногами? Поэтому физрук делал все возможное, чтобы мы, не дай бог, не похудели в области попы. Особенно я. Потерю калорий ученицами Аслан Теймуразович считал личным горем.

И тут нормы. Я помню, как метала гранату – деревянный брусок. Аслан Теймуразович лежал в траве, прикрыв голову руками, и кричал: «Целься!», «Метай!». Физрук произносил: «цэлса» и «мэтай», и я долго считала, что это такие специальные военные термины.

– Слушай, кто так мэтает? – обижался Аслан Теймуразович. – У тебя бабушка фронтовика, твоя мать так гранаты мэтала, что чуть меня два раза не убила, а ты?

Почему-то он был уверен, что этот навык передается по наследству, причем исключительно по женской линии.

– Давай ты лучше прыгать будешь? – предложил физрук.

В длину я прыгала приблизительно так же, как метала гранату. После

того как больно ударились копчиком о деревянную планку, не допрыгнув до ямы с песком, у меня появился страх.

– Почему ты не прыгаешь? – кричал Аслан Теймуразович.

– Копчик отбила, – ответила я.

– Копчэг? Что это?

Поскольку по-русски я говорила лучше всех в селе, то все время сталкивалась со сложностями перевода. Вот как объяснить Аслану Теймуразовичу, что такое копчик? Показать нельзя – позора не оберешься. Моя учительница по математике, которой я пыталась объяснить, что такое плесень, после этого звала меня исключительно Плэсн. Очень ей слово понравилось, красивое. Впрочем, свою дочь она назвала Картинка, что звучало как «картинкэ». Тоже исключительно из-за красоты звучания, не вдаваясь в значение.

Аслан Теймуразович продолжал мучить меня нормативами.

– Вот что мне с тобой дэлат, а? – восклицал он. – Бэгат тебе нельзя, худая, еще больше станэш худая, меня твоя бабушка убьет. Мэтат ты не можешь. Давай ты стрэлат будэш!

В душном тире на склизком и потном мате я держала винтовку (или автомат, не знаю) и целилась. В мишень не попала ни разу.

– Слушай, дэвочка, твоя бабушка – партизан, а ты ее позоришь, – заламывал руки физрук, – твоя мать жэниху, который ее посмэл украсть, из старинного ружья, которое на стене висэло, чуть самое главное не отстрэлила. Я тогда так гордился! Так гордился! А ты позоришь их! Цэлса!

– Аслан Теймуразович, можно я не буду сдавать ГТО?

– Как не будэш? А кому я значок буду вручать?

– Кому-нибудь другому. Мне не нужен значок.

– Как так «нэ нужэн»? У тебя бабушка – такой уважаемый чэловек в селе. У тебя мать, моя бывшая ученица, в Москве живет! И что они мне скажут? Что я значок для тебя пожалэл? Как я им в глаза буду смотреть? Скажут, что Аслан Теймуразович их нэ уважает? Нет! Я такого позора не переживу! Пойдем, будем тебя дальше проверять. Вот это что такое? Прочитай!

– Наклон вперед из положения стоя с прямыми ногами на полу (достать ладонями), – прочла я в методичке.

– Нэ понимаю...

– Вот так, Аслан Теймуразович, – я спокойно сделала «складочку», достав ладонями до пола.

– Что ж ты раньше нэ сказала? – восхитился физрук, – это даже нэ бронзовый, а серебряный значок! Читай дальше!

Я прочла всю методичку вслух.

Серебряный значок я получала на торжественной линейке. Аслан Теймуразович приколол мне его на белый фартук и чуть не расплакался от счастья. Знаете, за что я получила значок? За бег на лыжах и плавание.

Надо ли говорить, что в селе никто лыжи в глаза не видел. Снег видели, но мельком. Бег на лыжах вообще считался непонятным видом спорта – зачем бежать? Куда? Кто бегает на лыжах, если можно спокойно сидеть в тепле, выпивать и закусывать? Плавание тоже непонятно. В реке можно белье постирать, машину помыть. Молодые парни дурачатся, прыгают с камней. Девушки опозоренные утопиться могут. Это понятно. Но чтобы плыть? Пятьдесят метров? Да как измерить эти пятьдесят метров? Кто же воду может мерить?

– Она в Москве так бегает, так плавает. Вот наденет лыжи и идет плавать! – рассказывал всем Аслан Теймуразович.

– Ох, лишь бы у нас такого не было, – говорили сельчане, – пусть лучше гранату метают.

– Конечно, лучше гранату. Но нормы у нас городские, надо соответствовать, чтобы село не опозорить.

– Да, надо соответствовать, – соглашались сельчане.

– Ну-ка, покажи, что умеешь! – выкрикнул кто-то из толпы на торжественной линейке. Что мне оставалось? Я сложилась в «складочку» и достала ладонями до пола.

– Вот! – обрадовался Аслан Теймуразович, – А еще она флагом так махает, никто так не махает!

Я забралась на плечи Толстой Алки. Еще две девочки, с двух сторон опершись на Алку, замерли в полуприседе, воздев руки к небесам, и я замахала флагом.

Возвращаемся к корням, или Как пахнут дети, если их намазать гусиным жиром

Фольклора нет, речевого развития нет, ИЗО нет, технологии нет. Лыжи есть. «Вроде бы холодно?» Холодно, но лыжи. Нет, лыж нет. Физра в зале. «Девочки, а кто-нибудь форму брал?» Мы – нет. Мы – да. Мы – тоже нет. Полкласса в форме, половина – без. «А домашние задания есть?»

Никто не знает. Мамы переключились на обсуждение свойств оксолиновой мази, сбились в лагеря – сторонников и противников прививок от гриппа. Дошли до обсуждения масок для лица из овсянки. Вроде бы оттягивает все лишнее, но наукой не доказано. Лучше внутрь. Мамы заскучали, но связь поддерживали.

Дети, как известно всем мамам, болеют одновременно, по очереди и вне всякой очереди. Следом за детьми обычно заболевает папа, а когда измученная мама вроде бы всех вылечила, то ей достаются все вирусы от всех членов семьи. Хуже всего болеют мужья и сыновья-подростки. Они ложатся и закатывают глаза. «Что? Где? Горло? Температура?» Нет, у них сразу все. По комнате разбросаны бумажные платки, чашки громоздятся на тумбочке – они не могут пить чай с малиной, не хотят – с медом, от молока их уже тошнит. Полоскания не помогают, капли в нос тоже бессмысленны. Лучше вообще ничего не делать. А просто лежать, страдать и ждать скорой смерти от температуры тридцать семь и две.

Дочка у меня лечилась послушно, но дурной пример заразителен – она отказалась пить сироп, таблетки потребовала толочь между двумя чайными ложками, иначе «они в горле застревают», отвар ромашки горький, лимон кислый. Мультики надоели, книжки тоже, хочу мороженое и гулять.

Пока они капризничали, я поехала на рынок – купить курицу, сварить бульон.

– Жир гусиный возьмешь? – спросила меня продавщица Валя, у которой я покупаю курицу.

Конечно, я взяла гусиный жир. Жалко, не было барсучьего. И начала лечить детей так, как лечили меня в детстве.

Значит, гусиный жир наружно и внутрь. Пахнет он так, будто в холодильнике протухли все яйца вместе с колбасой и пролежали так примерно с год. Хуже пахнет только барсучий жир. Когда бабушка натирала мне грудь, я сидела, зажав пальцами нос, и дышала ртом. Когда бабушка

натирала мне спину, я вообще старалась дышать через раз.

Отмыть жир было сложно. Брало его только хозяйственное мыло. Еще дустовое годилось. Но и это еще цветочки! Вот пить натощак горячее молоко с растопленным в нем жиром – испытание на храбрость. Я наматывала вокруг кружки круги, потом собиралась с силами, зажимала нос и делала три больших глотка. На четвертый глоток меня уговорить было невозможно. Я сжимала зубы. Какая же это была гадость! Даже жидкий рыбий жир, которым меня тоже регулярно выпаивали, казался сладким и не таким уж противным.

Дальше следовало сидение над вареной картошкой под одеялом, пока не задохнешься. Если я пыталась отползти от картошки, бабушка больно шлепала меня по затылку, и я опять ныряла в кастрюлю.

– Дыши хорошо, глубоко дыши! – командовала бабушка. Но дышать над картошкой невозможно – задыхаешься паром. К тому же на голове – тяжеленное байковое одеяло. Продышавшейся я считалась только тогда, когда бабушка убеждалась в том, что внучка стала пунцового цвета.

Массаж горячими сваренными вкрутую яйцами вокруг носа казался счастьем, поскольку после этого шла более тяжкая процедура – закапывание. Мне капали в нос свекольный сок. Он дико щипается, и его нужно разводить водой, но бабушка всегда об этом забывала. Поэтому я орала как полоумная, терла нос изо всех сил и изо всех же сил старалась побыстрее выздороветь. Потому что сок раздирает все внутри – долго и сильно. Хочется временно оторвать нос и прополоскать его в воде. Когда я отказывалась от свекольного сока, бабушка капала мне в нос луковый. Причем луковицу на мелкой терке для собственной экзекуции я должна была тереть сама. Пока натрешь – и прорыдаешься, и соплями обольешься. А раздавленный зубчик чеснока в нос? Мне казалось, бабушка могла работать инквизитором, а не журналистом. Я ходила с засунутыми в нос чесночинами, пыталась возмущаться, но это сложно, если у тебя заткнут нос.

Хуже свекольного сока была только черная редька с медом. Бабушка срезала половину редьки, как крышечку, вырезала отверстие и клала туда мед. Делала она это вечером, что означало – утром мне нужно будет проглотить образовавшийся сок. Тут уже хотелось оторвать себе голову, промыть ее и поставить назад.

А ромашка? Отвар из ромашки шел везде – на голову, чтобы волосы лучше росли. Внутрь – для дезинфекции. Бесконечные полоскания.

Так вот, на рынке я купила и жир, и мед, и черную редьку. Не хотят мои дети лечиться современными средствами, с ароматизаторами,

вкусовыми добавками, тогда будут лечиться народными. Я наварила картошки и приготовила гусиный жир с молоком и редьку с медом. Дети смотрели на меня с нескрываемым ужасом. Конечно, они не ожидали такого подвоха и не без интереса согласились полечиться по-другому. Отхлебнули, съели, уселись над кастрюлей. А потом начался крик. Дети вопили, стонали, бегали от меня по всей квартире и сообщали, что они уже совсем здоровы. Они были готовы пить любые лекарства и сиропы, молоко с маслом и полоскать горло чем угодно. Только не гусиный жир и не редька! Только не картошка! И это у меня еще руки не дошли до свекольного сока. Но я уже стояла на своем и продолжала их мазать, поить, еще и лук с чесноком скормила. Так уж, чтобы закрепить эффект.

Дети немедленно выздоровели. Сын объявил, что завтра же пойдет в школу, а дочка сказала, что тоже, лишь бы не оставаться со мной и редкой наедине. И вправду, наутро они уже были бодренькие. Конечно, бодренькие – я им еще горчицу в носки насыпала на ночь. Правда, дети пахли не слишком приятно, даже, можно сказать, совсем неприятно. Как будто долго-долго не мылись, потом извалялись в земле, а потом высохли и еще с месяц не мылись. Но ничего – зато они теперь знают, как выглядит хозяйственное мыло.

– Мам, у меня горчица к ногам прилипла и не отмывается! – с ужасом кричал сын.

Я ухмылялась и не спешила на помощь. Будут знать, как болеть.

Чем еще нас лечили? Мою подругу Лену, у которой в детстве часто была ангина, – авиационным керосином. Ленина мама брала огромную длинную спицу, наматывала вату и лезла дочери в горло. Авиационный керосин ей приносил троюродный брат соседки, который работал летчиком. Ленина мама очень ловко орудовала спицей. Так вот, теперь моя подруга, уже сама ставшая мамой, страдает – в Москве найти авиационный керосин невозможно, а у дочки ангина. Посоветовала ей гусиный жир натощак. Лена аж вздрогнула – ей тоже такое в детстве давали, правда, с медом.

Однако лечение бабушкиными средствами дало побочный эффект.

– А как тебя еще лечили в детстве? – спросила дочка, когда я ее укладывала спать. И я рассказала, что такое банки и горчичники, какая трава от чего помогает. Дочка быстро уснула. Наверное, от страха.

Школьная жизнь в условиях карантина

Мне стала нравиться мама с ником Шушука. Каждое утро спрашивает в «Вотсапе»: «Девочки, а во сколько заканчивается третий урок?» Или: «А во сколько конец четвертого урока?» Ей уже и фотографию с расписанием звонков посылали, и время окончания. Не помогает. Это же какой нервной системой надо обладать, чтобы не выучить расписание? У меня листочки приклеены во всех местах – на холодильнике, в Симином портфеле, в ежедневнике и даже в Васином компьютере в виде резервной копии.

«Ой, девочки, а во сколько пятый урок заканчивается? Я опять забыла!» – снова суетится Шушука в «Вотсапе».

А еще продвинутые мамы в переписке сокращают имена учителей: ЛА, ЕА, АГ. Странно выглядит. ЛА сказала, что АГ передала. Шифровка из центра какая-то… Я не знаю, кто это, и начинаю нервничать.

Дома Сима играет в школу. Она учительница. Пишет примеры, надо решить. Выучить стишок – Сима проверяет. Я учу с ней стихи. Развиваю память. Начала пить витамины группы В, которые влияют на мозговую деятельность. Оказалось, что у меня короткая память – выучила стишок, а назавтра забыла. Сима не понимает, как можно забыть стихотворение, если положила книжку под подушку. Она очень волнуется и читает стихи шепотом. Я кладу ей книжку под подушку, и она, веря в ее магическую силу, читает громко и четко. Теперь я тоже сплю на книжках, как принцесса на горошине. По утрам несколько раз проверяю постель – не забыли ли вытащить и положить в портфель учебник? Витамины на меня уже не действуют.

Сима объявила урок физкультуры. На лыжах.

– Как же мы будем дома на лыжах ходить?

– Медленно! Сначала нужно научиться падать. Падаешь направо, ноги вверх поднимаешь и перекатываешься налево. Если падаешь налево, то перекатываешься направо.

– Сима, лыжи у вас отменили из-за карантина.

– Я учительница. И я ничего не отменяла. Давай учись падать.

Приходится вставать на Симины лыжи в коридоре и делать вид, что падаю. Сима следит за тем, чтобы я перекатывалась в нужную сторону. В нужной стороне коридор заканчивается, и я делаю группировку.

– Мама, двойка тебе, – объявляет Сима. – Как ты будешь жить, если не научишься падать?

Тут я чуть по-настоящему не свалилась. Ведь правда: надо сначала научиться падать, а потом начинать жить.

Физкультуру у них преподает Сан Саныч – любимый физрук Василия. У них там целая физруchnая мафия – в старшей школе преподает сестра Сан Саныча, которую тоже все так и зовут – сестра Сан Саныча. И лучший друг детства – бывший коллега по футбольной команде – Дмитрий Саныч. Не знаю, что он делает с детьми, но Сима, освоив лыжи, увлеклась баскетболом.

Баскетбольного мяча у нас нет, и я не собираюсь его покупать. Но дочь долбит об пол всеми имеющимися в доме мячами, включая теннисные. Тут выяснилось, что Вася с друзьями прогуливает уроки не в ближайшей «Шоколаднице», а в спортивном зале у Дмитрия Саныча, где рубится в настольный теннис. Даже не знаю, как на это реагировать. Как и на увлечение дочки баскетболом. Если в нее попадет мяч, она улетит вместе с ним в дальний угол.

Учительница болеет. Дети вдруг резко переменились – стали самостоятельными. Или метаморфоза случилась только с Симой, не знаю. Во всяком случае, из школы она вернулась с книжкой Пришвина. Объяснила, что сходила с подружкой на четвертый этаж в библиотеку, сама себя туда записала и взяла книжку. Библиотекарь строго сказала, что прочесть нужно за десять дней – дочь сидит читает, боится не успеть.

– Сима, у нас дома тоже много книжек. – Я попыталась успокоить ребенка.

– Много, но таких, как в библиотеке, нет, – заверила Сима.

Да, у нас нет книг, на которых написано – «1-й класс». И понятно, с какой полки брать. И библиотекаря у нас нет. А без библиотекаря – не так интересно.

Туалет на первом этаже закрыли. Сима ходила на второй. Сама. Заблудилась, конечно же. Но нашлась самостоятельно.

Вышла со слезами – мальчики дразнят. Называют самой красивой девочкой в классе и дергают за косички. Я заплела ей одну косу, чтобы меньше дергали, и решила посмотреть на главного «жениха» Даню. Мальчик сидел на лавочке и послушно ждал, когда Сима снимет верхнюю одежду. Потом взял ее портфель и потащил. Сима ему еще указания давала – мол, по полу не вози, подними, испачкаешь. Тоже мне, «жених», подкаблучник. Хорошо, что бабушка Дани не видела, как он тащит Симин портфель – свой забрасывает в дальний угол, а подружкин носит бережно.

Я постепенно начала опознавать Симиных одноклассников. Сева без

конца ест на уроке. Ничего не может с собой поделать. Ему и запрещали, и ругали, и еду не давали, а он все равно сидит и ест. Где только находит? Сима сказала, что Севу все подкармливают – жалеют. У кого что есть – кто кусочек яблока даст, кто печенье. Мальчик говорит, что его дома совсем не кормят, на диете держат, поэтому он только в школе может питаться.

В Аришу влюблена Гоша. Если Ариша просится выйти в туалет во время урока, то Гоша тоже попросится выйти. Но мальчика не отпускают. Девочка возвращается надутая – свидание не состоялось. На перемене они делают вид, что вообще друг с другом незнакомы. В раздевалке долго снимают с вешалок куртки – тянут время. Переглядываются. Но Гоша непостоянен и может отвлечься на Аню. Тогда на следующий день Ариша не просится выйти во время урока. Гоша страдает, но не сильно – он переглядывается с Аней. В раздевалке Ариша убивает взглядом соперницу и вновь завоевывает внимание поклонника.

Настюша – добрая и смешливая, но пугливая девочка. Дети подбегают к ней сзади, кричат «бу», а она подскакивает на месте и тут же начинает плакать. Учительница сто раз говорила детям не пугать Настюшу, но они не слушаются. Так вот, если Настюша пугается, то она может повернуться и нечаянно махнуть рукой. Однажды махнула рукой и задела Вову. Тот впечатался в стену. Настюша рыдала пуще прежнего – ей было жаль и себя, и Вову. У мальчика выросла на затылке шишка. Тут же, конечно, прибежала Вовина мама и стала требовать допроса с пристрастием – кто ударил, кто виноват. Мамы подключились в «Вотсапе», и разразился скандал. Поскольку Вова молчал, как партизан, – стыдно было, что его ударила девочка, – то все свалили на Диму – он самый высокий и сильный в классе.

Дима с Симой дружат. Моя дочь дышит ему в пупок, и Дима относится к ней, как к домашнему питомцу – на руках не носит, но всячески опекает, встает в пару, доносит портфель, двигает Симины парту и стул, если требуется.

Так вот, мамы решили, что Вову ударил Дима. Но девочка, по слухам, тоже как-то была замешана. Мамы девочек кричали, что мамы мальчиков должны поговорить с сыновьями и объяснить им, что девочек обижать нельзя. Мамы мальчиков тоже не задержались с ответной репликой – «да ваши девочки сами кого угодно доведут!». Тут же выяснилось, что Вика толкнула Лизу. А Саша регулярно бьет сменкой Андрюшу. Просто мама Андрюши думала, что Саша – это мальчик и советовала сыну дать сдачи, но тут выяснилось, что Саша – девочка. И как теперь быть?

Мам я уже тоже понемногу узнаю. Светка-красотка все время требует внимания. И вообще все время чего-то требует. То наладить фотоотчет по

домашним заданиям – кто как сделал, кто какую оценку получил. То всем мамам советует умывать детей с мылом во время эпидемии – видимо, в остальное время можно мыться без мыла. Выкладывает страшные новости про разгар эпидемии и статьи по психологии. Она просто гений ссылок.

Принцесса Софи гордо заявила, что своего сына не пустит в школу целую неделю. Пока по телевизору не объявят о конце эпидемии.

Шушука в панике – она все время причитает. Ой, что же делать? Ой, а мы не сделали домашнее задание, что теперь будет? Боже, что делать, что делать?

Председательница родительского комитета выкладывает фотографии прописей своей дочки как образец для подражания. Мамы льстиво посылают смайлики и комплименты – какой красивый почерк! Председательница принимает комплименты как должное. Мне кажется, она ведет статистику – кто отреагировал, а кто нет. Кто поставил смайлик, а кто промолчал.

У некоторых мам вместо имени – картинка. Есть веселое привидение, грустное привидение, красная птичка из «Энгри бердс», собачка, кошечка, лев и зебра. Снова подумываю о том, чтобы пойти к косметологу и вколоть еще одну порцию ботокса.

В воскресенье вечером родительницы совсем сошли с ума – решили устроить саботаж и дружно не водить детей в школу. Наш класс на карантин так и не закрыли. Естественно, все переругались. Перестали в конце предложения смайлики с сердечками ставить, перешли на рассерженные рожицы. «А давайте все не поведем! Нет, найдутся те, которые поведут, вот увидите! Нет, или все, или никто! Ой, а учительница выйдет с больничного? Если не выйдет, то мы как все, а если выйдет, то мы пойдем. А давайте ей кто-нибудь позвонит и посоветуется. Давайте закроем тему, нет, не будем закрывать тему. Вам не нравится, не читайте! У меня работа! Да никакая работа не стоит здоровья ребенка! Вам что, на собственного ребенка наплевать? Да там не дети болеют, а взрослые кашляют, которые их приводят! А давайте точно узнаем, кто кашляет в классе, а кто нет. Кто за? Я за то, чтобы не водить, а вы про что голосуете? А я воздержусь пока. Мы против, категорически. Пусть здоровые дети учатся. Да у вас сердца нет – так рисковать. Мне вот интуиция подсказывает – не водить всю неделю. Мы не будем ходить! И справку не возьмем! И записку писать не будем. И что нам за это сделают? Да пусть только попробуют! Прекратите междоусобную ругань! Уважайте друг друга! Да пусть она первая уважает! И вообще, не я это начала, она первая. Да эту панику развязали фармацевтические компании, чтобы денег с

населения содрать побольше. Вам промыли мозги! А вам нечего промывать! Девочки, так ведем или не ведем детей? А кто перестраховывается, а кто болеет по-настоящему? Мой Никита сказал, что в классе было два человека! А мой сказал, что весь класс. Первый «Д» закрыли на карантин! И второй «В»! А у нас прививка от гриппа, мы пойдем. Прививки не дают гарантии. А у нас не отечественная, а французская! Так что же вы в России живете со своей французской прививкой? Жили бы во Франции! Я против прививок! Вот из-за таких, как вы, эпидемии и начинаются!»

Спасла ситуация Шушука, которая в десять вечера написала на голубом глазу: «Ой, девочки, что делать? Домашку не записали! Подскажите, что задали-то?» Правильно, самое время разрядить обстановку.

Я точно знаю – в школу ходит четырнадцать человек из тридцати. Сима всех по головам пересчитала. Она вообще все, что видит, считает. Ей все нравится. Спокойно, не душно, мало кто бегает на переменах, в столовой можно сок купить, никакой очереди, никто не толкается.

Мои школьные годы чудесные. Туалет на улице, где растут самые красивые розы

Сима стала спрашивать, как я училась. Вася тоже спрашивал. Сыну я рассказывала – он смеялся, думая, что я придумываю на ходу. Ему нравились мои рассказы, которые он считал фантастическими и юмористическими. Симе я не знаю, что говорить.

Три самых счастливых школьных года. Я училась в северокавказской сельской школе. Туалет был на улице. Деревянное строение с тремя дырками в полу. Нужно постараться, чтобы не упасть. Особенно зимой, когда какашки и моча замерзали, превращаясь в ледяную корку. Пока пристроишься, писать расхочешь. Туалет регулярно засыпали хлоркой и известкой. До дома терпеть было бессмысленно – тоже туалет на улице. Тоже холодно. Тот же запах хлорки.

Все свидания назначались за туалетом. Особенно весной. Там росли кусты сирени, розы, дерево черного тутовника. И сирень перебивала запах хлорки. А розы там были самые роскошные.

Столовой в школе не было. Родители готовили сами и накрывали общий стол. В любой момент на любой перемене можно было подойти к столу и взять все что хочешь: пироги, курицу, сладости. Воду не пили. На столах стояли банки с компотами – все пили компоты. Из груши, черешни, вишни, клубники. Мамы закатывали компоты еще осенью, по сто-двести-триста банок, и приносили в школу. Никакой очередности тоже не существовало, но еда была всегда, как и компоты. Да, еще варенье – из черного тутовника, из белого, из белой черешни, из черной. Ореховое – в разных видах. Конфеты и шоколадки появлялись только по большим праздникам, как и газировка. Конфеты считали роскошью. Печенье никто никогда не покупал – мамы пекли сами. Сами же делали козинаки из семечек и грецких орехов. Сахара тоже не было. Обычного. О существовании кускового никто не знал. Сахарный песок все закупали мешками на варенье и компоты. В школу «сахар» делали сами – фруктовый. На столе лежали сахарные кристаллы из виноградного сока, которые нужно было отламывать. Считалось, что виноградный сахар очень полезен – от всех болезней спасает. Наверное, так и было. Я не помню, чтобы болела. Или кто-то из моих подруг болел. Зимой девочкам разрешалось прийти ко второму уроку.

— А я сегодня печку на зимней кухне сама растапливала, — сообщала учительнице моя подруга Фатимка.

И я сама себе завидовала — мне только двор подмести пришлось. А печку растопить — это тяжело. Надо щепок сначала нарубить, дров натаскать, саму печку почистить, все кастрюли, сковородки подготовить. А еще белье погладить — его всегда на зимней кухне гладили. Еще и тесто поставить — чтобы поднялось. Когда мать придет на кухню — все сверкать должно. Только после этого можно идти в школу.

Уроки? Мы делали что хотели. Иногда девочек отправляли на целый день вязать или танцевать. Мне нравилось и то и другое. Хотя от вязания болели пальцы, а от танцев — спина. Учительница танцев ходила с тонким прутом и била нас по спинам. Иногда оставались следы. Мы терпели, потому что красивая осанка — залог счастливого брака. Кто же сутулую девушку замуж возьмет? Учительница по вязанию тоже могла больно ткнуть крючком в запястье, если «столбик» неровный получался.

Мне нравилось учить осетинский язык. Я даже смеялась над бабушкой — я могла писать, а бабушка только читала. Дома мы всегда говорили по-русски. Бабушка понимала односельчан, однако отвечала по-русски. А я отвечала по-осетински. Стала постоянной ведущей на всех концертах, отчего очень страдала. Считалось, что ведущей быть очень почетно, а мне хотелось танцевать и петь. Но я не умела танцевать так, как Фатимка, — во мне не было той нутряной тонкости, покорности, нежности и страсти. Я не умела петь так, как пел Жорик. У него голос шел из желудка. Зато я умела красиво и четко объявлять номера, и бабушка не брила меня налысо, когда заводились вши. А вши заводились раза четыре в году.

У нас не было школьной формы. То есть была, но ее берегли — для выступлений, встречи почетных гостей и праздников. Зимой всех девочек проверяли на наличие шерстяных штанов под юбкой. Явишься в школу без рейтузов — крику будет на все село. Фартуки тоже были, но самодельные. Девочки шили их сами. Что сосьешь, в том и будешь ходить. Под фартуком — обязательно кофта. Теплая. На ногах галоши. Мы носили галоши, оставляя их перед входом в школу. Вместо сменки — шланг. Нужно было помыть обувь.

Были и диспансеризации. Нам выдавали спичечные коробки, и мы отправлялись в туалет — на анализ кала. Кал соскребали со стенок. И ни разу ни у кого не нашли яйца глист. Известка со стен туалета считалась «счастливой» — если потрещь руки, то обязательно хорошо сдашь экзамен. Перед экзаменами все питались лепестками сирени — искали пятилистники и съедали. Самыми надежными считались кусты у туалета. Я помню запах

сирени. Запах сирени – вот что осталось у меня от тех трех лет.

Все проходит. Даже карантин. Снова в школу

Анаграммы мне не даются никак. Из слова «мать» составить «тьма» – это я еще могу. А вот над «никелем» думала весь вечер – и так, и сяк, никак. Настроение испортилось, авторитета лишилась. Главное, не могу избавиться от мыслей про никель. Сходила в душ – под водой мне лучше думается. Ну, никак не получается. Спросила всех, кого могла. Правильный ответ – «ельник». Я даже на бумажке это слово записала, чтобы не забыть. Ну да, ельник! Все дети в первом классе должны знать, что такое ельник. Но меня ждала очередная анаграмма. Мошкова. Да что же это такое? Решила спросить у Гугла. Очень популярный оказался запрос – «помогите составить слово из слов...».

Считается, что анаграммы развиваются у детей логические способности. Не знаю, как у детей, у меня они развиваются аппетит – я пока сижу над заданиями, жую детские сушки и соленые крендельки. И выпить очень хочется. Не вина, а пива, которое я терпеть не могу. Но под анаграммы, мне кажется, пиво хорошо пойдет. И рыбка сущеная, вяленая. Скумбрия горячего копчения. Или даже банальная вобла. Я так размечталась, что на следующий день поехала на рынок и скупила все варианты рыбы.

– Ты, случайно, не беременная? – уточнила продавщица. Я у нее уже лет десять селедку покупаю и никогда в сторону вяленой рыбы не смотрела.

– Нет, случайно не беременная. Просто нервная, – пояснила я.

В школе все-таки объявили карантин и отправили детей по домам. Общение мам в чате утихло. Кто-нибудь вяло спрашивает про ДЗ. Кто-нибудь – это, конечно, Шушука. Часов в десять вечера. Опять потеряли тетрадь, учебник оставили в классе, и что теперь делать – непонятно.

Сима скучает по своему поклоннику Дане. Он ей чистые листы на ИЗО выдавал.

– Куплю тебе к следующему уроку, – пообещала я.

– Не надо. У Дани еще много. Он мне даст.

Мамочки заметно оживились, соскучились по общению. Глава родительского комитета объявила в сети: «Дорогие мамочки, не забудьте, завтра идем в школу! Карантин закончился!»

– Как завтра? Уже завтра? А что завтра – среда? – посыпались вопросы.

– А зачем выходить на три дня, когда с пятницы недельные каникулы?

– А каникулы точно будут?

Тут, конечно, разгорелась дискуссия. Нужны каникулы или нет. Одни считали, что нужны – они уезжают. Другие – что нет, много пропустили. И пусть, кто хочет остаться неучем, уезжает, а остальные готовы учиться. Еще чуть-чуть, и они начали бы голосовать – кто за каникулы, а кто против. Как обычно, спасла ситуацию Шушука:

– А завтра лыжи или в зале?

– Коньки! – не выдержала глава родительского комитета.

Шутка не прошла. Мамы разволновались. Как коньки? Где коньки? А какие коньки?

Пришлось родительскому комитету всех успокаивать – коньков не будет, лыж тоже, физра в зале. На школьной территории вместо лыжни – лед.

– Спасибо, – ответила Шушука, – а то я неделю на улице не была. Правда? Там лед? Настоящий?

Мне бы ее самообладание и способность радоваться сообщениям про лед.

Сима соскучилась по школе. За время карантина она научилась считать деньги очень даже неплохо, особенно монетки. Высыпала копилку и чахла над златом, пересчитывая. Попросила поиграть с ней в кафе. Сели играть. Я «заплатила» пять рублей за пластмассовую булочку, которая стоила три рубля. Сима подумала и выдала:

– А у меня нет сдачи!

Наверное, в школе услышала.

У нее по-прежнему какой-то необъяснимый страх перед библиотекаршей. Книгу, которую она взяла до карантина, читает и боится не успеть к сроку. Конечно, это хорошо, что ребенок читает, но зачем так бояться-то?

– Сима, сдашь не через десять дней, а через двенадцать, ничего страшного.

– Нет! Надо через десять!

Опять же не понимаю, чем ей не угодила домашняя библиотека, в которой детских книг – на несколько поколений вперед. Подумала о том, что надо бы расставить все по возрасту и авторам. Или, например, так – литература о животных, сказки, авторы по фамилиям. Но это пустая затея.

Я начинаю вытаскивать книги, чтобы вытереть пыль, и обнаруживаю себя через три часа на полу. С тряпкой, которая уже высохла. Начинаю читать, листать, и все – никакой уборки.

К своему ужасу, я обнаружила, что чихаю от пыли. Книжной. И глаза опухают. Типичная аллергия на книжную пыль. Но в нашей семье может быть аллергия на все что угодно, кроме книжной пыли. Меня муж из дома выгонит, если узнает, что я не могу с удовольствием вдыхать запах пожелтевших страниц раритетных изданий. А я не могу. Достала пылесос, пропылесосила, протерла все полки, но все равно чихала и терла глаза. Накрасилась перед приходом мужа с работы. Он аж отшатнулся, когда я его в коридоре встретила. Посмотрела в зеркало. Я выглядела, как карась, которому подрисовали ресницы. Выпученные, измученные глаза и что-то сверху черное.

До этого я подговорила детей – ни в коем случае не говорите папе, что у меня аллергия на книги.

– Не скажу. Честно говоря, у меня то же самое, – признался Вася, – уже два года скрываю.

– А я скажу, – объявила Сима, – потому что врать нельзя.

Мы с Васей тяжело вздохнули.

Читать, надо признать, Сима стала бегло. Без точек и запятых, на одной ноте, монотонно, но бегло. Подтянули прописи. Вася научил сестру считать в столбик.

Карантин закончился. Дети обнимались и целовались с учительницей. Это же счастье – когда дети бегут обниматься и целоваться. Все-таки наша Светлана Александровна удивительная красавица. В модных джинсах, кофточке-разлетайке, в ботинках на толстой подошве. Обещала, что это ее последний набор детей. Потом все – на пенсию, к внукам. Не верю.

Мамы вялые. Только Шушука вдруг написала лирическое: «А хорошо бы вместо лыж были коньки. Мы бы точно не пропускали».

Физра была в зале. Играли с мячом – Сима никак не могла запомнить правила. Она такая – сначала изучает, запоминает, только потом начинает играть. Ей нужно обязательно отрепетировать. Репетировали игру с мячом дома. На помощь был вызван Вася, который по движениям Симы пытался понять, что за игру придумал детям Сан Саныч.

– Похоже на движения из волейбола, – объявил Василий, и мы стали учиться волейболу. Один раз попали в люстру. Снесли мою рукотворную самодельную ключницу. Разбили вазу – подарок дальних родственников, которая мне никогда не нравилась, но выбросить рука не поднималась. Так

что я даже расцеловала дочь за столь меткое попадание. Сима вроде бы успокоилась и больше не страдала.

Сандровна наша любимая сегодня отчитывала бабушку:

– Сева раньше был таким приличным мальчиком! Что случилось? Совсем перестал учиться. Или спит, или в носу ковыряется. Просто удивительно. Передайте родителям.

– Передам, еще как передам! – пообещала бабушка. – Конечно, ему скучно, – заговорщицким тоном тут же сообщила она мне. Я стояла рядом и выисматривала Симу в куче-мале детей. – Дочка у меня умная, занимается с ним сама. Она столько методик знает! Вот Севе и скучно в школе. Он слишком умный. Дочка-то у меня тоже умная была. Как только за такого дурака вышла? Зять у меня – ну дурак дураком! А что делать? Дочка не работает, Севой занимается, вот и пляшет под его дудку – как муж скажет, так и будет. Сева, чуть что не по нему, говорит: «Папе расскажу». А дочка только руками разводит. Я на зятя прямо смотреть не могу. Стараюсь уехать, пока он с работы не вернулся. Дочка тоже сама не своя – как приворожил он ее, будто воли лишил. Так и есть. Вампир он. Я его как вижу, у меня давление начинает скакать. Но я терплю – ради дочки, ради внука. Мне ж главное, чтобы Севушка не заболел, не простыл да погулял после школы. Синий уже, аж зеленый. Смотреть больно. Ой, опять сердце заныло. А у тебя как? Муж хороший? Тещу уважает?

– Уважает. Они видятся редко.

– Вот это правильно. Глаза б мои зятя не видели.

Бабушка так и продолжала бы жаловаться на зятя, но в этот момент из-за угла с громким криком выскочила Сима.

– Мама, я колготки потеряла! После ритмики! Помнишь, ты рассказывала, что Вася все терял?! То перчатки, то шарф. Вот и я потеряла! Иди ищи! – Сима была в полном восторге от того, что не отстала от старшего брата. – Я везде смотрела! Но ты должна поискать в столовой, библиотеке и учительской.

– Сима, ты разве раздевалась в столовой, библиотеке и учительской? – уточнила я.

– Нет! Но там обязательно надо посмотреть! Наконец-то и я что-то потеряла. А то ничего не теряю – ни ручки, ни тетрадки, ни перчатки, как ни старалась. В классе каждый день все теряют, а я – ни разу. Вот, зато первый раз и целые колготки потеряла! Светлана Сандровна сказала, что колготки еще никто не терял!

Я под присмотром восторженной дочери заглянула в столовую,

сходила в библиотеку и учительскую. Иначе бы она меня из школы не выпустила.

– Вам чем-нибудь помочь? Подсказать? – спрашивали заботливо учителя.

– Нет, спасибо. Мы колготки ищем, – отвечала я, потому что не могла придумать другой предлог. Сима радостно подтверждала: да, в первый раз потеряла, и вот мама теперь ищет.

Учителя смотрели с удивлением, но позволяли мне заглянуть под стул, за занавеску и даже под настольную вазу с цветами.

– Сима, нет нигде твоих колготок.

Что делать в таких случаях, дочь не знала. То есть потерять с концами она была не готова, поэтому не знала, то ли так у всех бывает, то ли надо начинать плакать.

Колготки нашлись, когда мы пришли домой, причем нашлись вместе с купальником. Сима после ритмики переодевалась и сняла все сразу, после чего аккуратную стопочку скрутила потуже и втиснула сначала в мешок, а мешок положила в портфель. Дочь радовалась находке, но не была убеждена в том, что именно так они должны были найтись.

В нее теперь уже точно влюбился Даня. Сима говорит, что он все время лезет обниматься. Особенно на диванчике, который стоит в рекреации. Но с Даней она стоит в паре на ритмике, поэтому воспринимает его как партнера по «полечке», а не как ухажера. К партнерам она относится строго – носок не тянет, счет перепутал, повернулся не вовремя, на ногу наступил. Ну какой из него жених? Так что у Дани нет ни единого шанса, даже если он начнет тянуть носок.

Легли рано. Я твердо решила уснуть, но тут телефон подал признаки жизни:

– Девочки, привет, а завтра физра где? – спрашивала Шушука.

И тут же все родительницы начали общаться в «Вотсапе». У всех, оказывается, накопилось много вопросов. И все соскучились и не понимали, почему так долго не общались.

– Подскажите, тут моя вспомнила про бумажки со стихами, которые надо выучить, это на когда надо? – спросила мама Оля.

– К Восьмому марта, – ответила мама Лелька.

– Там же вроде как про пап... – удивилась мама Оля.

– Ой, тогда не знаю, – заволновалась мама Лелька.

– Девочки, стихи на Двадцать третье февраля! – объявила председатель родительского комитета.

- Ну да, наверное, у нас именно они. А на когда надо учить?
- На Двадцать третье!
- У них будет праздник?
- Праздник сделают на Восьмое марта.
- А стихи на когда? На Двадцать третье или на Восьмое?
- Девочки, а что с физрой?
- Кладите ботинки и форму. Пока непонятно.
- А завтра стихи будут спрашивать?

Стихи действительно раздавали. Мы выучили, особо не задумываясь над содержанием: начало было впереди, конец – далеко позади. Вырванный кусок про «уберу игрушки и буду вести себя хорошо». Подходит и к Двадцать третьему, и к Восьмому.

Пошла встречать из школы – все-таки первый день после длинного пропуска. Учительница была замученная.

– Ничего не помнят, ничего не знают. Две недели – и полный провал. Скачем галопом по Европам. Не знаю, что делать, – сообщила она всем мамам.

Сима наконец появилась с книжкой про Буратино – была в библиотеке, оказывается.

- У вас что, дома «Буратино» нет? – спросила строго Сандровна.
- Есть, конечно, – промямлила я.

Конечно, есть. В полном варианте. С уникальными иллюстрациями. И адаптированная версия есть. И оригинальная – про Пиноккио. Но Сима взяла суперадаптированную, суперсокращенную версию. Очень была довольна. Сообщила, что в библиотеке книги лучше, чем дома – тоненькие, стоят на специальной полочке. А у нас все толстые. И повторила, что брать приходится самой, никто не выдает. Я предложила выдавать книги из домашней библиотеки.

– Ты не можешь. – объявила дочь. – У тебя нет права, ты мама, а не библиотекарь, и читательский билет ты мне не можешь выдать.

- Почему? – полюбопытствовала я.

– Потому что у тебя нет специального ящика, где все дети записаны – когда книгу взяли, когда вернули. И нужно сначала в ящик посмотреть, билет достать и только потом книгу выдавать. Понятно?

Что ж тут непонятного? Заодно выяснилось, что у дочери образовались уже два постоянных кавалера: в дополнение к Дане – Сева. Даню поставили на «полечке» в пару к другой девочке, и Сева получил шанс бороться за Симино сердце. Правда, Сима строго пресекла всякие обнимашки на диване. Сева же взял над Симой шефство – он выше ее на

полторы головы, и они очень странно смотрятся вместе – Сева выставляет руку, а Сима идет у него под мышкой, как под укрытием.

Один носит портфель, другой – мешок со сменкой. В строгой очередности. Так вот, пока Сима бегала в библиотеку, Даня с Севой куда-то испарились. Вместе с вещами. Севина бабушка прорвалась сквозь охранника и искала внука. Я искала портфель и сменку. Даню не искал никто. Дети нашлись под лестницей на первом этаже, куда им строго-настрого запрещается ходить, поскольку там есть дверь на задний двор и дворник забывает ее закрыть. Ничего не меняется – Васю тоже часто можно было обнаружить под этой лестницей. Даня с Севой дрались Симиным портфелем и ее же сменкой. Лупили друг друга всерьез. Сева превосходил соперника ростом. Даня – габаритами. Или наоборот. Так что битва шла на равных. Вещи отобрали. Пошли домой.

Мамы в «Вотсапе» возбудились и даже перевозбудились. Прошел слух, что надо будет сдавать все рабочие тетради детей со сделанными заданиями на проверку завучу. Брать будут выборочно, у всех – разное. Мамы кинулись заполнять окружающий мир, прописи, тетради по развитию интеллектуальных способностей и совершенствованию речевого развития. И я тоже кинулась – по линейке начертила фигуру из треугольников по образцу. Вообще непохоже. Сима стерла все ластиком и сказала, что сделает сама. Я подумала, что, наверное, мои дети предпочитают делают уроки сами потому, что если я прихожу на помочь, то дело плохо кончается.

Мальчики больше за Симу не дерутся. И не носят портфель со сменкой. Сима потеряла обоих поклонников сразу. Даню снова поставили с ней в пару на ритмике, а бабушка Севы запретила ему драться из-за девочек.

- Пусть они за тебя дерутся, – объявила бабуля любимому внуку.
- С кем? С Даней? – уточнил Сева.
- Почему с Даней? – не поняла бабушка.
- Потому что я дерусь только с Даней. С ним интересно.

Лучше всех. Самый умный. Алло, мы ищем таланты. Бедные дети

К Восьмому марта, объединенному с Двадцать третьим февраля, понадобились таланты.

– Маша, я записала Симу. Она будет талантом. Всего у нас четыре таланта, – объявила мне Светлана Александровна.

– Хорошо, – промямлила я, – а что делать надо?

– Да пусть что хочет, то и делает. Она же талант!

Я подумала про музыку. Сима занимается музыкой, но всего три месяца. В принципе, в четыре руки, с моим участием в качестве аккомпаниатора, мы могли бы достойно выступить. Но дочь сказала, что мальчик из класса уже играет и пианино занято.

– Ну он сыграет, потом мы.

– Нет, мамам нельзя. Они же зрители.

Тогда решили сосредоточиться на балете. Как бы это объяснить. Маленькие балерины в шесть лет не сбивают ногой люстры в батмане, а учатся держать спину, тянуть стопы и колени и делают бесконечные плие на четыре счета. Танцуют на полупальцах, поскольку вставать на пунты еще рано. И все это – строго под музыку, под счет, чтобы слышать начало и конец музыкальной фразы. «Бальницы» (девочки, которые занимаются бальными танцами) и «художницы» (те, кто ходит на художественную гимнастику) выглядят в этом возрасте более эффектно.

Сима сказала, что две девочки из класса будут танцевать «ча-ча-ча», а еще одна выступит с номером по гимнастике. Проблема в том, что между шестилетними девочками, как моя Сима, и восьмилетними – как все остальные выступающие – просто колоссальный разрыв в мастерстве исполнения.

Чтобы выглядеть на сцене достойно, пришлось призывать на помощь лучшие силы. Профессиональная балерина, которая занимается с Симой, поставила ей танец Куколки под «Итальянскую польку» Рахманинова. Она же подключила знакомого профессионального звуковика, который отрезал нужный кусок мелодии и перевел музыкальное сопровождение в стиль музыкальной шкатулки. Я решила, что будем «брать» костюмом, и в профессиональном магазине заказала платье для выступления. Платье было роскошным – с пышной юбкой, расшитое стразами так, что глаза слепило.

Цвета чайной розы. К платью прилагался бант-заколка. Сима, увидев всю эту красоту, согласилась учить танец. За три занятия выучили движения. Никак не удавалось па-де-буре в сторону. Я кричала: «Держи руки! Только сейчас! Плие глубже! Спина! Уже повернулась! Соте! Забыла! Все сначала!»

Через две недели репетиций я была почти спокойна – «бальниц» мы точно переплюнем. Но гимнастка вызывала опасения.

Вася в это же время метался и кричал, что у него кризис – «говорение» по английскому, долги по физике, в футбол на поле играть нельзя и вообще... Я, не дослушав, что имелось в виду под «вообще», честно призналась, что первый класс его сестры меня волнует куда больше подростковой психологии, в которой я ничего не понимаю. Впрочем, в первом классе я тоже ничего не понимаю, но хотя бы пытаюсь. Василий обалдел и сразу остыл. Попросил найти ему секцию, чтобы куда-то девать адреналин. Начали искать секцию.

Тут я, конечно, голосовала за греблю на байдарках – рядом с домом Гребной канал, ребята там высокие, загорелые, накачанные. Но сын сказал, что там мокро.

- Хорошо, а где не мокро?
- Хочу заниматься стрельбой.
- Из чего? Из лука?

Вася состроил гримасу, означавшую крайнюю степень возмущения.

- Из винтовки?
- Ну можно.

Секция нашлась быстро. Школа ДОСААФ. Дело оставалось за малым – поставить в известность отца семейства, который признает только один вид осмысленной стрельбы – биатлон. Все, что связано с лыжами и коньками, папе нравится. А вот наши с Василием «идей» – не очень. Точнее, так: муж уверен, что все самые странные «идей» посещают меня и что Васины метания – это тоже от меня. Наследственность. Тут опять же я бы не стала спорить с мужем. Потому что его любимая теща, моя мама, тоже ходила в секцию стрельбы в юности. И даже метала ножи. В сарае у бабушки в деревне вся дверь была в следах маминых тренировок. Еще она умеет втыкать нож между пальцами – как называется эта странная забава, я не знаю, но выглядит впечатляюще. Маме уже семьдесят, а она растопыривает ладонь и начинает быстро-быстро тыкать ножом между пальцами, чтобы произвести впечатление на внука. В этот момент я стараюсь не думать о том, что она моя мать.

Так вот, про стрельбу. Я как мать и законный представитель поехала записывать сына на секцию. В принципе, я там была не нужна: дети от двенадцати до шестнадцати лет приходили, деловито расписывались в ведомости, шли куда-то, выходили со здоровенными ружьями и направлялись прямиком в тир. Все тихо, спокойно, без суеты. После чего начинали облачаться в форму: здоровенные куртки, ремни, какие-то приспособления на голову. Один мальчик (явно «старенький») гордо ходил одноглазый – левый глаз прикрывала бумажка. Стрелки плюхнулись на коврики и начали устанавливать оптические прицелы.

Естественно, я потопала за детьми в тир – общаться с тренером. Вася делал вид, что со мной незнаком. Тренер мне понравился – судя по выправке, бывший военный. Я даже решила, что непременно офицер. Спокойный.

- Кто? – подошел он ко мне.
- Мать, – отрапортовала я.
- Мать – в угол. Техника безопасности?
- Прочла.

Мне и вправду дали листочек. Там было написано, что я с чем-то ознакомлена – я его подмахнула не глядя. Встала в угол и рассматривала детей. Они мне тоже понравились. Восемь мальчиков, одна девочка. Красотка-блондинка с длиннющими ногами! Молчаливая. Они там все молчаливые. И спокойные, как удавы. У девочки с самооценкой явно все в порядке. Такая сначала пульнет, потом разговаривать будет. Раскидала свои ноги от ушей, волосы стянула резинкой. На ней была куртка с ремешком. Значит, давно занимается. Я догадалась – новенькие просто лежали на коврике и стреляли с подставки. Более опытные были облачены в коричневые куртки, в которые могло поместиться сразу четыре ребенка. Ну а самые крутые и опытные стреляли в бело-голубых куртках, с ремешками и с заклеенным глазом.

Все все понравилось. Вышел спокойный и с блуждающей улыбкой на губах. Наш папа обшутился по поводу того, что у Васи теперь будет гарантированная работа – в ЧОПе. Вася терпел долго, потом выдал:

– ЧОПам запрещено использовать оружие. А вот в Норвегии все стреляют. Национальный вид спорта, можно сказать.

Папа хотел что-то ответить про Норвегию, но Вася так посмотрел на отца, что тот решил остановиться на ЧОПах.

На следующий день после тренировки Василий пошел в школу в джинсах и рубашке.

- У вас что, Мира Петровна заболела? – спросила я спросонья.

Мира Петровна – директор школы. За появление не в школьной форме отрывает голову. За незаплетенные в косы волосы – тоже отрывает голову. Девочки постарше все ходят с резинками на запястье и владеют уникальным навыком – при появлении на горизонте Мирзы Петровны за секунду сделать из распущеных волос аккуратный хвостик. Младшая школа поголовно ходит с аккуратными стрижками и косичками и в школьной форме. Раньше была серая с розовым. Покупали прямо в школе. Мне она нравилась – синтетическая до такой степени, что не нуждалась в гляжке. И была неубиваемая. Правда, лоснилась сильно. Все мальчики ходили со сверкающими от частого елозенья попами и коленями. Особенно коленями – они разбегались и прокатывались на идеально скользящей синтетике по коридору. Теперь в школе – синяя форма. Покупать можно где угодно. Для старшей школы – черные брюки и сдержаный верх. Классические рубашки. Я была благодарна Мире Петровне за дресс-код, потому что одеть подростка трудно – проще застрелиться.

И тут Василий облачился в джинсы, клетчатую рубашку и собрался в школу.

– Не буду больше ходить в форме, – объявил он.

– У нас что, французская революция? Май шестьдесят восьмого года? Мы бунтуем? Какие требования? – немедленно начал шутить отец.

Я пыталась его остановить. В восемь утра Вася не воспринимает шутки, как и я. Мы еще спим. Отца спасло то, что Вася, скорее всего, спал стоя и не слышал того, что говорит отец.

Ну ладно, может, стрельба так действует. Не знаю.

Со стрельбой по-прежнему все непросто. Василий втянулся. Бежит на тренировку. Показал мне, как нужно правильно держать локоть, и гордо сообщил, что стрелял уже в коричневой куртке. С ремешком лежал пять минут. На следующей тренировке будет лежать десять, пока рука не онемеет. И так, прибавляя по пять минут, пока он не сможет пролежать час.

– У тебя кости не деформируются? – забеспокоилась я.

– Некорректный вопрос.

Василий как физик и математик делит вопросы, беседы, претензии и прочие родительские изречения на корректные, некорректные, алогичные, бездоказательные. Это только то, что я запомнила. Но там очень серьезная градация. Поэтому, что бы я ни сказала, Вася отвечает в своей физико-математической манере, что меня, как гуманитария, раздражает ужасно.

– Скорректируй задачу, – настаивает сын, когда я прошу его «заняться сестрой».

– Ложное утверждение, – спокойно констатирует он, когда я кричу, что

ночей не сплю, так за него волнуюсь.

Муж по-прежнему относится скептически к Васиным тренировкам и все еще надеется, что интерес быстро угаснет.

– Какой смысл проводить два часа на бетонном полу в холодном помещении? И почему у нас по всему дому рассыпаны гильзы?

Детям разрешено собирать с пола любые гильзы на память.

Мужа я понять могу – еще буквально месяц назад мы жили спокойно, все у нас было расписано на полгода вперед. Дочка ходила на подготовительные курсы, сын занимался с репетитором английским и по вечерам играл с отцом в шахматы. Теперь дочка учится в первом классе, а сын стреляет. И во всем этом виновата я.

Первый выход в свет. Зато у нас платье красивое

Конечно, я очень нервничала перед концертом по случаю Восьмого марта. Все-таки это первый, так сказать, выход в свет – и дочки, и мой. На нервной почве у меня высыпал герпес на губе, который я замазала чем могла. Так что губы у меня получились надутые, «уточкой», потому что только в таком положении они не болели. А в улыбке уже болели. Я надула губы, накрасилась, нацепила самые узкие джинсы и отправила мужа за цветами.

– А меня пустят? – уточнил муж. – Вроде бы праздник для мам и бабушек.

– А партии кто будет таскать и расставлять? Один папа там точно пригодится.

Зачем ему знать, о чем беспокоятся наши мамы? Оказывается, судя по стихам, дети поздравляли мам мам, то есть бабушек по материнской линии, а мам пап в стихах не было. Родительницы заламывали руки и спрашивали совета: «Что делать, если свекровь решила пойти на праздник внучки, а стихов про свекровей нет?»

Некоторые мамы даже советовали не пускать свекровь на праздник. Весь вечер я читала анекдоты про свекровей и истории из жизни свекровей наших родительниц. Тут я (как потенциальная свекровь) внутренне встала на их защиту – да, не повезло с невестками. Злые какие-то.

Родителям разрешили устроиться на столах вдоль стеночки, детей же усадили на стульчики. Дети читали стихи, пели песни. Сима тоже читала и пела. А я чуть не плакала. Она казалась такой маленькой на общем фоне, будто малышку из детского сада по ошибке привели в первый класс. Впрочем, там были две девочки, которых, казалось, из третьего класса привели в первый. Такие уже вполне девочки-девочки, почти восьмилетки. В этом возрасте разница в месяц уже чувствуется, не то что в год! Дочка их называет «старшие девочки». Они с ней не очень дружат, но я решила не расстраиваться – подождать, пока они увидят наше платье для выступления. Симу задвинули в угол, и она там стояла, пела, показывала руками, как пекут «оладушки у бабушки».

Нет, класс смешной подобрался. Даня – с явными актерскими способностями и харизмой. Он просто стоял и пел, а все покатывались со

смеху. Даня успевал сделать тридцать три движения в секунду: например, состроить рожицу, передразнивая, как поет девочка справа. Очень похоже получилось. Потом он начал приплясывать, дрыгая ногами. Девочка его одергивала, но он делал ей рожки и опять изображал, как она поет. Мама Дани сидела рядом со мной – спокойная дама, немного сонная, как в полудреме. Мне даже показалось, что она уснула. Она не пыталась шикнуть на сына, не кричала ему, чтобы он прекратил кривляться. Не хлопала, не хотела вместе с остальными. Она сидела с одинаковым выражением лица.

– Ну артист! Вицин! Копия! – воскликнула одна из бабушек.

Мать с удивлением посмотрела на собственного сына и снова погрузилась в дремоту. Даня же, чувствуя симпатию публики, продолжал свои комические этюды: упасть, встать, снова упасть, заправить рубашку, вытащить рубашку, сделать умное лицо, неумное лицо, равнодушное, спящее, испуганное, опять умное. Дети на него не обращали никакого внимания, видимо, привыкли. А мамы так уже просто с парт падали от хохота.

Дети должны были еще читать стихи, но Даня продолжал изображать, как печет «оладушки у бабушки». Воображаемые «оладушки» у него падали на пол, летели в потолок, обжигали руки, падали на голову девочке-соседке. Наша Сандровна, умиленно глядя на поющих детишек, наконец обратила внимание на надрывающихся от смеха родительниц. И немедленно догадалась о причине.

– Даня, во второй ряд! – скомандовала она.

Лучше бы она этого не делала.

Мальчик, повесив голову, пошел во второй ряд, и дети начали читать стихи по цепочке. Даня подпрыгивал на месте, выглядывал из-за плеч одноклассников и уже чуть ли не брейк-данс за спинами танцевал. Мамы тоже тянули шеи, чтобы получше разглядеть Данины экспромты.

Посередине стояли Кира и Саша. Самые высокие в классе. Кира – это мальчик Кирилл, а Саша, напомню, – девочка. Саша отлично читала – прекрасная дикция. Она была ведущей концерта. «Старшие девочки» от Кирьи моргали и стреляли глазками. Тот делал вид, что равнодушен. Но когда он вышел в коридор, беготня затихла и замедлилась. Явный авторитет. Вид у него был колоритный: бритые виски и торчащий ирокез. Челка длинная и сваливалась на одну сторону. Так сейчас стригутся девочки – выбивают над ухом часть, оставляя сверху длинные волосы. Представьте себе такого мальчика-первоклассника. Да я сама в диванчик вжалась от смущения, когда его увидела. На Симу внешность одноклассника никак не

действовала – она ему что-то лопотала про то, что будут шарики. И она хочет сразу два.

– Будет, – пообещал Кира, – я тебе свой отдам.

– Ты дашь мне свой шарик? – восторженно уточнила Сима.

– Отдам. Мне не нужен.

– Я не возьму – тебе тоже шарик нужен. Даже мальчики шарики любят. Вот моему брату уже шестнадцать, а ему нравится со мной мультики смотреть.

– Правда? – обрадовался мальчик.

– Конечно! Я возьму два и один отдам тебе. Ты какого цвета хочешь?

Мальчик опешил. Видимо, он так привык, что его все считали взрослым и серьезным и что он уже не должен хотеть шариков и шоколадных яиц, что совершенно разомлел. Вдруг появилась девочка, которая сказала ему, что хотеть шарики – это нормально, а не признак размазни, малышни и слабости.

В этот момент на Симу мчался на всех парах еще один одноклассник и точно не затормозил бы, если бы не вмешательство Киры. Он загородил собой Симу. «Старшие девочки» дружно состроили гримасы.

На празднике был момент, когда мальчики должны были вручить подарки девочкам – блокнотики для секретов и ручки. Блокноты были вполне себе девочковые – розовые, в цветочек, а ручки – самые обычные. Так вот, Сима отдала ручку Кире. Тот опять обалдел, но подарок принял. Остальные мальчики как по команде стали просить ручки назад, но девочки уперлись и не давали. Назревал скандал. Однако тут объявили новую песню, и все пошли петь про «папа может», отдавая дань Двадцать третьему февраля.

Слева от меня сидела бабушка. Ну такая классическая бабушка-бабушка – божий одуванчик. В блузке с брошкой. Маленькая, худенькая, с перстнями на пальцах. И, конечно, с крошечной сумочкой. Бабушка вцепилась в нее и терзала платочек. Я на бабушку налюбоваться не могла. Она была удивительной красавицей. Из другого века. Ее можно было девочкам показывать и рассказывать, как нужно держать голову, спину, терзать платочек. И как правильно носить брошь.

Но бабушке стало явно нехорошо. Я уж было подумала, что она носит корсет, и начала беспокоиться.

– Хотите водички, простите, не знаю, как к вам обратиться, мы друг другу не представлены, – прошептала я. Бабушка посмотрела на меня с таким восторгом, будто я предложила ей нюхательную соль.

– Наталья Ивановна, – прошептала в ответ бабушка.

Тут уже я должна была попросить нюхательную соль, потому как эту прекрасную женщину должны были звать как угодно, но не Натальей Ивановной. Скорее, Элеонорой Эдуардовной или Октябриной Леопольдовной.

– Кирилл, мой внук, – бабушка кивнула на шеренгу детей, – вы верите в генетику? – с некоторым ужасом и надеждой спросила она.

– Безусловно, – призналась я.

– Я тоже раньше верила, а сейчас уже нет. Кирилл совершенно, совершенно, абсолютно не пошел в наш род. Просто удивительно. Я его двоюродная бабушка со стороны отца. Кстати, вижу его впервые с момента крещения. И, надо признать, испытываю легкое потрясение.

Бабушка еще раз посмотрела на внука даже не с испугом, а с явно выраженным страхом. Еще она внимательно разглядывала остальных мальчиков, думая, видимо, что внука ей подменили или указали на другого ребенка.

– Кирилл? Он заступился за мою dochь. У него очень добрые и умные глаза. Он настоящий... мальчик.

– Боюсь, это единственное, что досталось бедному ребенку от нашего рода. – Наталья Ивановна снова затеребила платочек. – Как вы думаете, а потом, со временем... может проявиться?

– У меня сын увлекается физикой и математикой. Мы с мужем – гуманитарии. Сын пошел в бабушку.

– Это вселяет надежду. Определенно, – Наталья Ивановна кивнула, – вы говорите мне правду?

– Абсолютную.

– Но как же его... вид. Меня он пугает. Его дед не был таким... брутальным... и высоким. В кого пошел мальчик? И зачем они сделали ему такую стрижку? Ума не приложу. Разве это модно?

– Еще многое изменится. И стрижка тоже. У меня сын ходил с длинными локонами, а теперь стрижется под «ежик».

– Локоны... у моего мужа тоже были локоны, когда мы с ним познакомились. Потом облысел, правда.

– А сейчас будут сольные номера! – объявила Светлана Александровна. – Участники могут идти переодеваться.

Я подскочила – настал наш звездный час. Мы с Симой выскочили в рекреацию. Вместе с нами – еще четыре девочки и один мальчик. Ванечка.

– Ваня, а ты что будешь делать? Ты с мамой? Или с бабушкой? – поинтересовалась одна из родительниц, которая, видимо, знала ребенка.

– Я должен был играть, – ответил спокойно Ванечка, – пока вы переодеваетесь. Синтезатор принесли, а стул забыли. Мама поехала за стулом. Не успеет.

– А обычный стул не подойдет? – удивилась родительница.

– Нет, – степенно ответил Ванечка. – Да я вообще-то играть не хотел.

Он деловито съел булку, сидя на диване, где переодевались девочки, запил соком, который шел в подарке девочкам к Восьмому марта, и поглядывал на шоколадное яйцо.

– Ешь, только игрушку мне отдай, – разрешила Сима.

Ванечка, отпоздничав, пошел в класс, сел на стульчик и разве что не вздрогнул. Разбудила его собственная мама, которая влетела в класс со стулом наперевес. Банкетка была профессиональной, с регулируемым сиденьем. Мама установила сиденье, подкрутила и придинула Ванечку к синтезатору. Мальчик с тяжким вздохом отыграл незабвенных «Ежиков» Кабалевского. Только «Ежики» у него получились грустные-грустные.

Мой расчет оказался верным – Симино платье ввергло девочек в ступор.

– Мама, смотри, какое у Симы платье! – закричала одна из «бальниц».

Поскольку никто из родильниц не знал ни меня, ни новенькую девочку, то у мамы тоже случился ступор. Что это за ребенок, которого не было полгода? Что это за мама такая?

Вторая «бальница» занервничала и сказала, что и им платье нужно было брать другое. Не репетиционное, а для выступлений.

– Зато у тебя туфли на каблуках, – нашлась мама второй «бальницы».

Это был запрещенный прием. Тут Сима посмотрела на туфли девочек и расстроилась – у нее же были обычные балетки, а у них – золотые туфли на маленьком каблучке. Как у взрослых.

– Сима, ты балерина! А балет всех победит! – сказала я.

Гимнастка сидела на дальнем диванчике и не оценивала ни платье, ни обувь. Это меня еще больше насторожило.

После «бальниц», которые оттоптали свое «ча-ча-ча», пошли мы. Сима была нежной куколкой и растрогала всех родительниц. Они ей бурно аплодировали. Бабушка Кирры даже пустила слезу умиления. Сима только один раз сбилась со счета, но в целом все было очень, очень мило.

Следом должна была выступать «художница» Анфиса. И мои опасения оправдались. Эта девочка была профессионалкой с немалым опытом выступлений. Творила такое, что я сидела с раскрытым ртом. Программа была явно старая, выученная, отработанная. Девочка, конечно, порвала всех, что уж говорить.

Сима возвращалась домой задумчивая.

– Зачем мне балет, если я *так* не умею? – чуть не плакала она.

– Зато у тебя платье лучше, – успокаивала я ее.

– Но я танцевала хуже!

– Сима, на следующий год ты станцуешь так, как *никто* не сумеет.

Между прочим, даже гимнастки занимаются хореографией.

Наш папа, совершенно счастливый, нес пакеты с костюмом и подарками. И он не слышал нашего с дочкой разговора.

– Все как с Васей, – сказал он.

– Это же счастье, что мы до сих пор ходим с шариками по улице, – заметила я.

Новые горизонты. Что делать, если балерина решила стать ватерполисткой?

Дома дочь объявила, что балетом заниматься больше не будет.

– Как это?

– Не хочу.

– А чем ты будешь заниматься? – осторожно поинтересовалась я.

– Я хочу... прыгать на батуте, делать стойку и подтягиваться. Еще хочу как в цирке – прыгать и в воздухе переворачиваться.

– Это называется «спортивная гимнастика», кажется.

Секция нашлась буквально рядом. Поехали на пробное занятие. Тренеры – молодые парни. В группе – одни мальчишки. Сима объявила, что вот сюда-то она и будет ходить.

Они не только прыгали на батуте, делая сальто в мягкие кубики. Они еще стояли в планке на кулаках, отжимались по двадцать раз, качали спину по тридцать раз, делали нескончаемое количество кувыроков. Меня подкосила «серия по пять» – дети стоят в планке, а тренер командует: «Локти, кулаки, ладошки, локти». Почему «по пять» – я так и не поняла, но выглядит это впечатляюще. А на Симу неизгладимое впечатление произвела «шведская стенка». Самая обычная. Выяснилось, что у них в школе ее нет. Дети забираются на стенку и качают пресс, поднимая ноги под углом девяносто градусов. Двадцать раз.

– Надо как-то сообщить папе, – сказала я Симе, которая объявила, что без «шведской стенки» жить не сможет.

Послала эсэмэс-сообщение: «Сима променяла балет на спортивную гимнастику. Были на пробной тренировке».

Муж перезвонил тут же. Поскольку у него, как и у меня, богатое воображение, он тут же представил себе спортивную гимнастку. Видимо, в подсознании у него осталась олимпийская чемпионка Симона Байлз. Он немедленно решил, что у Симы укоротятся ноги, она станет накачанной и прыгучей, как мячик. И еще уменьшится в росте. Пришлось напомнить про Светлану Хоркину, у которой вполне себе длинные прекрасные ноги. Но муж был в шоке. Если честно, я тоже. Но Симе нравилось тренироваться наравне с мальчиками. Она слушалась тренера Володю так, как не слушалась прекрасную балерину Иру. Володя не делал ей скидок: Сима стояла в «планке» и качала пресс. «Тачка» – когда ты идешь на руках, а

партнер держит тебя за ноги, – вообще стала любимым упражнением.

Но удары судьбы на этом не закончились. Сима объявила, что музыкой она заниматься тоже больше не будет. Мои мечты о нежной Жизели, которая музицирует по вечерам и говорит по-французски, рушились за какую-то неделю.

– Может, ты просто будешь петь? Хочешь заниматься вокалом? – не оставляла я робких попыток.

– Петь? А, это я и так умею, – отмахнулась дочь.

Если Васе достался абсолютный слух, то на Симе природа в этом смысле отдохнула. Она гудит на одной ноте и считает, что прекрасно поет. Ей что «до», что «фа» – одинаково. Ритм, правда, чувствует, но это, я считаю, – заслуга хореографии, где они все делали под счет.

– А что вместо музыки? – с тихим ужасом спросила я.

– Плавание. Хочу заниматься плаванием.

– Синхронным? – с тайной надеждой уточнила я. Ведь у синхронисток тоже есть хореография.

– Нет, нормальным плаванием, спортивным.

Нашла бассейн и тренера. Естественно, нам достался мужчина. Естественно, в группе – одни мальчишки. Пошли на пробное занятие. Симе все очень понравилось. И тренер, и группа. Тренер, кстати, заслуженный и вообще-то ватерполист. Сказал, что, если все будет хорошо, Симу переведут в группу по водному поло. Тем более что есть пресс, ни грамма жира – одни мышцы.

– Надо как-то сообщить папе, – пробормотала я.

Послала эсэмэс-сообщение: «Вместо музыки ездили на плавание. Музыку бросили, на плавание ходить будем».

Муж перезвонил немедленно. Он был в шоке. Снова воображение разыгралось. Он представил себе Майкла Фелпса и решил, что у Симы будут такие же плечи, как у него, такие же руки-ласты и ноги – тоже ласты. Когда я себе это вообразила, мне тоже поплохело.

Симу родительские чувства не волновали. Ей нравилось плавать кролем, брассом, нырять на дно бассейна за кольцами. Она мечтала о водном поло – перед занятием ее группы была тренировка мальчишеватерполистов.

Единственное, что она никак не научится делать, – стартовать. Нырять рыбкой. Из-за гимнастики она, как привыкла, делает группировку и крутит сальто в воздухе. Когда тренер это увидел в первый раз, ему стало как-то нехорошо. Он привык, что дети плюхаются животом, но никак не ожидал

увидеть сальто.

Симе занятия пошли на пользу. Она окрепла и научилась падать. Умело группируется. У нее появились кубики на животе, бицепсы и трицепсы. Плюс – ноги пловчихи. Накачанные, проработанные. Ровная сильная спина. Она перестала болеть, тьфу-тьфу. Потому что в нашем бассейне температура воды все время ниже положенной. И самое главное. В школе ее стали брать в команду мальчики. Физрук Сан Саныч увлекся прогрессивной методикой – назначал кого-нибудь одного капитаном, а тот набирал себе команду. По одному человеку. И раньше Симу всегда брали в последнюю очередь. Но тут случилось удивительное: ее стали выбирать первой, даже раньше мальчиков. К тому же она завоевала репутацию чуть ли не талисмана – если Сима была в команде, то они непременно победят. С ней стали дружить все мальчишки в классе.

Про отбор в команду я очень хорошо все помню. У нас в осетинской школе были смотры военной песни. Ответственным за подготовку был опять же Аслан Теймуразович. Мы пели «Орлята учатся летать». Но прежде чем затянуть песню, требовалось промаршировать по актовому залу, перестроиться в шеренгу по двое и вернуться. Меня поставили в начале шеренги с краю, который ближе к зрителям. И именно я должна была повернуть голову направо. Проблема образовалась там, где не ждали. Я не умела шагать. То есть в обычной жизни умела, а в строю начиналась дискоординация – правая рука шла вместе с правой ногой, а левая – с левой. Аслан Теймуразович рвал на себе волосы. Поскольку волос у него на голове не было, он изображал, как их рвет. Он даже пожаловался бабушке, которая тоже страшно удивилась – как это так? Внучка не умеет маршировать? Да как она жить будет? Бабушка устроила мне во дворе дома плац и начала строевую подготовку: учila шагать, поворачиваться, разворачиваться, перестраиваться. Она показывала, как нужно делать, и я восхищалась – бабушка маршировала отлично. И носок тянула. И нога взлетала ровно под девяносто градусов. По команде «смирно» бабуля замирала так, что закачаешься. А как бабушка поворачивала голову – одним подбородком можно было любоваться.

На помощь была призвана моя верная подружка Фатимка, которая маршировала так, будто танцует. Она держала спину, успевая и паузу выдержать, и ногу задрать таким образом, что ее можно было сразу в почетный караул к мавзолею Ленина отправлять. Бабушка с Фатимкой гоняли меня по двору, и кое-как я научиласьправляться с руками-ногами. Но выучить перестроение в две шеренги никак не могла. Хоть тресни.

Бабушка меня уже чем только не трескала – и полотенцем, и тапкой, – все было без толку. Если ты второй, то делаешь шаг назад левой ногой, шаг в сторону правой и приставляешь. Я все норовила задрать колени, а колени в смотрах задирать как раз нельзя категорически. Не давался мне и пропуск – если нужно было выпустить кого-то из второго ряда, то тот, кто стоит в первом, должен сделать шаг вперед и уйти влево. Песню тоже нужно было петь не как песню, а как речитатив. Никто слов не понимал, но все пели с жутким осетинским акцентом: «Арлата учаца лэтат. Им салутуэт шум прэбойя, глазах йих нэба галабоэ».

– Что мне дэлат? Скажи! – Аслан Теймуразович хлопал себя по лысой макушке.

– Не знаю, – чуть не плакала я.

– Ходит не можэш, ноги дэлат нэ можэш, пэт не можэш! Пэрвый-второй щитась не можэш! Что ты можэш? Скажи!

Да, на первый-второй я тоже никак не могла рассчитаться, куда бы несчастный Аслан Теймуразович меня ни ставил. Я задумывалась и путалась. Учитель непременно хотел победить в смотре, причем рассчитывал на городской уровень, поэтому задумал рассчитываться не только на первый-второй, но и на первый-второй-третий. И высший пилотаж, недостижимое мастерство – «на месте, три, шесть». Вот никто не знает, что такое «на месте, три, шесть», а я знаю. Принцип тот же – идет расчет: первый, соответственно, – на месте, второй – делает три шага вперед, третий – шесть шагов. И назад в том же порядке. Ну и я то дергалась вперед, когда должна была стоять на месте, то шагала на шесть шагов вместо трех. Да что говорить – я не всегда могла выполнить команду «кругом». Вечно про нужное плечо забывала.

Бабушка – почетная участница всех парадов в честь Дня Победы – очень расстраивалась, что у нее такая нерадивая внучка. Аслан Теймуразович не хотел расстраивать бабушку и исключать меня из участия в смотре. Поэтому придумал коронный ход, благодаря которому мы победили даже на городском смотре. Он выдал мне знамя, которое я несла впереди строя. Руки у меня были заняты, так что не нужно было думать, где право, где лево. Пока все остальные исполняли перестроения, я стояла со знаменем в стороне. А когда все пели про орлят, я размахивала знаменем.

На волне успеха Аслан Теймуразович проявил режиссерский талант и на следующем смотре дополнил постановку – пока все маршировали, я сидела и выкладывала из щепок костер, складывая сверху красные лоскутки, которые символизировали костер в землянке. Фатимка носилась

туда-сюда со знаменем, что символизировало победу. Но на очередном смотре идеи Аслана Теймуразовича были признаны слишком новаторскими, и костер запретили.

Сбор «маскулатуры». Настоящее и прошлое

– В школу нужно принести старые журналы и эти... как его... не помню, – объявила Сима.

– На что похожи «эти как его»? – уточнила я.

– Ну внизу около лифта лежат никому не нужные целой пачкой.

– Газеты, что ли?

– Да, учительница говорила, что газеты.

– Сима, вы должны в классе показать, какие были раньше журналы и газеты? – присоединился к разговору мой муж и тут же полез в шкаф. Там, на отдельной полке, у него лежат «Веселые картинки» 1960-х годов, старые экземпляры «Мурзилки» и раритетные образцы периодических изданий, привезенные из разных стран и трепетно хранимые.

– Я с тобой пойду, покажем детям, и я сразу унесу все домой, – объявил муж. – Маша, журналы надо во что-то обернуть, каждую страницу желательно.

– Папа, мы должны их в школе оставить, – сказала Сима, – сдать.

– Как это? Зачем? Маша, что в школе? Выставка? Тогда эти издания лучше поместить под стекло. Это, конечно, прекрасно, что детей приучают изучать историю, но букинистические издания... Дети все равно не поймут.

– Сима, пойдем у Васи журналы попросим, – сказала я, поскольку муж вцепился в свою бесценную коллекцию и прижал ее к груди.

– У меня ничего нет, я занят, – объявил Василий.

– Вась, у тебя же были старые журналы про насекомых.

– Не дам. Сима у меня и так все забрала. Даже рыцарей моих забрала, когда была маленькой. А ты разрешила, хотя это была моя коллекция.

Василий закрыл шкаф своей широкой спиной. Весь в отца.

– Васюш, тебе уже вроде бы не семь лет... – удивилась я.

– Детская травма дает о себе знать до сих пор, – объявил он.

– Симочка, ну давай твои старые журналы про принцесс отдадим. Ты же их все равно уже не читаешь, – предложила я.

– Не дам. Нам сказали ненужные сдать. А они все нужные, – насупилась дочь.

– Скажи, а зачем обязательно сдавать? Вам ничего не объяснили? – Я начала подозревать, что это не конец истории.

– Объяснили. Вся школа участвует. И кто принесет больше, тому что-то дадут. Но я не знаю, что. И нужно еще нитки, твои, из которых ты украшения делаешь. Чтобы перевязать ненужные эти, как там... – Сима вытащила бечевку.

– Не дам, бечевка мне нужна.

Сима пошла рыдать, а я наконец начала соображать. Газеты, бечевка, вся школа участвует, что-то дадут. Ну конечно, это же сбор макулатуры!

– Сима, а у вас что, опять макулатуру стали собирать? – забежала я в комнату дочери.

– Я тебе сто раз уже все объяснила! Да, мускулатуру.

– Макулатуру. Это раньше такая... традиция была. Еще металлом собирали. Всякие чайники ненужные. А тому классу, кто больше собрал, первое место присуждали.

– А что давали?

– За макулатуру книги давали.

– Так в библиотеке много книг и можно любую взять. И у нас много книг. А что давали за металлом?

– Не помню. Первое место. И вымпел.

Сима открыла рот, чтобы спросить, что такое вымпел, но я уже убежала собирать макулатуру.

На первом этаже ничего не было – все рекламные листки и бесплатные газеты объявлений исчезли.

– Выбросила. Надоело. – Консьержка тетя Алла была неумолима.

– Нам макулатура срочно нужна. В школы вернули сборы. По соседям, что ли, пройти?

Я зашла к трем соседям. Вы представляете, как на меня смотрели, когда я кричала в дверь: «Это ваша соседка, Маша, у вас нет старых газет?»

Соседка Настя уточнила: «Селедку, что ли, чистить?» Сосед Виктор решил, что я буду есть воблу. А соседка Марья Константиновна, к которой меня отправила консьержка как к единственной подписчице в подъезде (приносят аж три газеты!), перепугалась насмерть.

– Маша, а что, уже нельзя подписываться? Проверяют подписку? А какие издания запрещены? У меня только про сад и огород. Лучше сожгу, но не дам, у тебя дети, вдруг неприятности будут? А кому велели сдавать? Всем?

– Детям, первоклашкам.

– Ох...

– Марья Константиновна, это сбор макулатуры, помните, как раньше было, – попыталась успокоить ее я, но соседка не поверила.

Когда я вернулась домой без единого листочка, муж уже собрал стопку – в нее попали мои журналы «Искусство кино», моя же книжка «Тайна имени», которой я зачитывалась во время двух беременностей, выбирая имена детям, и его журналы про какое-то крестьяноведение. Я, естественно, раскричалась, что мои журналы нельзя сдавать в макулатуру, а эта книжка мне дорога как память, как первые туфельки дочки и первая шапочка сына. Василий немедленно заинтересовался крестьяноведением – у него вообще очень разнообразные интересы – и утащил журналы к себе в комнату.

– Все вносить, ничего не выносить, – пошутила я. – Дорогие мои, а что мы будем сдавать-то?

Сима приготовилась к сокрушительным рыданиям, набрала в легкие побольше воздуха, но тут пришла консьержка тетя Алла.

– Вот, держите, я в салон сбегала. Журналы у них забрала. – Она свалила на пол пачку журналов про лазерные технологии омоложения, интервью, как сохранить красоту после сорока и какие нынче брови модно носить.

Сима придиরчиво рассмотрела все журналы и не нашла для себя ничего интересного. Я, впрочем, заинтересовалась бровями.

– Так, завтра перед первым уроком свяжем пачку и сдадим, – сказала я мужу.

– И я это должен сдавать? Что обо мне подумают? А что подумают о тебе? – ахнул муж.

– Скажи спасибо, что мы пока не собираем металлолом. Вот ты что в детстве на металлолом сдал?

– Мамин любимый половник. Она меня чуть не убила. На неделю без футбола оставила.

– А я сдала бабушкин парадный мельхиоровый набор: чайник с сахарницей и чашки. Меня убили два раза. Сначала отпустили полотенцем, потом я еще неделю перебирала фасоль. Так что неси, спасешь дерево!

Это я еще не рассказала мужу, как сдала в макулатуру часть тиража свежей бабушкиной газеты. Поскольку все знали, что я внучка главного редактора, мне разрешалось беспрепятственно заходить куда вздумается, в том числе в типографию. Когда в школе объявили сбор макулатуры, я аж подпрыгнула от счастья. Наконец я смогу принести хоть какую-то пользу школе, а то вечно от меня одни неприятности. Недолго думая, я отправилась в типографию, где печатался свежий номер. Бабушка сидела там же и следила за горячим набором. Рядом стояли перемотанные

бечевкой стопки газеты. Я приподняла один и еще больше обрадовалась – с таким весом победа нашему классу обеспечена. Но самостоятельно дотащить стопку до школы я не могла, поэтому пошла на футбольное поле, где старшие мальчишки играли в подобие футбола под присмотром Аслана Теймуразовича.

– Мне нужны два мальчика, – сообщила я физруку.

– Слушай, можэт, ты мяч хочэш? Возьми мяч! Зачем тебе мальчики? – удивился Аслан Теймуразович.

– Нет, мне мальчики нужны.

– А что ты с ними дэлат будэш?

– Возьму, а потом верну.

– Чего у меня только не прасыли. Мяч прасыли, гантеля прасыли, сетка прасыли, мальчиков никто не прасыл.

– Мне в типографию надо.

– Аааа, так бы сразу и сказала. Беры любых!

Я выбрала Тимура и Алика – самых крепких.

– С нэй пойдете. Она вас вэрнет потом, – велел им Аслан Теймуразович.

Тимур и Алик покорно пошли за мной в типографию и так же молча начали перетаскивать стопки свежего номера на школьный двор. Мы сделали две ходки, и я решила, что хватит. Мальчишки вернулись к игре, а я побежала к Фатимке с объявлением, что завтра мы обязательно победим в соревновании по сбору макулатуры.

Бабушка не вернулась вовремя с работы, что меня совсем не удивило – она никогда вовремя не возвращалась. Так что я, мечтая о завтрашней всенепременной победе, легла спать рано совершенно счастливая, чтобы побыстрее наступило утро.

– Уже утро? – спросила я, когда бабушка трясла меня за плечо.

– Где? – бабушка сидела надо мной с выпученными глазами.

– Что – где? – спросонья не поняла я.

– Номер где? – закричала бабушка.

В комнате по стойке «смирно» стояли Тимур с Аликом. За их спинами прыгал Аслан Теймуразович. Почему прыгал? Потому что природа так посмеялась над физруком, что ни одному мужчине не пожелаешь. Аслан Теймуразович ростом был метр пятьдесят с небольшим. Ну метр пятьдесят два, три. Ну как может быть физрук ростом метр пятьдесят три? Не может. А Аслан Теймуразович мог. Когда кто-то из учеников не мог выполнить нормативы, физрук страшно злился и кричал: «Это я нэ магу! А дэлаю!» И вправду – Аслан Теймуразович и метал, и прыгал, и бегал. Но лучше всего

прыгал. Он вообще все время прыгал. Стоять спокойно не умел. Или это с детства у него привычка образовалась – чтобы увидеть, нужно было подпрыгнуть.

– Тебя видели в типографии, эти два идиота отнесли тираж на двор школы! – кричала бабушка. – У меня два вопроса: где тираж и какого... он тебе дался?

В типографии никто не обратил внимания на парней, которые таскали газеты, – всегда кто-нибудь из мальчишек помогал выносить тираж. Рано утром, когда жители села не нашли в своих почтовых ящиках свежий номер местной газеты, все пришли к нам домой. У кого еще спрашивать, что случилось, если не у главного редактора? Бабушка, еще в ночной рубашке, не понимала, что происходит, – все вчера было по графику, номер сдали вовремя. А утром нет газеты. То есть у кого-то есть, а у кого-то нет. И понять, по какому признаку разделение, невозможно. И что все это значит – тоже непонятно, а потому очень беспокойно. Ну с чем бы это сравнить? Вот вы заходите в ванную и автоматически, с закрытыми глазами берете зубную щетку, а щетки там нет. И вы прекрасно помните, что вчера щетка еще была, а сегодня ее нет. Или как сковорода для пирогов. Вчера тут стояла, а сегодня нет. И как готовить пироги? В другой сковороде? Да невозможно! Нельзя в другой! Можно только в этой! А этой нет. Бабушку же за отсутствие тиража могли и с должности снять. Да и в тюрьму посадить.

Утром бабушка в ночнушке бегала по всему селу, выясняя, у кого есть газета, а у кого нет. И, естественно, добежала до Аслана Теймуразовича, который послал ее к Тимуру и Алику. Те признались, что выносили, относили, на школьный двор приносили, а потом ушли.

Они же не знали, что я газеты прикрыла шифером, оставленным там еще с прошлого лета для ремонта крыши, и пленкой для парника сверху прикрыла, чтобы сюрприз получился уж наверняка. По моим расчетам, у всех будет один вес, а тут я открою тайник, и у нашего класса тут же будет перевес.

Вместо вымпела и грамоты я получила по попе крапивой. Спасибо, что молодой, но все равно больно. И все утро бегала по селу, разнося газету. Бабушка еще всем соседям запретила меня кормить, поэтому я бегала натощак, хлебая воду из колонки. Бабушка сидела на школьном дворе и лично следила за «отгрузкой». Когда я возвращалась, чтобы взять очередную партию, бабушка неизменно причитала:

– Как ты могла? Как у тебя рука поднялась? Оставить людей без прессы? Отправлю тебя к матери в Москву. Какой позор! Внука главного редактора отправляет номер на макулатуру! Что обо мне люди подумают?

Бабушка даже позвонила в Москву моей маме, чтобы сообщить о «несмыываемом позоре». Этот разговор на почте, конечно же, слышали и пересказывали почти все.

– Ой, перестань кричать. Газета живет один день, – не поняла возмущения мама.

– Живет! Пусть один день, но живет! – кричала бабушка в трубку.

– Ну кому нужны ваши местечковые новости?

– Мы газета районного масштаба! Районного! – Бабушка кипела от возмущения. – Ты должна поговорить с ней!

Меня впихнули в душную телефонную будку. Трубка была мокрая.

– Манечка, скажи бабушке, что я ей пришлю переводом деньги на комбикорм.

– Нам не надо.

– Я знаю. Пусть раздаст недовольным читателям. В качестве возмещения морального ущерба.

– А? Скажи по-осетински, мам, я не понимаю.

– О господи! Внучка главного редактора плохо понимает по-русски. Все, я вешаю трубку.

Бабушка прививала мне уважение к профессии насильтвенными методами. До школы я по утрам работала на почте – разносила газеты и письма.

Родительские амбиции, или Адронный коллайдер в квартире

В школах прошли родительские собрания. Мамы и папы детей, которые сдаают в этом году ОГЭ (так теперь называются ГИА – экзамены после девятого класса) и ЕГЭ, собрались чуть ли не в полном составе.

Василий сдает ОГЭ, и, если честно, я поддалась массовой истерии. Нужен срочно репетитор по русскому, иначе не сдаст. Я смотрела тесты – не сдала бы. Нужно следить на специальных сайтах за новостями и обновлениями. Никаких внеканикулярных поездок. В классе паника, особенно у мам девочек.

– А можно перевестись на другое направление? Тогда какие экзамены нужно сдавать?

Подросткам по четырнадцать-пятнадцать лет. Еще вчера они хотели стать физиками, а сегодня передумали. Это ведь нормально. Я вообще в этом возрасте хотела стать музыкальным работником в детском саду. Но современная школа предполагает раннюю специализацию – или ты ботаник-химик, или физик-математик, или гуманитарий, что, конечно, совсем плохо и не престижно. Всех троекников, хоккеистов, футболистов и танцоров, которые не потянут учебу в вузе или уже заточены на профессиональную карьеру, отправляют на социально-экономическое отделение. Считается, что там вообще можно не учиться.

Многие родители настроены на перевод детей после девятого класса в специализированные гимназии и школы при институтах и сидят с видом «мой ребенок – гений, а ваша школа ему не соответствует». Некоторые уже ходят на подготовительные курсы и весной будут сдавать плюс к четырем обязательным экзаменам ОГЭ дополнительные – в спецкрутую мегашколу из первой десятки рейтинга. Что будет с детьми – я даже представить боюсь.

У меня тоже был такой период. Я мечтала, чтобы мой сын учился в знаменитой школе, где преподают лучшие педагоги Москвы, где учатся дети известных родителей. Мечтала дать ему то, чего не было у меня.

Детские комплексы живут долго. Я хотела, чтобы мой сын с гордостью говорил, что окончил такую-то школу и учился у такого-то педагога. Мы с мужем подняли на ноги половину знакомых и записали сына – на тот момент четвероклассника – на подготовительные курсы. Познакомились с

директором и учителями, я возила сонного и дурного от перегрузок ребенка на дополнительные занятия и вместе с ним готовилась к экзаменам. Света белого не видела.

Другие мамы мне завидовали – я ведь была знакома с директором. Я стала нервной и раздражительной – завидовала другим мамам, у которых в этой школе учились старшие дети и поэтому они имели преимущество. Они знали самых важных учителей и поэтому первыми обо всем узнавали. Я даже с ними начала дружить, чтобы тоже все узнавать первой. Изводила мужа, чтобы он кому-то позвонил, попросил, договорился, подстелил соломку.

Где-то к зиме у Васи начались тики. Он тряс головой. Один мальчик из его группы часто моргал глазками, девочка расковыривала заусенцы на пальцах до крови. Она была победительницей всех мыслимых олимпиад, и у нее всегда была идеальная коса.

К экзаменам уже у меня начал дергаться глаз. Василий прилично сдал математику, написал диктант. Оставил английский, за который я вообще не волновалась. И Вася его завалил с треском. Там даже двойки не было. Я не посмела идти к директору и включать связи. Запихивать правдами и неправдами. Мне было стыдно. Не сдал – значит, не сдал. На это у меня хватило мозгов.

Только недавно я узнала, что Вася специально завалил тот английский. Он не хотел переходить в ту школу, но боялся мне об этом сказать.

А теперь говорит:

– Мам, не волнуйся, все будет нормально. Только не вмешивайся. Если мне нужен будет репетитор, я тебе скажу. Если я захочу перейти в другую школу, я тебе скажу. Обещаю. Только не заставляй меня.

На собрании я сидела за одной партой с мамой Димы – Вася с ним дружит.

– Дима хочет перевестись на другой профиль, – сообщил мне Василий, – ему надоела физика. Он хочет заниматься химией, но не может – там ведь только те, кто хочет в медицинский поступать. Он не знает, что делать.

– А его мама об этом знает?

– Ты что? Он не может ей сказать! Она же расстроится! Только не говори ей!

– И что он будет делать?

– Не знаю. Наверное, останется на нашем профиле. Правда, у него с геометрией не очень. Наверное, репетитора наймут.

И я опять вспомнила про Васину одноклассницу Лизу, которая часто

ломала ноги и руки. Девочка была с незаурядными математическими способностями. Но сейчас она учится в гуманитарном классе. Так решили родители. За Лизу они давно все решили – куда будет поступать, как поступать, каких людей подключать.

Счастье, что дети еще верят в собственные силы и в то, что можно чего-то добиться, если очень захочет. Они верят в олимпиады, которые позволяют им войти в какой-то рейтинг. Они сами находят эти олимпиады и в них участвуют. Но они боятся сказать родителям о своих желаниях.

Еще один Васин друг, Сашка, футболист, в четырнадцать лет понял, что не сделает профессиональную карьеру. Подавал большие надежды, но сгорел. У него зрение минус четыре, и ему до смерти надоело играть в футбол. Однако родители уже построили ему жизнь под эту профессию и слышать не хотят о том, что он уже наигрался. Они подделывают ему медицинские справки, и он ездит на сборы. Этот мальчик хочет писать статьи про футбол, мечтает стать журналистом, но родители об этом, естественно, не знают.

Есть столько форумов про ЕГЭ, ОГЭ, за которыми нужно следить, изучать и бегом покупать новейшие учебники с вариантами решений. Но нет форума, на котором родители узнали бы об истинных желаниях детей. Я не могу сказать маме Димы, что он хочет перевестись на химический профиль, хотя бы попробовать. Не могу сказать маме Сашки, что он тайком пишет роман про футбол. Не могу, потому что это – страшная тайна. И мне остается только надеяться на то, что мой сын найдет в себе смелость сказать мне о своих желаниях. Я мечтаю, чтобы Вася стал физиком, поступил в МФТИ – и он об этом знает. Но скажет ли он мне о том, что вдруг решил стать лингвистом, медиком или криптологом? Да хоть актером, в конце концов. Или об этом будет знать мама Сашки и тоже поклянется хранить тайну?

Кстати, про физику. Как оказалось, эта наука подразумевает опыты, проекты и эксперименты. Ну я догадывалась, но плохо себе представляла, как это выглядит в реальности. Да я и адронный коллайдер плохо себе представляю. Так вот, сначала Василий потребовал емкость – прозрачную, с крышкой, достаточно большую. Я с восторгом опустошила контейнер, где хранились лекарства, и выдала сыну для опытов. На следующий день начал звонить домофон и косяком пошли курьеры: один принес упаковку с чем-то непонятным, какими-то проводками, которые (судя по чеку) стоили сто рублей, а их доставка – триста. Но для науки ничего не жалко, так что я приняла заказ и оплатила. На коробочке было написано: «Вольфрамовые

неплавящиеся электроды». Десять штук. Для меня это словосочетание – «вольфрамовые электроды» – звучало словно музыка, пролилось бальзамом на материнское сердце, которое екнуло, когда очередной позвонивший в дверь курьер принес бутылку с надписью «Изопропанол». За доставку я опять отдала больше, чем за бутылку, но исключительно ради науки. Вася был в школе, поэтому я послала ему смс-вопрос:

- Что такое электроды и изопропанол?
- Мам, ты не поймешь.
- Объясни!
- Это типа торий и спирт.
- Нет слова «типа»! – взбунтовался во мне гуманист.

Про спирт мне все более или менее понятно. А про торий я слышала впервые. Спросила у Гугла. Из всего прочитанного я поняла, что это радиоактивное вещество.

Перепугалась страшно. Нашла марлевую повязку и решила, что нужно заказать противогаз или что-нибудь современное в этом духе. Потом подумала и решила запретить Василию проводить в квартире опыты. Как мать. В тот момент, когда я думала, как радиация сочетается со спиртом и, возможно, как спирт может ее нейтрализовать, позвонил еще один курьер. Он держал в руках здоровенный контейнер и требовал каких-то очень больших денег за доставку.

– Сейчас, минуточку, – попросила я курьера, собираясь звонить сыну и спрашивать, что находится в контейнере и можно ли его вносить в квартиру.

– Не волнуйтесь. Это сухой лед, – успокоил меня курьер.

Пришлось оплатить и сухой лед.

Потом мы с сыном разминулись – он пришел из школы, а я уехала по делам. Когда я вошла вечером в подъезд, меня остановила консьержка тетя Алла:

- Маша, ты только не волнуйся. Но Вася, кажется, начал... э... злоупотреблять.
- Теть Ал, с чего вы взяли? Меня не было дома три часа.
- И он успел злоупотребить! – объявила консьержка. – Мне Настя сказала!

Настя – это наша соседка по этажу.

– Я разберусь, – пообещала я и вошла в лифт.

На лестничной клетке меня уже поджидала Настя.

– Маша, ты знаешь, что Вася курит? Вася курит! – кричала Настя.

– Давно? – уточнила я.

– Как из школы пришел, так и закурил! На общий балкон уже три раза выбегал! И он пил водку! Водку я сразу чувствую! У меня нюх на спирт! Точно водка!

Я, конечно, перепугалась. Вася вполне может и курить, и пить водку. Но еще вчера этого не делал и не собирался. Может, у физиков это по-другому происходит, чем у гуманитариев?

Я вошла в квартиру, осторожно прижимаясь к стене, и чуть на пол не сползла от ужаса. В квартире пахло не спиртом, а целым спиртовым заводом. В коридоре на полу сидела Сима и рыдала так, будто случилось самое страшное, что только может быть. Вася стоял рядом в куртке, в марлевой повязке и с черной коробкой в руках.

– Что случилось? – спросила я, пытаясь оценить масштаб катастрофы.

– Мама! Вася забрал мою черную краску! Всю! – прокричала Сима, захлебываясь рыданиями.

– Вася, почему ты в куртке? Ты трезвый? Ты куришь? – задавала я вопрос за вопросом, потому что на самом деле не знала, что делать.

Вася закатил глаза и в обнимку со своей черной коробкой выскочил на лестничную площадку.

– Сима, встань с пола. Надо все проветрить. У вас давно так пахнет? Где папа?

– У меня нет черной краски! – продолжала рыдать дочь.

Я открывала и закрывала окна, успокаивала дочь, отмывала краску с пола растворителем. Опять открывала окна, потому что нестерпимо пахло растворителем. И мне это нужно было успеть сделать до того, как домой вернется муж. Стоило мне открыть дверь, чтобы создать сквозняк, как на площадку тут же выскочила соседка Настя, чтобы сообщить, сколько раз Вася курил и сколько раз он выносил на общий балкон бутылку с водкой. Сима опять решила порыдать, потому что черная краска ей нужна была именно сегодня, а завтра будет поздно.

Вася вернулся с балкона.

– Так, быстро мне все объясняй. Популярно и понятно, – потребовала я.

– Мам, не сейчас...

– Сейчас же! Я должна понимать, почему у меня в доме запах, радиация и зачем ты забрал у Симы краску? И объясни мне так, чтобы я потом могла эту версию пересказать внятно и убедительно твоему отцу, соседке и консьержке.

Вася вздохнул и объяснил. Ему для научного проекта по физике в школе нужно было собрать камеру Вильсона.

– Камеру? – уточнила я.

– Мам, это типа коробки.

– Нет слова «типа»!

– Хорошо. Вроде коробки, которая должна быть покрашена в черный цвет. Поэтому я взял у Симы черную краску. Я начал делать камеру дома, а потом вышел на балкон, чтобы не так сильно пахло. Сухой лед создает разницу температур. Изопропанол ложится паром внизу. То есть на самом деле все не так, но ты не поймешь. Электроды мне были нужны из-за тория. Но где я найду торий? А в электродах он есть в виде примеси. Понимаешь? Мне нужны были всего два, но они продавались только упаковками по десять штук. Поэтому я взял десять. Смысл эксперимента – увидеть следы элементарных частиц. Их можно сфотографировать, снять на камеру. Понимаешь?

– Нет, не очень, – призналась я.

– Ну набери в Гугле «камера Вильсона»!

– То есть ты не курил и не пил водку...

– Тебя только это интересует?

– Ну если честно, то да.

– А меня интересует, когда у меня будет черная краска! – объявила Сима.

– Что тут у вас происходит? Вася, ты куришь? И почему у нас пахнет водкой? – спросил мой муж, отец семейства, который вошел в квартиру.

– Был бы у меня дозиметр... – понуро ответил Вася, – и хоть один нормальный человек в доме.

Спустя некоторое время мы вернулись к теме водки. Вася исполнилось шестнадцать. Он чувствовал себя совсем взрослым. Гордо утверждал, что «в развитии он скакнул на все семнадцать». Я предпочитала не уточнять, что это означает, чтобы хотя бы иногда спокойно спать. На зимние каникулы он попросился в спортивный лагерь. Отправили. После его возвращения чемодан я открывала с опаской, гадая, сразу выбросить носки или попытаться постирать. Под грудой футболок, которые издавали такой запах, будто в них ходил не только Василий, но еще двадцать человек, я нашла бутылку водки. Закрытую. Долго таращилась на бутылку, подбирая слова, которые должна как мать произнести в этом случае.

– Васюш, скажи, а зачем тебе водка? – Это лучшее, что я смогла

придумать.

Тут я, как гуманитарий, сразу поняла свою ошибку. Во-первых, вопрос глупый. Во-вторых, ответы я знала заранее. «Бутылка не моя... друг попросил к себе положить... понятия не имею, как она оказалась в моем чемодане... привез в подарок папе, только потом вспомнил, что он не пьет водку...» Тут же мне самой стало стыдно, потому что я, можно сказать, рылась в вещах сына. Ну кто меня дернул разбирать его чемодан? Пусть бы сам разобрал, недели через три где-то, когда там уже лягушки квакать будут.

Василий даже бровью не повел, когда я предъявила ему запретный продукт.

– Купил, – как всегда, лаконично ответил сын.

– Зачем?

Далее последовал гениальный ответ, который даже я – гуманитарий с бурной фантазией – не смогла бы придумать.

– Для обработки ран, – сказал Василий.

– Мусечка, каких ран? Душевных?

Вася захохотал.

– И почему я сам до такого не додумался? Да, мам, хорошая версия. Я просчитал, что тебе больше понравится версия с антисептиком.

Теперь у нас в ходу эта присказка. Когда муж наливает себе вечером виски или я прошу бокал вина, мы комментируем:

– Исключительно для обработки душевных ран.

УПК, или Нужно ли тачать болванку?

После очередного родительского собрания родительницы из класса сына тоже решили завести группу в «Вотсапе». Теперь у меня два чата в «Вотсапе». Иногда события развиваются так стремительно, что телефон вообще не замолкает. Я сижу в ступоре – Боливар не вынесет двоих. Не пишу ответы, потому что боюсь перепутать адресатов.

В старшей школе свои проблемы. Родительницы в панике. Поводом стала новость о введении в школах трудового воспитания. Инициатива – Министерства образования. Как всегда, есть те, кто за, те, кто против, и те, кто помалкивает. В моей семье муж против, я – за, а сын помалкивает.

Помните, раньше в дневниках стояла аббревиатура – УПК, «учебно-производственный комбинат»? Мой муж, учившийся в московской школе, осваивал профессию телефониста и с тех пор терпеть не может любые телефоны. А на уроках труда, предшествовавших УПК, безуспешно пытался изготовить в школьной мастерской ракетку для пинг-понга. Мой личный провинциальный опыт еще более разнообразен. Собственно, вопрос в том, возможно ли в принципе сейчас скрестить предмет «труд» с «УПК», не станет ли это профанацией и имитацией учебного процесса, хотя бы потому, что жизнь другая, дети другие, родители другие. Это как с дежурством по классу, который предложила ввести учительница дочки моей знакомой (ее дочка учится в начальной школе). Скандал у них разразился такой, что долго успокоиться не могли. Учительница всего лишь предложила, чтобы девочки поливали цветы, вытирали доску, подбирали с пола бумажки, а мальчики поднимали стулья на парты после занятий. Ну ведь и впрямь, по сути, ничего страшного. Половина родительниц решила нанять уборщицу, чтобы дети, не дай бог, грязную тряпку в руки не взяли. Тут же начались крики, что у одного ребенка аллергия на растения – все цветы должны быть срочно выставлены из класса в рекреацию. У другого ребенка – аллергия на пыль. У третьего – бабушка, она может прийти поднять стулья, если уж так надо. Учительница, которая хотела, чтобы дети научились заботиться о цветах, о собственном классе и банально убирать за собой мусор, пожалела о том, что вообще рот открыла. Моя подруга была за дежурства, но осталась в меньшинстве и предпочла не вступать в дискуссию. Потому что мамы впали в истерику и кричали в «Вотсапе»: «Давайте им еще повязки красные сошьем на руку!», «Давайте еще их в пионеры примем!» И от невинных цветочков перекинулись на обсуждение

политических вопросов.

Я сменила несколько школ в разных городах, поэтому уроки труда у меня были не похожи друг на друга. В школе на Северном Кавказе мы собирали колорадского жука с картошкой в местном колхозе. Шли, сверкая на солнце пионерскими галстуками, вдоль грядок и топили жуков в керосине. В жизни мне это не пригодилось, но зато я не поднимаю визг, когда вижу насекомое.

В школе в северном городе труд у нас вела секретарь школы. Мы учились печатать на машинках вслепую десятипалцевым методом. У мальчиков был свой трудовик, бывший электрик. До сих пор считаю, что печатать вслепую – очень ценный приобретенный навык. А мальчишки у нас рано начали подрабатывать. Пока официальный, прикрепленный к ЖЭКу электрик находился в запое, парни чинили проводку, ремонтировали розетки, даже люстры навешивали. Хотя, кажется, они сами электрика и спаивали.

В московской школе мои уроки труда проходили в парикмахерской, которая была оборудована на первом этаже школы. Там все было по-настоящему – с зеркалами, мойкой, креслами, фенами и даже куполом-сушкой для перманентной завивки. Мы специализировались на мужских стрижках. Клиентами становились первоклашки или второклашки, которые, с точки зрения учителей, ходили заросшими или плохо себя вели на уроке. Нам отправляли их сами учителя. Если стрижка не удавалась, а она, конечно же, поначалу не удавалась, наша Лариса Витальевна брила клиента машинкой под ноль. Если в начале года у нас все первоклашки ходили лысые, то к концу мы навострились делать всякие боксы, полубоксы, бобрики. В свободное время мы экспериментировали с начесами и бигуди.

Пригодился ли мне этот навык? Ответ – да. В последних классах школы я стригла Сережку Малкова, а тот делал за меня математику. Почему Малков не ходил в парикмахерскую, не знаю. Василия, когда он был маленький, я тоже стригла сама. Недолгое пребывание в школе в Закарпатье обернулось очень ценным навыком – мы учились делать уколы, накладывать повязки, оказывать первую медицинскую помощь. Внутримышечно я колю всех до сих пор, включая соседок, родных, маленьких детей (своих и чужих), а также домашних животных. Сама себе тоже уколы делала, когда была беременная. Когда-то умела ставить капельницу на швабре, но сейчас уже вряд ли получится. Но мне было проще самой уколоть свою крошечную дочь, а не тащить ее в поликлинику. Я колола маму, когда у нее были сильные боли. Делала прививку мужу.

Муж считает, что у меня было тяжелое детство и часы, отведенные на труд, лучше тратить на дополнительные уроки русского, литературы, математики или физики – у кого какой профиль. Многие родители думают так же. Тем более что детям, которые нацелены на поступление в институт, нужно к ЕГЭ готовиться, а не тачать болванку на заводе или окучивать деревья на школьном дворе. Впрочем, мой помалкивающий сын, послушав семейную дискуссию, сказал, что болванку на заводе – это прикольно. Почему бы и нет?

Мы в детстве очень много работали. Я до сих пор не люблю ездить к маме на дачу. Там меня ждет бесконечная работа – постирать пять комплектов белья (они чистые, но давно лежали в шкафу и стали затухло пахнуть), погладить, прополоть цветы, начистить кастрюли-сковородки. Мама выросла в селе, я выросла в селе. И никакие современные реалии не могут изменить веками установленный порядок.

Что входило в обязанности девятилетней девочки? Встать в шесть утра, подмести двор, натопить печку, перемыть обувь, замесить тесто, чтобы подошло. Нанести пять ведер воды. После школы – погладить белье, постирать белье, перемыть посуду, отчистить песком сковородки-кастрюли, еще раз перемыть обувь, наносить воды, сходить в магазин, прополоть грядки. Когда урожай – собрать ягоды. В выходной – собрать ягоды, поехать на базар, стоять, пока не продашь. Вернуться домой, стоять над чаном, в котором варится варенье. Перемыть банки для закрутки, развесить банки на заборе, наносить воды, подмести двор, поставить на утро тесто, развесить белье, погладить белье, перемыть обувь. Если у соседей праздник, то помочь подготовить мясо, нарезать овощи, все перемыть, еще раз все перемыть. Подать, отнести, снова подать, снова отнести, перемыть посуду. Еще раз. В свободное время – обвязать кусок ткани крючком, чтобы получилась скатерть. Накрахмалить белье. Выбить перины и подушки, вывесить на просушку. В сезон – собрать чабрец, цветки ромашки, липу. Перебрать, насушить.

У меня еще не было младших сестер и братьев, а у моей подружки Фатимки – были. И она следила за младшими братом и сестрой. Она их кормила, переодевала, развлекала, учila. Мы успевали и попрыгать в резиночку, и в кино сбегать, и во дворе поиграть. Мальчишки месили цемент, рубили дрова, пасли овец и успевали гонять на мотоциклах. Я злюсь на маму, которая ждет от меня хозяйственных подвигов. И все-таки покорно высаживаю герань и вывешиваю одеяла на просушку. Это неистребимо. Это уже в подкорке. Я прошу сына съездить со мной на рынок, и он послушно таскает пакеты. Дочка накрывает на стол,

раскладывает продукты. Сима не носит ведра с водой из колодца, но если бы у меня рядом был колодец, она бы это делала. А Вася бы месил цемент и пас баранов.

«Жаворонушки» и другие праздники. Как сделать тыкве декупаж

Весна в начальной школе – это сплошная череда праздников. День Букваря, праздник встречи весны «Жаворонушки». Поскольку с Васей я все эти торжества прогуляла, то с Симой решила их отметить ударным родительским трудом.

Нам досталась буква Н. Нужно было сделать корону на голову, двухцветную – сине-зеленую. Поскольку Н бывает и твердой, и мягкой. Ну это я так для себя решила. Больше повезло родителям, которым достались гласные и всегда мягкие звуки – им нужно было сделать буквы в одном цвете. Поскольку за живопись и аппликации в нашей семье отвечает папа, то я его и отправила за картоном. Накануне на родительском собрании нам показали «правильное» исполнение буквы на голову и «неправильное». Правильной оказалась буква Ч – такая зелененькая, аккуратненькая, с ровненьким ободком. Букву А делал старший брат для младшего – кривенькую, косенькую, здоровенную, на антеннке из проволоки, держающуюся на голове с помощью резинки от трусов.

Наш папа, которому я подробно пересказала про резинку от трусов и образцовую Ч, купил, естественно, неправильный картон – не того формата, да еще и блестящий! А блестящий – нельзя. Пришлось его отправлять за новым картоном. Он долго что-то измерял линейкой, держал при себе дочь, снимая мерки с ее головы, и наконец выдал работу. Буква Н была здоровенной, как башня. Ободок великоват и держался на ушах дочки. Чтобы он не упал, Сима выпячивала челюсть, поджимала губы и была очень похожа на Барбру Стрейзанд.

– Нефертити, – объявил счастливый отец, с любовью и нежностью глядя на дочь, которая изо всех сил старалась не потерять корону.

Я решила не травмировать мужа и сказала, что все замечательно.

Букву, конечно же, не приняли. Но наша любимая Светлана Александровна, которая прекрасно знала моего мужа и могла себе представить, как глубока будет его душевная рана, сказала Симе, что сама лично переделает букву как надо. И пусть папа не расстраивается. Пусть он вообще не знает о том, что буква нуждается в переделке. Мудрая женщина.

Чтобы как-то загладить вину за неудавшуюся Н, я вызвалась печь булочки-жаворонки к празднику. Всего нужно было приготовить к

празднику сорок штук, значит, каждой маме – по десять. Я решила, что уж с десятком булочек как-нибудь управлюсь.

Родительницы-кулинарки прислали рецепт – я начала читать про опару, про то, что бывают жаворонки рязанские, московские, праздничные, постные, дрожжевые и прочие, и начала сходить с ума. Смалодушничав, решила, что закажу в кондитерской – ведь наверняка есть кондитерская, которая печет этих жаворонков. Но муж сказал, что раз он делал букву, то я должна сама испечь этих птичек.

Так уж сложилось, что с тестом я обращаться не умею. Я умею с мясом во всех видах, включая экзотические, вроде бычьих яиц и гусиных сердец. Умею делать гарниры – из чечевицы, фасоли. Суп я могу сварить из чего угодно, включая траву. Супы вообще моя специализация. Моя мама же умеет из теста сделать и первое, и второе, и третье. Но мясо она загубит точно. Зато тесто у нее получается уникальное. Сколько я ни пыталась выведать рецепт, мама не выдает. Говорит, что передаст тайное знание внучке, через поколение.

Я наловчилась делать сносное тесто, но слепить узорный пирожок не умею. Он будет вкусным, но на вид – страшным и неказистым. У меня, как говорят ведущие кулинарных передач, «проблемы с презентацией». Но деваться было некуда – я сделала тесто и поставила его подниматься. Родительницы тем временем обменивались в «Вотсапе» фотографиями, как правильно скрутить жаворонка.

Первую порцию я делала с дочкой, как и советовали сайты – пусть дети делают глазки и хвостики. Совместная выпечка очень объединяет семью. Ну не знаю. Я пыталась сделать из колбаски теста узелок, а Сима втыкала в него изюм. Я лепила хвостик, Сима разрезала хвост на перышки. У нас, если честно, получились лупоглазые монстры, похожие на креветок, причем уже сваренных. Глаза у всех были слегка навыкате. Но я их испекла. Восемь штук, согласно рецепту. Один съел сын Вася и не заметил, что съел, – подростки вообще редко видят то, что из съестного попадает им под руку. Еще одного попробовал муж – сказал, что пресно и не сладко. Еще одного жаворонушка съела репетитор Васи и, чтобы меня не обидеть, похвалила: «Очень милые... э... булочки». Четвертого съела я, со злости, потому что забыла позавтракать и терять мне было нечего. Тут я сдалась и села обзванивать кондитерские. Срочный заказ в виде птичек никто выполнить не мог. Предлагали макарони, морковный торт, эклеры, но что такое жаворонушки, не знал никто.

Тогда я снова замесила тесто, уже другое, сладкое, отогнала дочь и слепила жаворонков по-другому – с крыльишками. На противне они

смотрелись очень даже, а в готовом виде... Сын, сграбастав парочку, объявил, что жаворонки больше похожи на крабиков. Муж радостно и мстительно разглагольствовал про осьминогов. Никто не узнал в моей выпечке птичек, но ели дружно и с аппетитом. В десять вечера. На кухне, засыпанной мукой по самую люстру.

И тут, конечно, активизировался родительский комитет. Одна из мам написала: «Птичка принесла на хвосте, что бабушка Ксюши уже напекла тридцать одного жаворонушка. Так ли это? Давайте информировать друг друга о подобных инициативах! Остальным печь или не печь?»

– А у меня уже десять.

– И у меня пятнадцать.

– У меня шесть – остальное подгорело.

– Скажите вашей птичке, что у нее неправильная информация. Во-первых, у Ксюши нет бабушки, а во-вторых, жаворонков всего десять, как и требовалось. И если вы так расцениваете добрую волю, то мы больше не будем участвовать в мероприятиях класса. Сами пеките.

– Да мы ничего не имели в виду!

Ситуацию, как всегда, спасла Шушука.

– А что празднуем? – спросила она на голубом глазу. – А я ватрушки испекла. Четыре штуки осталось. Могу еще безешек с вечера поставить.

В школе мои булочки были приняты, поскольку две мамы вообще забыли о задании и детям едва хватило. Так что крабики, осьминоги, птички-монстры пошли на «ура», как и ватрушки-безешки от Шушуки. Сима сказала, что Сева выел у всех птичек глазки-изюминки и отгрыз всем хвосты. А Сева знает толк в выпечке – он за партой не умещается, и его попа свисает со стульчика. Так что это лучший комплимент.

По соцсетям и родительским чатам ходил анекдот в виде эсэмэс-переписки:

«У учителя раздается звонок-оповещение, что на телефон пришло сообщение.

– Три часа ночи! Кто вы?

– Это папа вашего ученика, Елена Васильевна. Спите?

– Конечно!

– А мы каштаны пилим, желуди протыкаем – готовим поделку на конкурс «Прощай, осень».

Да, творческие внеклассные конкурсы проходят один за одним. Как я узнала, дети уже изготавливали поделки на тему «Золотая осень», потом что-то соображали про «Здравствуй, зимушка-зима», чуть позже наступило

время «По следам зимы суровой», а нам досталась «Весна-красна». Но в этом вопросе я оказалась опытной. На наших курсах подготовки к школе конкурсы тоже были.

Поделки дети должны изготавливать из природных материалов. Я прекрасно помнила, что победила поделка девочки из соседней группы – тыква, в которую воткнуты цветки физалиса. Воткнуты, надо признать, профессионально – на проволочках. Тыква была покрыта лаком, аж сверкала. Я присмотрелась. Еще и декупаж тыкве сделали!

Декупаж – это когда декоративную салфетку специальным kleem приклеивают на практически любую поверхность. Тут я, конечно, позавидовала чужой маме. Наверное, дизайнер или флорист. Рукодельница. Не было никаких сомнений в том, что «Тыква – осенняя царица», как называлось произведение, – дело рук взрослого человека.

А вот все, на что я оказалась способна, – это слепить пластилином два каштана, нарисовать фломастером глаза и воткнуть зубочистки в пластилин. Думала, что делаю лошадь, но моя дочь сказала, что «этого зайца» она на конкурс не понесет.

Рядом с тыквой стояла гордая девочка-победительница. На столе были выставлены совы из еловых шишек, лешие, избушки. Особенно меня потрясли птицы, сделанные из клевера.

– Да мы заказали по интернету! Давно так делаем. Вы тоже закажите, – прошептала по секрету бабуля. Бабули вообще язык за зубами держать не умеют.

Дома я полезла искать такую услугу. Оказалось, пока я из последних сил художественно kleила кленовые листы на картон, другие родители пользовались услугами профессионалов. Есть спрос, есть и предложение. Запрос в Гугл «поделки в школу, детский сад купить, заказать» выдал приличное количество ссылок. Цены, правда, не детские – панно с птичками-снегирями стоит, например, семьсот рублей. Ваза из шишек дешевле – шестьсот. А вот домик из каштанов уже идет за тысячу. На другом сайте свои услуги предлагают частные мастера. Тут все зависит от срочности. Исполнение в течение суток – двойная оплата. Не хочешь kleить каштаны сам – звони и плати. Твой ребенок понесет в садик или школу Щелкунчика, у которого из попы будут торчать еловые ветки. Хотите отличиться? Пожалуйста! Портрет любимой мамы из косточек хурмы, разве не оригинально? Ужас, конечно, но для конкурса – в самый раз. Кстати, портрет – полторы тысячи. Дорого. Я тут же поймала себя на мысли, что заставлю всех домашних плевать косточки в отдельный пакет, чтобы потом сделать если не портрет, то хотя бы дерево – дерево я могу. А

если наплевать еще шелуху от семечек, то получится караван птиц, который улетает на юг.

Так что конкурсами меня было не испугать. Ко Дню космонавтики я сделала ракету из пластиковых бутылок, а «Весну-красну» выложила из веток и почек вербы. Симины поделки выставили в вестибюль как образцово-показательные.

Но на конкурсах поделок школьная жизнь не заканчивается. Нам задали написать стихотворение на тему «Первая строчка – маленький шаг на большом пути» или что-то вроде этого. Светлана Александровна запомнила, что я умею писать стихи. А я не умею. Да, с сыном писала, а сейчас разучилась. При этом предполагается, что стих напишет ребенок. Моя дочь не может придумать рифму к слову «палка», не то что стихотворение. Я честно пыталась с ней потренироваться. Жучка – внучка. Огурец – молодец. Без толку. Палка – сковородка. Ручка – карандаш. Тогда за стихотворение села я.

«Ранним утром лучик света постучал в окошко...» Все. Не могу. Спасительный Гугл выдал кучу ссылок. Оказывается, и стихи на заказ в школу пишут. Цена – двести рублей за четверостишие. Опять же сроки исполнения – рекордные. От трех до двадцати четырех часов. Пишет поэт, выпускник Литинститута, чуть ли не член Союза писателей. Рядом на сайте – отзывы благодарных родителей. За повторное обращение – пятипроцентная скидка. А вот другой сайт. Тут на все случаи жизни. Выложена поставленная задача, а рядом – готовое стихотворение. Например, пишет мама: «Ребенку семь лет. Нужен стишок о Петре Первом. В классе двадцать пять детей, так что короткое, четыре четверостишия. И обязательно позитивное». Читаем готовое четверостишие: «Жил в России царь когда-то, Петр Первый, император...», и так далее. Очень позитивно.

Или вот еще конкурсы рисунков. Каждый год дети рисуют Кремль. И в садиках, и на подготовке, и даже в студиях рисования. Для курсов подготовки я попросила нарисовать Кремль знакомую художницу, потому что наши самодельные кривенькие башенки не приняли. Дочка плакала. Художница нарисовала нам «нормальный» Кремль, и рисунок повесили в холле на главной стене. В школу я опять принесла этот рисунок. И что же? Опять висит на центральном стенде. Надо будет не забыть забрать, чтобы на следующий год отнести. Только цифру класса перерисовать.

Я пробовала не участвовать. Но дочка говорит, что будут ругать. А еще надо сделать мультфильм – «проектная деятельность» называется. Это уже по окружайке – они так предмет «Окружающий мир» называют. Темы на выбор: «Моя столица – моя Москва» или «Береза – символ родины моей».

Нам достались «Витамины на моем окошке». То есть мы должны вырастить лук, морковку или еще что-нибудь витаминное. Фотографировать, как это растет, обработать на компьютере, чтобы получился мультфильм. Я не удивлюсь, если есть и такая услуга, которую предлагают кинокомпании или режиссеры.

А пока я выращиваю гранат, который никак не прорастает.

Не успели отметить Праздник букваря, День матери, День космонавтики и что-то еще, как начали готовиться к Дню Победы – 9 Мая.

Раньше такого не было – это точно. Во всяком случае, тогда, когда мой сын учился в первом классе. И когда в третьем – тоже. Все родительские комитеты и родители под их присмотром готовятся ко Дню Победы. «Вотсап» не умолкает. Я специально интересовалась у знакомых – у них в школах то же самое.

Детям-первоклашкам велели принести портреты для «Бессмертного полка». Поскольку дети про полк ничего не поняли, родители тоже, началась бурная переписка.

– Нужно принести портреты формата А4 в рамке и на палке. Дедушек, которые воевали.

– А можно бабушек?

– Нет, вроде бы нужны только дедушки.

– А если у нас нет такого дедушки?

– Найдите.

– А у нас ни дедушки, ни бабушки не воевали, они на пенсии.

– Прадедушки!!!

– Да, нужно подписать, где дедушка воевал, в каком звании. Желательно, чтобы в парадном мундире и с орденами. И чтобы... ну вы понимаете... чтобы подходил... Ребенок должен устно рассказать, где воевал прадед, как погиб или не погиб и прочее.

Я сказала мужу, что нам нужен «подходящий» прадедушка. У нас огромный семейный фотоархив. Но нет ни одного парадного. Старые размытые фотокарточки. Мужчина в пижамных штанах, например. Это Иван Иванович – прадед моей дочери по отцовской линии мужа. Он был председателем дивизионного трибунала. Но нельзя же нести на демонстрацию фотокарточку человека в пижамных штанах. Есть фото, мое любимое, очаровательного мужчины с задумчивым взглядом, в элегантном костюме. От этого прадеда моим детям достался разрез глаз и волевой подбородок. В то время, когда Иван Иванович вершил судьбы военнослужащих, Давид Соломонович, прадед по материнской линии

мужа, сидел как «неразоружившийся меньшевик» в Коми АССР, где и скончался сразу после войны. Тоже не подходит для «Бессмертного полка»... Двоюродная прабабушка Генриетта жила в Ленинграде, ее муж работал на заводе, где погиб от разрыва бомбы. Двое ее детей умерли во время блокады. Годы спустя она покончила жизнь самоубийством. Есть фотография, где она – красавица с лукавым прищуром. Не подходит.

Оставалась только моя бабушка, Мария Алексеевна, которая прошла всю войну фронтовым корреспондентом. У меня есть фотографии бабушки, уже послевоенные, – она в темных очках, в платье, в кокетливой шляпке. Ее парадный костюм, увешанный орденами, я тоже прекрасно помню – он висел в шкафу, в карманах лежали апельсиновые корки от моли. Апельсины были страшным дефицитом, и бабушка считалась расточительницей, раз использовала корки для борьбы с молью. Она надевала костюм на День Победы. Сидела дома, выпивала сто граммов, пела про «белых журавлей», после чего снимала. Праздник всегда отмечала в одиночестве. Или доставала костюм, когда просили люди – сходить в сельсовет, выбрать комбикорм или достать сливочное масло. Но нет ни одной ее фотографии в этом костюме. Медали лежат в нашем шкафу, на бархатной подушке. Когда бабушку хоронили, подушечку несли перед гробом.

Мы с мужем сидели над семейным архивом и разбирали фото. Думали, что дочке еще рано рассказывать про родственников – не запомнит, не поймет. Маленькая еще. Муж достал еще одно фото, которое я раньше не видела. Эдуард Давидович, для Симы – двоюродный дед. Ему исполнилось восемнадцать лет, он ушел добровольцем на фронт и немедленно погиб. В 1943-м, на Курской дуге. На фото – совсем мальчик, мой сын на него похож. Я нашла рамочку, муж распечатал имя-фамилию, годы жизни. Но нужна была палка, которую надо было приколовить к портрету, чтобы его нести. Без палки нельзя.

Мамы в «Вотсапе» оставили ссылку – оказывается, у нас на «Победе» тоже зарабатывают. Делают портреты, хоть на палке, хоть без, двусторонние, с ленточками, без, на гофрированном картоне, со звездочкой, с накаткой на пенокартон (что бы это ни значило), оформление в багет. Компаний – только успевай выбирать. Цены – от 450 до 1200 рублей. Можно с курьерской доставкой. Оптом – дешевле.

– А вот у другого класса все очень красиво. Заказали за семьсот рублей одинаковые портреты. А мы что? У всех будут разные! – кричали мамы.

– Говорят, что можно на почте сделать рамку и прибить ручку.

– А ленточки нужны?

– Нужны! Где можно купить десять метров?

- На заправках раздавали и на футбольных матчах.
- В магазине «Ткани» точно есть. Купите на всех. Тридцать рублей метр.
- Давайте родительский комитет все закажет. Пусть выберет дедушек на свой вкус и как положено.
- А бабушек можно? Уточните.

Уточнили, бабушек разрешили и работников тыла тоже. Но тут оказалось, что портреты нужно сдать заранее. До конца апреля. Дети выйдут на парад с выданными портретами. Тут началась паника.

- А как дети узнают свои портреты?! – кричали мамы в «Вотсапе».
- По фамилии.
- А если фамилия другая?
- Тогда подпишите на оборотной стороне имя ребенка, которому нужно выдать портрет.
- Неужели ребенок не узнает своего прадеда?

Не узнает. Для меня моя бабушка была бабушкой. Она меня воспитывала. Я видела ее парадный костюм, я помню запах апельсиновых корок, я помню ее запах. Для моей дочери Эдуард Давидович – какой-то дядя на фотографии. Сейчас мы учим с ней название «Курская дуга». Понятие « рядовой ». Про остальных предков решили пока не рассказывать, чтобы не путать ребенка. Как ей рассказать про репрессии и лагеря? Про трибунал? Про блокаду? Мы учим слова «У незнакомого поселка, на безымянной высоте», которые моя девочка будет петь, и она, разумеется, не понимает, о чем это. Но родительский комитет сказал, что будет телевизионная съемка для отчета, поэтому надо петь. Завтра мы должны сдать фоторамку, а палку к ней так и не нашли. Портрет могут и не принять. Надо было заказать – за 700 рублей плюс 200 доставка в пределах МКАД. Чтобы было как у всех, как положено. Для отчета. Чтобы все видели, как мы относимся к Победе.

На торжественной линейке я слышала только голос стоящей рядом бабули, которая кричала внуку, не без труда державшему палку с прибитым портретом:

- Петя, держи дедушку ровно!

Дожили до выпускного и отметили семилетие

Как-то незаметно мы дожили до выпускного.

– Торжественная линейка – и все! – объявила классная руководительница моего сына. – Здоровее будут. Пусть лучше выспятся. У них ОГЭ на носу.

Мамы дружно кивнули – высаться, конечно, лучше. Но младшая школа решила гулять на полную катушку.

– Мама! У нас будет праздник, под ковром, нет, под шаром, нет, не помню. Мне нужно новое платье! – прибежала из школы Сима. Родительский комитет в «Вотсапе» объявил – последний день учебы двадцать третье мая, и сразу же идем на праздник. Сняли для «выпускного» шатер на огражденной территории, где обычно гуляют свадьбы и юбилеи. Началась дискуссия.

– Будут два аниматора на два часа.

– Надо пятерых аниматоров! Двое с тридцатью детьми не справятся!

– А аниматоры в костюмах? Давайте для девочек закажем фею, а для мальчиков – пирата.

– Мы же не в детском саду! Мы уже первый класс окончили! Какие феи с пиратами?

– А что дети будут есть? Только, пожалуйста, чтобы не было шоколада. У нас аллергия.

– А у нас на сгущенку. Только без сгущенки!

– Сок яблочный! Моя только яблочный пьет!

– А мы вообще не можем! У нас вступительные экзамены в музыкалку! Почему назначили на будний день? Давайте перенесем на субботу!

– Я тоже не могу. Работаю.

– А у меня младший ребенок заболел. Мы тоже не сможем прийти.

Родительский комитет выставил в «Вотсапе» фотографию шатра.

– Его же надо украсить. Давайте закажем шарики. На такой зал нужно сто как минимум. Я комнату дочки на день рождения украшала – пятьдесят как раз хватило.

– И цветы. Девочкам и учительнице.

– А съемка будет? Давайте закажем профессионального фотографа. А

то, когда мамы снимают, половина детей в кадре отсутствует. Или снимают вертикально все время, ни одного горизонтального снимка!

– Пусть каждая мама снимает своего ребенка как хочет.

– А взрослым еда нужна? Давайте каждый закажет по меню, и попросим отдельный чек.

– Давайте общие закуски закажем!

– Вы что, туда есть придете? Праздник – для детей!

– Напитки? С собой приносим?

– Что вы имеете в виду?

– Вино я имею в виду! Надо же выпить за детей!

Пока мамы обсуждали, пить или не пить, родительский комитет подвел итоги. Праздник обойдется в 90 тысяч с класса, и это по самым скромным подсчетам. На три часа. А если не будний день и не двенадцать часов дня, то было бы еще дороже. Фотограф сделает фотосессию – на фоне живописных деревьев и кустов снимет каждого ребенка. Два аниматора будут два часа перетягивать канат и прыгать с детьми в мешках. Дети – есть картофель по-деревенски и пиццу, закусывать букетом из овощей и пить морс ягодный. На десерт – фруктовая композиция. Пятидесяти шариков хватит, цветы не нужны – не свадьба ведь. В общем, товарищи родители, сдаем деньги поактивнее. Неужели вам жалко денег на детский «выпускной»? Первый класс бывает только раз в жизни! А кто не сдаст, тот лишит ребенка праздника! Мамы затихли.

– Простите, а если будет дождь? Обещали ведь дожди, – подала голос одна мама. – Тридцать детей, тридцать родителей под одним шатром... Может, лучше устроим чаепитие в классе?

– Точно! – оживились мамы. – Чаепитие! Пусть каждый напечет то, что любит ребенок.

– И кто будет печь? Давайте составим список!

– Я не могу печь.

– И я не могу.

– А вопрос по поводу шатра – кто привезет влажные салфетки? Детям ведь нужно помыть руки! А туалет там рядом? На фотографии – непонятно. И аптечка! Обязательно нужна аптечка! Вдруг кто-нибудь упадет!

– Слушайте, девочки, зачем нам вообще выпускной? Ну пусть дети после школы побесятся на детской площадке, погуляют подольше. Они же все равно есть не будут и за столом сидеть не будут. И картошку они есть не будут! Зачем им шатер? Давайте им в школьной столовой пирожков с яблоками купим! Они все любят эти пирожки. Так же будет лучше. У нас бабушка с давлением, я на работе, муж в командировке. Мы очень хотим на

праздник, но кто повезет туда ребенка? На автобусе туда не доедешь, пешком от нашего дома тридцать минут взрослым быстрым шагом. И не стоят три часа праздника таких денег! Давайте лучше учительнице подарок хороший сделаем. Это ведь ее праздник! Неужели со мной никто не согласен?

Я была согласна – руками и ногами. Но промолчала.

Самый лучший «выпускной» был в моей осетинской школе. После третьего класса. Нам организовали настоящий праздник – мы шли смотреть телевизор. Телевизоров в селе было раз-два и обчелся. А большой и исправно работающий – вовсе один. Нас повели в частный дом. Не знаю, кто там жил. Мы сидели на полу и смотрели «В гостях у сказки». Это было настоящее чудо и праздник. Ни до, ни после этого я не сидела перед телевизором целых полтора часа.

Хотя детские праздники я очень люблю. Но никогда не знаешь, как сделать так, чтобы детям было хорошо.

День рождения Серафимы, который приходится аккурат на конец учебного года, я отмечаю бурно – за нее и за себя. И каждый раз волнуюсь – удастся ли устроить идеальный праздник?

Симе исполнялось семь лет. Я заказала пятьдесят воздушных шаров, которые должны были летать под потолком. Шары были доставлены вовремя, правда, водитель замотал ленточки в один прочный узел. Утро я посвятила тому, что ловила шары и с помощью ножниц закручивала ленты как серпантин. Где-то на втором десятке это занятие даже перестает раздражать, а, наоборот, успокаивает.

Главным развлекательным номером торжества должны стать ежики. Настоящие дрессированные ежики, прибывающие в сопровождении феи. Дело в том, что моя дочь боится громких и прыгучих животных. Сима сказала, что очень хочет, чтобы к ней пришли настоящие ежики, и еще можно белого зайчика. Поскольку она пошла характером в меня, то если сказано – ежики, значит, должны быть ежики. И заменить их на обезьяну, попугаев, собачек и даже змей – нельзя.

Оказалось, что в Москве можно найти все, включая ежей в компании с зайцем и феей. Я начала обзванивать гостей. «Будут дрессированные ежики», – сообщала я родителям детей.

После первого же звонка своей приятельницы, которая должна была прийти с дочкой, мне пришлось опять звонить фее. Потому что приятельница сообщила, что ежи – переносчики бешенства и нужно непременно узнать, сделаны ли им прививки.

Папа другой девочки-гостьи сообщил, что ежи в принципе не поддаются дрессировке, потому что у них самый маленький мозг, и что меня точно обманули. Но на этого папу я не обратила внимания, поскольку он мужчина своеобразный – каждый день ждет конца света.

При этом взрослые хотели посмотреть на дрессированных ежиков больше, чем дети. Иначе зачем бы я им рассказывала, как ежики будут бегать по жердочке, качаться на качелях, сидеть на воздушном шаре... Да, а в конце были обещаны «обнимашки». То есть бедных ежиков можно будет затискать для памятной фотографии.

Чтобы у гостей не было никакого шанса под благовидным предлогом отказаться от праздника, я подготовила еще несколько «номеров». Вот раньше мамам было достаточно того, что дети поиграют в настольные игры, съедят по куску торта, побесятся всласть, полопают шары. А сейчас нет – всем подавай мастер-классы и что-нибудь развивающее. Папы, к счастью, остались папами – им бы посидеть за столом и спокойно выпить.

Поскольку я надеялась вернуть Симу в балет, то решила устроить балетный мастер-класс, тем более что большинство гостей – девочки. Было принято решение – у каждой девочки должна быть пачка. Вот результат: каких-то три дня – и я теперь в совершенстве владею искусством «сшить пачку своими руками». Троек суток по инструкциям в интернете я шила из разноцветной сетки юбки, пришивала к ним банты. Тут опять были сложности, поскольку пачки были именные, персонально для каждой девочки-гостьи.

– Какой у Маши объем талии? – спросила я свою приятельницу, маму девочки Маши.

– Что ты! У нее нет талии!

– Какой у Нюси объем талии? – позвонила я другой своей подруге.

– Где-то пятьдесят пять сантиметров.

– Ты уверена? – уточнила я, поскольку речь шла о пятилетней девочке.

– Не уверена. Я рулеткой ее мерила.

Целую неделю мы с моей знакомой балериной, которую я уговорила приехать и дать себя замучить детям, подбирали музыку. Григ или Сен-Санс? «Щелкунчик» не подойдет, у нас же не зима. А может, все-таки Шопен? Балерина придумала танец цветочков, танец лебедей, танец куколок.

И еще я пригласила свою знакомую художницу, которая должна была что-нибудь нарисовать вместе с детьми.

У плиты я стояла два дня – из-за популярности ежей у меня набиралось примерно двадцать пять гостей. Отдельно я готовила детский

стол, потому что Нюся ест только макароны, а Маше нельзя ничего сладкого. Арише можно все, но без молока. Родители тоже не подкачали – папы жаждали мяса, одна мама была вегетарианкой, вторая сидела на Диокане, а третья не ела блюда с орехами.

Сказать, что я нервничала, – ничего не сказать. Но все прошло хорошо. Девочки передрались за пачку – почему-то все хотели именно синюю. Остальные восемь цветов их не сильно волновали. Они станцевали танец цветочков и почти добрались до куколок. Но вдруг красивым сценическим шагом прошествовали в детскую, где были навалены подарки, и сказали, что «все» – спектакль окончен. Десять минут – я следила по часам. Когда художница предложила им что-нибудь порисовать, они даже головы не повернули. И никакие краски с блестками, фломастеры с запахами, карандаши со стразами их не привлекли.

Пока я накрывала специальный стол для детей, с розовыми тарелочками и прочей красотой, дети прогнали родителей из-за стола и начали есть взрослую еду – с чесноком, мясом, специями и даже язык с хреном, который был приготовлен специально для выпивающих водку пап. Папам пришлось закусывать диетическими куриными котлетками с минимумом соли, поскольку дети слопали все – и сладкое, и соленое, и вредное, и попросили добавки. Никто даже сырью не пошел!

После этого дети заявили, что хотят торта. Прямо сейчас. А не тогда, когда придет время чая. Тем более что ежи еще не приехали.

Пришлось одновременно выносить торт со свечками для детей и запасное горячее для взрослых.

Ежи были замечательные. Очень даже дрессированные. А еще совсем плюшевые – у них мягкие иголки. Оказывается, они бывают белые, пятнистые и серые. Зайчик, правда, подкачал, дрыгнув когтистыми лапами в тот самый момент, когда его посадили на колени к имениннице. Сима рыдала так, что перепугала и зайца, и ежей.

Праздник удался. На память у меня осталась фотография Симы, которая орет с зайчиком на коленях. Куча фотографий ежей. Фото двух девочек, которые тянут на себя одну пачку. И да, моя фотография, где у меня безумный взгляд.

Пока я намывала посуду, не влезшую в посудомойку, думала о том, какие у меня уже взрослые дети. Васе вот уже шестнадцать. И я непременно хотела это отметить. А чем можно удивить подростка, который сам заказывает себе подарок на день рождения, и моя задача состоит в том, чтобы дождаться курьера и оплатить, даже не зная, что лежит в коробке? В последний раз я заказывала ему торт на семилетие – что-то с футбольистами

и воротами. Потом он категорически отвергал торты и традицию задувания свечей. Сейчас я захотела его... хотя бы насмешить.

Торты предлагаются на самый изощренный вкус и по любому поводу. Украшения на тортах достойны отдельного описания – из мастики и глазури кондитеры творят чудеса: фигурки и изображения любых увлечений и профессий от рыбака до танкиста. Для мужчин есть специальные предложения: торты, украшенные голыми женщинами из мастики, чемодан денег, пистолет. До возраста совершеннолетия – машинки, «Человеки-Пауки», роботы и опять же футболисты. Я даже нашла кондитерскую, которая предлагает торты строителям, пожарным, полицейским, музыкантам. Но, видимо, физики и математики торты не едят.

Впрочем, есть опция – торт по вашему заказу. А теперь представьте, как я звонила и просила сделать торт в виде наночастиц, камеры Вильсона или хотя бы адронного коллайдера. Спустя сутки я нашла кондитерскую. То есть девушку, которая знала, что такое атом. Я не верила своим ушам.

– Мы делали торт для Росатома, – объяснила барышня. – Можем сделать вам такой же, только надпись другую. Вам нейтроны какого цвета делать? Красного или синего?

Тут я упала в обморок и сказала, что сгодятся любого, поскольку не знала, какого цвета они должны быть.

Торт доставили вовремя, перевязанный бантиком. Я не знала, где у атома верх, а где низ, поэтому цифры-свечи воткнула сбоку. И была очень собой горда.

Сын задул свечи, съел кусок.

– Тебе понравилось?

– Да, только протоны с электронами все-таки лежали не там, где надо, – ответил сын.

Готовимся к отпуску. Бриллиантовые руки

До окончания школьного года оставалось совсем немного. Буквально две недели. Я распечатала два листка со списком литературы на лето – для сына и дочки. Подготовила брошюры с тестами, чтобы помочь детям не забыть за лето то, что было выучено зимой. И даже удивилась – как-то спокойно стало. Такое спокойствие обычно не предвещает ничего хорошего. Так и оказалось. Буквально в течение нескольких дней я стала крупным специалистом по гипсам.

Началось все, конечно же, с мужа. Он вообразил себя молодым поджарым юношей и вышел на пробежку. Вернулся очень быстро, практически сразу, не дойдя пару метров до парка. Упал и сломал то ли мизинец, то ли сразу всю кисть. Но, судя по страдальческому выражению лица, перелом казался открытый, со смещением и как минимум в трех местах. Я бросила половник и повезла мужа в травмпункт, где выяснилось, что сломал он пястную кость и, в общем, ничего страшного (о существовании пястной кости я до этого не подозревала, но муж требовал, чтобы я разглядывала снимок его прекрасной конечности и сопереживала). Травматолог сразу догадался, что пациент попался рефлексирующий, нервный, даже истеричный. Во всяком случае, на свою загипсованную руку муж смотрел с ужасом, как на чужеродное тело.

– И я так буду ходить? – то и дело спрашивал он. – А как же мне принимать душ?

Хотя по дороге в травмпункт он мне с гордостью рассказывал в миллион пятидесяти раз, как в юности играл в хоккей и ломал себе то руки, то ноги.

Конечно, вместо гипса мы заказали ему какой-то спецсплав под цвет кожи, который становится похожим на пластилин в горячей воде и принимает нужную форму. Но в ожидании этого чудо-материала муж причитал, стонал и даже посуду помыть не мог, что меня особенно раздражало. По вечерам я купала маленькую дочь и терла спинку мужу, что, в общем, тоже раздражало – он сидел в ванне, задрав почему-то обе руки над головой, и требовал, чтобы я регулировала ему водичку – то погорячее, то похолоднее. Ночью я хотела написать ему на гипсе что-нибудь неприличное, но ограничилась тем, что разрешила дочке нарисовать папе на руке цветочек, а сыну накорябать «Локомотив». От себя я много чего хотела добавить, но места не хватило бы.

К новому материалу, доставленному курьером, прилагалась инструкция по эксплуатации. Особенно мне понравился один пункт – «не класть на торпеду машины во избежание деформации». Тут я решила, что гипс мы снимем сами – стоит только запереть мужа в машине и заставить его подержать руку на торпеде. С этой счастливой мыслью я впервые уснула спокойным сном. И снился мне супруг, который покорно плавится в машине.

Муж тоже радовался новому «гипсу» – в нем он мог спокойно держать рюмку. Ручку не мог, а рюмку – запросто. Правда, новый фиксатор нужно было сушить. И я осталась без фена – супруг сушил свою руку подолгу, тщательно, на разных режимах и воздушным потоком разной температуры. Отхлебывал из рюмки и сушил. Выглядел вполне себе довольным.

Все было бы ничего, если бы муж снова не упал – материал оказался не таким уж прочным и развалился. Пришлось мне заняться аппликацией – размачивать спецсплав в кипятке и собирать конструкцию заново. Для первого раза я справилась очень хорошо – отделалась ожогом запястья, только и всего.

Но когда вечером с футбола пришел сын, прижимая руку (естественно, тоже правую) к груди, у меня даже сил не было возмущаться. Хорошо, что до этого мне вкололи ботокс в лоб, чтобы у меня даже брови не двигались. Так что со стороны я казалась спокойной, как танк, уравновешенной мамой, у которой не дрогнула на лице ни одна мышца.

Василий у нас еще и голкипер, хотя я сто раз ему говорила, что если мяч летит в ворота, то лучше отбежать, а не ловить или отбивать. Я снова села за руль и повезла Васю в детский травмпункт. Травматолог оказался грузином из Батуми. А Батуми я люблю всем сердцем, поэтому мы обсудили с ним базар, набережную, перелеты и вино. Вася тем временем с ужасом смотрел на тазик, где лежали бинты.

– А вот мужу поставили такой гипс, который... – начала объяснять я.

– Ой, не рассказывай мне про тот гипс! Пусть они его на голову себе ставят! – возмутился травматолог. – Я сейчас такой гипс поставлю, какого ни у кого нет! Будешь самый модный в школе! Женщины все твои будут! – пообещал он Василию, и тот аж вздрогнул, поскольку не собирался пока иметь отношений с женщинами. Или, наоборот, уже имел.

Васю закатали в американский гипс ярко-синего цвета. В нем можно мыться и плавать, под ним не чешется рука. Вася сходил в школу и вернулся довольный – действительно самый модный гипс оказался. К тому же он наслушался ужасов от одноклассников, как в обычном гипсе нужно чесать руку, пропихивая длинную линейку, и как там можно прятать

шпаргалки. Васин гипс оказался не только модный, но и удобный – ручку Василий держать не мог. Дома ложку, телефон и ту же ручку мог, а вот в школе изображал онемение конечностей и давил на жалость. Поэтому избежал итоговой контрольной и контрольного теста – получил отличные отметки по совокупности заслуг.

Да, забыла рассказать самое главное: мы должны уехать в отпуск. Я обложена справками для таможни о том, что мои переломанные мужчины не проносят в своих современных гипсоконструкциях золото и бриллианты и их не нужно специально просвечивать. Между прочим, справки – просто жизненно необходимая вещь. Во всяком случае, муж, который летал на сутки в командировку, подвергся тщательному просвечиванию, обыску и допросу. Конечно, он рассказывал, что это спортивная травма и что он в прошлом хоккеист. Но ему никто не поверил.

Я была вооружена инструкциями о том, как нужно снимать оба гипса. Не говоря уже о том, что в дамской сумке у меня два комплекта перевязи (серый для мужа, синий – для сына), фиксаторы, бинты и остальная аптечка для раненых партизан. Еще у меня четыре чемодана и две здоровые руки, в одной из которых я буду держать дочку, а другой, видимо, утирать пот со лба, тягая чемоданы.

Учебный год закончился.

Вместо послесловия

Оказалось, что ко второму классу и готовиться не надо – портфель есть, мешок для сменки тоже. Из форменного платья не выросли, рубашка впору. Докупила пару колготок и еще одну юбку на смену. Ну новый пенал.

– Сима, ты хочешь во второй класс? – спросила я.

– Ну да, – ответила дочь.

– У тебя будет настоящая линейка. Первого сентября! – воскликнула я, подумывая о том, что надо купить гладиолусы.

– Почему первого сентября? – удивилась дочь.

– Ну как же? Учебный год начинается первого сентября! Все пойдут в школу!

– И я?

– Да, и ты.

– Почему?

– Что значит почему? – Я начинала закипать. – Потому что такое правило. Учебный год... дети идут в школу.

– Я не пойду, – объявила дочь.

– Как это? Так нельзя.

– Можно. Я же пошла в первый класс зимой. Значит, и во второй могу пойти зимой.

Господи, мне достался еще один ребенок с железной логикой.